

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

И

скеателъ 4

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1973

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель 4

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1973

СОДЕРЖАНИЕ

- В. МИХАЙЛОВ — «Адмирал» над поляной . . . 2
Хэммонд ИННЕС — Крушение «Мэри Диар». 17
З. ЮРЬЕВ — Белое снадобье 62
А. БАЛАБУХА — Операция «Жемчужина» . . 147

№ 76

Т Р И Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д И З Д А Н И Я

«АДМИРАЛ» НАД ПОЛЯНОЙ

Фантастический рассказ

Дальняя разведка не профессия, а образ жизни, и люди определенного сорта приходят к ней, как иные к живописи или литературе, раньше или позже, но обязательно. Хлебнув этой жизни, люди потом порой клянут ее, но уйти уже не могут: это крепкое питье. Куда уж крепче. Мы вышли не то что в поле тяготения, но чуть ли не в самой атмосфере планеты, оказавшейся тут так же кстати, как песок в затворе. Нас ломало, и крутило, и швыряло из

стороны в сторону, в нижних палубах что-то лопалось с противным, ноющим звуком, а моя скакалка, висевшая на крючке, сама собой завязалась узлом, который у моряков носит название «восьмерки». Сесть мы, однако, сели. Не успел я как следует потянуться и пошевелить костями, как зажужжал интерком, и Старый Пират снял трубку.

Он поднес ее к уху и подтянул вечно спадавшие штаны. На покое Пират выглядел настоящим недотепой, и тот, кто не видал его в деле, не мог и представить себе, насколько способен преобразиться человек, никогда не бывший профессиональным актером. Старый Пират доложил, что внимательно слушает. Я тем временем вылез из амортизатора и подошел к шкафчику, где у нас стояли избранные произведения конструкторов-оружейников. Проверил трассер, магазин и конденсаторы, полюбовался оптикой и на всякий случай раза два прошелся по контактам: в этой модели если что и может подвести, то только контакты, и за ними надо приглядывать. Пират в это время нашел глазами Марка Туллия и поднял два пальца — одеваться, значит, следовало по второй программе.

— Ладно, — сказал Пират в трубку. — Это беда небольшая, мы выйдем и поспрошаем первого встречного. — Такая была у него присказка перед выходом на чужую планету; он положил трубку и стал, побряхывая, влезать в костюм.

Мы окунулись в ночь, как в холодную воду. Слегка перехватило дыхание. Люк прошипел, закрывшись за нами, и мы остались наедине с чужими широтами, шептавшими что-то голосом ветерка на языке, которого мы не понимали. Мы постояли в темноте, голубой от множества звезд. Нам было странно; только с предчувствием любви можно сравнить ощущение первого выхода. Это миг для стихов, но я, откровенно говоря, не люблю их: плохие — они ни к чему, а хорошие приводят в расслабленное состояние, когда хочется нюхать цветы и гладить собак. Нет, я не люблю стихов и сейчас просто подумал: мир вам, серебряные туманности, — и почувствовал, как перехватило горло. Марк Туллий сопел рядом, а стажер Петя что-то шептал. Но тут Старый Пират с присущей ему деликатностью просигналил: «Ну утрите слезы и займитесь делом, сынки!» — и все стало на свои места.

Опыт — великая вещь, отец интуиции. Интуиция — стержень Дальней разведки, ее спинной хребет. Земля — небольшая планета, множество людей исследует ее вот уже очень долгое время, и все же нельзя сказать, что планета изучена досконально. Что же могут три-четыре человека, оказавшиеся в одной точке совершенно незнакомого небесного тела? А ведь им предстоит сделать первые, основные, а часто и единственные выводы, высказать решающие суждения. Разведчик без интуиции, фактограф, уместен среди нас так же, как слепец в группе снайперов. Интуиция — за нее нам прощают многое.

Так что мы не прошли еще и двухсот метров, а трое уже знали, что на этой планете есть жизнь, хотя никто из нас не взялся бы объяснить, почему он так считает. Человек может больше, чем знает, порой срабатывает какое-то его качество,

им самим не контролируемое. Мы просто знали, что на мертвой планете мы чувствуем себя иначе, чем на живой. И вот сейчас мы явственно ощущали, что планета жива. Живая — не значит дружелюбная, и мы покрепче ухватились за свои игрушки, а Старый Пират сказал — беззвучно, конечно, на линтеле:

— Топать больше нечего. Полетели.

— Вот здорово! — сказал стажер Петя, любивший летать. Но ему пока еще по рангу не полагалось обсуждать команды. К тому же линтель был им усвоен в училище в основном пассивно — слышать он нас слышал, но говорить ему приходилось вслух. В училище их заряжают в основном энтузиазмом, остальное приходит потом. Так что Пират тут же поставил его на место, сказав безмолвно:

— Еще одно сотрясение воздуха, этюднен, и вместо разведки пойдешь на кухню.

Стажер понял намек и умолк. Мы откинули крышки двигателей. Каждый встал на курс — это нетрудно, что-то вроде компаса живет у нас в больших полушариях мозга, и время, и направление, и расстояние мы фиксируем бессознательно; это приходит где-то на втором, а у иных и на третьем году работы, а коли нет, то человек ищет для себя другое занятие. Со стажера спрос пока что был невелик, и я сказал ему:

— Мой каблук — твоя звезда. Не теряй из виду.

— Все? — спросил Старый Пират, включил стартер и поднял-

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

ся в воздух первым. Я лег за ним, стажер взлетел почти без заминки, а Марк Туллий, как всегда, замкнул колонну.

Мы летели на высоте ста метров и поглядывали вниз и по сторонам. Внизу был сплошной камень, и Старый Пират сказал:

— Если он гробанулся здесь, то я за него не дам ни затылки.

Старого Пирата за такие обороты речи и наградили этим прозвищем, которым он весьма гордился, а по Дальней он занимался античной философией, а Марк Туллий — зерновыми культурами. Пока я припоминал, чем же я занимался последним перед тем, как сбежать в Разведку, впереди что-то возникло. Я подумал, что это скалы, но выяснилось — лес.

Даже не лес, а много деревьев вместе. Понимаете, много деревьев не всегда лес, так же, как много людей не обязательно отряд. Я просигналил это, стажер не выдержал и фыркнул: у него за плечами было не более пяти выходов, а в эту пору смеешься иногда тому, что не смешно. Здесь был не лес, а много деревьев, стоявших на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы не мешать соседям расти так, как им хочется, и каждое дерево было само по себе, словно нарисованное отдельно, и вообще весь этот лес напоминал кадрик из мультфильма.

Пират командовал спуск. Дальняя разведка не такое место, где часто приходится видеть одни и те же картины, но такого мы еще не видели и даже усомнились было, настоящие ли это деревья. Но они росли, и листья их чуть слышно шумели, когда налетал ветерок. Мне стало весело, и я засмеялся, не думая, что нарушаю порядок. И все остальные засмеялись, хотя, честное слово, никаких поводов для смеха не было; мы стояли, расслабившись, опустив оружие, и заливались, глядя друг на друга; а Старый Пират вдруг отколол сольный номер: проскакал на одной ножке, с маху сел на землю, и все мы наподдали еще пуще. Стажер Петя перекувырнулся, и мы прямо-таки изнемогли.

Так мы резвились три минуты, потом вдруг опомнились и озадаченно поглядели друг на друга. Никто не сказал ни слова, но мы тут же построились походным порядком и тронулись, внимательно глядя по сторонам. Мы прошли еще четыреста с небольшим метров и увидели наконец наш собственный катер, из-за которого и предприняли весь этот поход. Его не упрятали вовремя в эллинг, и, пока нас лихорадило перед посадкой, он оторвался; боцману сейчас было куда хуже, чем нам, и он-то вряд ли смеялся.

Катер лежал на поляне, ближе к одному ее краю. Мы, как и положено, разделились и подошли к нему сразу с четырех сторон. Ничем не пахло, только озон чувствовался в воздухе. Снаружи катер выглядел нормально и стоял на всех четырех лапах, но мы обратили внимание на то, что лапы ушли в грунт глубже, чем полагалось бы; значит, автомат не погасил скорость. Мы поняли это и приготовились к неприятностям.

— Железяка нехорошая, — проникновенно сказал Пират. — Ну, заглянем, поглядим, чем нас встретят.

В каютке все было перевернуто, как после выпускного бала курсантов Училища Дальней разведки. Мы пробрались через этот содом и проникли в двигательный отсек.

Дальние разведчики должны разбираться во всем, и не по-немножку, а профессионально, потому что там, где мы бываем, зачастую не найти ни экспертов, ни специалистов в радиусе десятка-другого световых лет. И мы разбираемся. Так что нам сразу стало ясно, что рассчитывать на катер не приходится. Механическая часть, правда, сохранилась, но радужный диск мембраны не только выскочил из рамы, но разлетелся в кристаллики. А без мембраны катер можно поставить на постамент в парке, но летать на нем нельзя, а нам нужно было, чтобы он летал.

Мы расселись на обломках своих надежд и молча посоветовались. Катер — вещь нужная в хозяйстве, и бросать его не хотелось, а унести эту посудину на руках мы не могли. Оставалось одно: доставить и смонтировать новую мембрану и уж тогда запустить двигатель.

— Очень красиво, — сказал Старый Пират. — Только крепить ее все-таки лучше на корабле, в мастерской, а не на лоне природы.

Мы немного скисли, прикинув, как далеко придется тащить массивную раму, восемь метров в диаметре. Наши моторчики были слишком слабыми, чтобы поднять ее, и, значит, нести придется на горбу, всем четверым. Но спорить не приходилось.

Марк Туллий пробрался в крохотную рубку связи. Он включил аппаратуру — и без толку. Великий оратор покачал головой, снял со спины нашу походную станцию и включил. Станция молчала — не было не только сигналов, но и фона. С таким же успехом можно было подключить к антенне кирпич. Марк Туллий достал из кармана тестер, открыл рацию и стал тыкать в нее приборчиком.

— Батарея, — сказал он. И, поднатужившись, выдал второе слово: — Пуста.

Старый Пират выхватил у него тестер и полез сам. В батарее не было ни слова заряда, хотя перед выходом она была полна. А так станция была в образцовом порядке, как и все у Марка Туллия. Пират сказал:

— Все в диком восторге. Ладно, займемся делом.

Мы провозились с рамой часа два. Потом Пират решил полчаса отдохнуть: путь предстоял серьезный. Светило успело взойти, и оно было горячим, как первый поцелуй. Мы отошли в тень ближайшего дерева и вытащили, чем позавтракать. Еда — занятие, которым можно увлечься. Мы увлеклись и проглядели момент, когда первые двое появились на поляне.

Их было двое, и они бежали что есть духу — один убегал, другой преследовал. Гуманоиды, карлики — ростом по сравнению с нами чуть выше пояса. Головастенькие. Полуголые. Все это мы привычно ухватили сразу же. А потом увидели, как задний включил свои тормоза и опустился на колено. В руках у него было что-то — можно поклясться, что сук от дерева длиной в полметра. И вот карлик, стоя на колене, вскинул этот сук, словно бы это было оружие. Мы не успели удивиться. Блеснули короткие вспышки пламени, раздалась отрывистые, хорошо знакомые нам звуки. В этот миг планета сразу перестала мне нравиться. Убегавший уже достиг опушки; сейчас он упал плашмя. Стрелок вскочил и издал победный вопль, голос

был высок и походил на женский. Потом туземец отшвырнул свое оружие и, высоко подпрыгивая, помчался туда, откуда пришел.

Мы уже лежали под деревом, заняв оборону, недоеденный завтрак валялся в стороне. Мы не сводили глаз с убегающего, привычно держа его на перекрестии — на всякий случай. Он скрылся за деревьями, и я спросил:

— Что это у него было?

— Погоди, — излучил Старый Пират. — Запомнил место?

— Само собой, — ответил я. — Он лежит за деревом с кри-
вым суком.

— Давай туда. Мы прикроем.

Я пополз. Трава на поляне достигала карликам до пояса, так что могла укрыть. Я взял курс на дерево и прикинул, что пресмыкаться придется минут пятнадцать. Так и оказалось. Я до-
полз до дерева и, не вставая, обогнул его, осторожно перева-
ливая через выступающие корни. За деревом никого не было.

Никого, понимаете? Трава была еще примята там, где лежал убитый, но ни тела, ни капли крови — ничего. Я огляделся, осторожно поднялся на колено, затем во весь рост. Тела не оказалось. Было далековато для разговора, но я, напрягшись, окликнул — безмолвно, конечно, — Пирата и сказал ему. Ста-
рик ответил:

— Прелестно. Мы ничего не заметили. Назад постарайся про-
ползти мимо оружия.

Я и сам хотел так сделать. Когда я отполз метров на тридцать от дерева, то услышал треск, оглянулся и увидел парня.

Он сидел на дереве, оседлав толстый сук; от наших туземец был прикрыт листвой, но отсюда, со стороны, я его видел ясно. В руках у лилипута было что-то вроде обрезка доски и палка, которую он, по-моему, только что отломал от дерева. «Неплохо», — подумал я, глядя, как он прикручивает палку к доске крест-накрест; противник промазал, этот упал, стрелок не захотел убедиться в его смерти, и теперь спасшийся мастерит что-то: бумеранг не бумеранг, но тянуть по голове и этим можно основательно.

Я ошибся. Он сделал свой крест и тут же уселся на доску — так, что ветка проходила между ног и торчала короче спереди и подлиннее сзади. Я замер, ожидая, что будет. Парень при-
поднялся и замер, только вытянул губы трубочкой. И в сле-
дующий миг крест с оседлавшим его карликом сорвался с
места и полетел.

Он летел, точно маленький самолетик, с крыльями метр в размахе, доска и хворостина, а карлик сидел на нем как ни в чем не бывало и управлял непонятным образом. Он пронесся невдалеке от меня, делая километров семьдесят в час, и я ясно разглядел босые ноги авиатора с грязными пятками. Слабое жужжание донеслось до меня и стихло, и крестовина с пило-
том исчезла, мелькая между деревьями. Я перевел дыхание и пощупал лоб. Влажноват, но температура, кажется, в норме. Я окликнул Пирата:

— Со мной вроде не все ладно.

Он ответил не сразу.

— Подбери оружие и ползи сюда.

Я двинулся дальше. Солнце припекало, трава пахла не сильно, но проникновенно, хотелось уснуть и во сне увидеть свой дом, где ветреными ночами память о предках шуршит на чердаке. У меня никогда не было такого дома, и потому я оказался тут, и полз, полускрыв глаза, пока не прибыл туда, где, как я помнил, стрелок бросил оружие. Место было то самое, да и Пират подстраховал.

Вышел точно.

Конечно, найти в траве полуметровый предмет, особенно передвигаясь ползком, не так просто. Я пошарил вокруг, потом пополз по спирали, уминая траву. Через две минуты я нашел сук, еще через две секунды — второй и тут же третий. Никакого оружия не было. Я осмотрел сучья один за другим. Пожалуй, на расстоянии в триста метров каждый из них мог напоминать оружие, но стрелять-то из них было нельзя, в этом я как-нибудь разбираюсь. Я вертел и нюхал их, потом плюнул и пополз, оставив сучья на умятом пятачке.

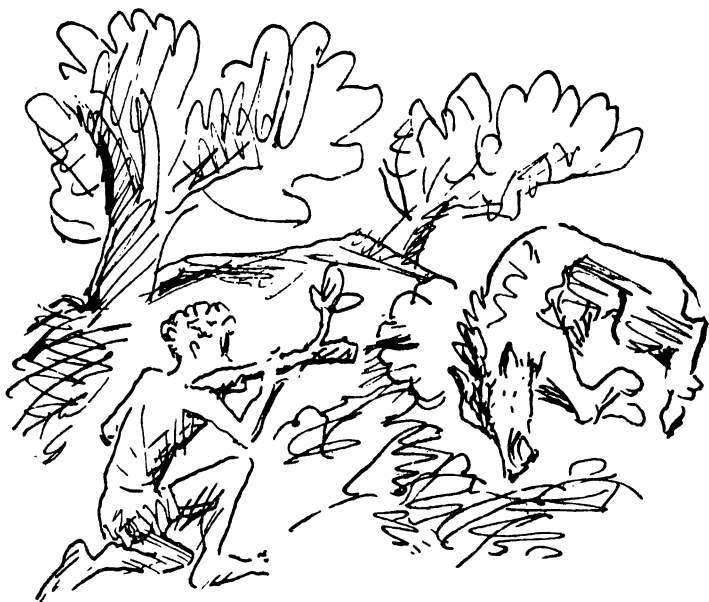
Я был примерно на полдороге, когда трава зашуршала сильнее. Разведчик не станет пренебрегать таким предупреждением. Я приник к земле, потом осторожно поднял голову, увенчанную пучком травы. Это был заяц. Он мчался, пересекая поляну, и кто-то — собака или волк — настигал его. Было ясно, что кому-то не уйти. У меня зудел указательный палец, но я удержался: мне пока ничто не угрожало. Я вздохнул и рассчитал, что зверь настигнет зайца за пятачком, откуда я полз. Заяц сделал высокий прыжок и выскочил на утопанное место. Потом мне захотелось плакать.

Жалость тут ни при чем. Волкам положено жрать зайцев, и ничего тут не поделаешь. Но тут вышло не так, и плакать мне захотелось от недоумения. Потому что все последующее не лезло ни в какие ворота — даже в ворота самого большого дока на Космостарте, около Земли.

Заяц выскочил на пятачок (я приподнялся, чтобы увидеть местного волка в деле, это бывает нужно) и приник к земле. И исчез.

Вместо него с земли вскочил карлик — такой же, как те, первые. Я не знаю, откуда он взялся и куда делся ушастый. В сказки я не верю: мы навидались столько настоящих чудес, что сказочные нас не щекочат. Но заяц исчез со своими ушами, косыми глазами и рассеченной губой, а карлик вскочил, и в руках у него был сук — один из тех, что я недавно вертел в руках. Карлик вскинул его к плечу — волк был уже на прыжке, — и блеснул огонь, и прозвучали выстрелы. Волк перекувырнулся через голову и замер.

Только тут я опомнился и перекинул камеру на грудь, чтобы запечатлеть это в наизидание учащимся. Упавший волк скрылся в стеблях, а карлик сидел на примятой траве и внимательно разглядывал сучья. Потом он поднял голову и — я услышал — что-то сказал своим высоким голоском. С места, где упал волк, поднялся второй карлик. Они уселись рядом и стали разбираться в сучьях, что-то тараторя. Кажется, в чем-то они не соглашались. Потом один из них стал рыть яму сукон; земля летела так, словно он действовал лопатой. Другой туземец побежал к опушке и скрылся в тени.

Я решил, что с меня хватит. Я хотел, чтобы Марк Туллий выдал мне лекарство, положил на лоб свою спокойную руку и, констатировав тепловой ударчик, предложил полежать с полчасика в тени. Иначе — чувствовал — я совсем выйду из строя.

Я дополз и по их странно блестящим глазам понял, что они видели то же, что и я, и неизвестно, кто кому должен помогать.

Тем временем ушедший вернулся. С ним пришло несколько туземцев, среди которых были, по-видимому, и женщины, судя по иной одежде; фигурой они практически не отличались, и в них не было той привлекательности, которую особенно ясно замечали мы, годами не бывающие дома. Пришедшие тащили разные палки и обрезки досок, что ли. Потом нечто показалось из-за деревьев. Представьте себе, что едет платформа, доверху нагруженная всяческим ломом, в кабине сидит водитель, и руки его лежат на баранке. Потом уберите этот транспортер или сделайте его невидимым — и получите удовольствие наблюдать, как в воздухе плывет человек, сидящий ни на чем, полусогнув ноги и вытянув руки, а позади, ничем с ним не связанная, плывет куча груза, меняя скорость и направление вслед за человеком, не приближаясь и не отставая. Вот такую картину мы и увидели; невидимый транспортер подкатил к моему пятачку, водитель сделал движение рукой, и лежащая на воздухе куча груза стала перекашиваться, словно это был самосвал, и наконец весь мусор посыпался на землю. Водитель опять пошевелил руками, словно переключал рычаги, и

плавню полетел по воздуху — на высоте метра от земли — в обратном направлении. Я в тоске закрыл глаза.

Уткнувшись носом в траву, я пытался сообразить, в какой миг и в каком месте сознание мое, обычно ясное, сошло с курса и тронулось по дороге к безумию. В том, что я свихнулся, у меня не оставалось сомнений, да и остальные трое, видно, не избегли этой участи. Я слышал, как они обменивались мыслями, лежа тут же, рядом со мной. «Этого им без крана не поднимать», — уверенно сообщил Старый Пират. «Ну», — глубоко-мысленно ответил Марк Туллий. «А вдруг...» — начал было стажер и умолк. «Ну!» — сказал Марк Туллий, но уже другим тоном. «Ах ты, дьявол!» — излучил Пират и подавился. Я не стал глядеть, мне было хорошо, в меру прохладно, хотелось уснуть и увидеть во сне что-нибудь обычное, джунгли на Анто-ре или суп из концентратов. «Это не будет держаться, — снова предсказал Пират, — и вообще вся конструкция блеф». Марк Туллий снова ответил нечленораздельно, лишь интонация позволяла понять, что он сомневается. Стажер вдруг засмеялся вслух, а Пират чертыхнулся и сказал опять на линтеле: «Миша, давай аптечку, это все не к добру». Через минуту я почувствовал, что мне засучивают рукава. Я позволил вогнать в меня все, что Марк Туллий нашел нужным, выждал еще минуты две и открыл глаза.

На поляне уже возвышалась башня — что-то вроде конуса, стоящего на своей вершине, а странный народец собрался на задранном к небу основании и продолжал строить. Строитель-ство у них было, как я понял, пустяковым делом: стоило приложить одну часть конструкции к другой, и она прирастала как приваренная. По всем законам механики эта башня должна была перевернуться еще в самом начале, но ничего подобного с нею не приключилось, и она продолжала расти. Нашему зелью пора было бы подействовать, но картина не исчезала, оставалось предположить, что все это происходило в действительности, хотя и не имело права. Сейчас народец находился уже метрах в семи над поляной. Старый Пират, подслушав, наверное, мою мысль, проговорил: «Да, странные эффекты дает порой облучение. Да и вообще... — Тут его мысль обнаружила новое русло и кинулась по нему. — А вообще-то все это вполне реально — существуют законы вероятности, и весьма возможно, что мы попали в такой уголок мироздания, где они проявляются не так, как у нас. Симметрия, симметрия... — Старый Пират, как и всякий философ, был в физике дилетантом и, как полагается дилетанту, порой преклонялся перед многозначительными формулировками законов куда больше, чем они того заслуживали. Вот и сейчас он стал неслышно разглагольствовать на эту тему. — Что есть абсолютно невозможное? — спросил он и сам тут же ответил: — Событие, при котором не соблюдается какой-либо фундаментальный закон. Прочие же явления могут быть маловероятными, но не невозможными. Так что стоит еще подумать над тем, какой закон запрещает обычной ветке стать огнестрельным оружием. Вне сомнений, можно найти такую цепь событий, при реализации которых этот сук может и даже неизбежно должен стать оружием и выпускать пули. Например...»

Мне было любопытно услышать, какой он приведет пример

и как построит свою цепь событий, но этого удовольствия я так и не получил, потому что один из карликов, возившихся на площадке башни, в этот самый миг стал внимательно смотреть в нашу сторону. Он даже поднес к глазам ладони, сложенные, как бинокль, словно бы ему так было лучше видно. Я насторожился. Снизу туземцам трудно было заметить катер — он стоял в тени, солнце было с нашей стороны, — но с высоты парень увидел и закричал что-то, указывая пальцем. Строители мгновенно посыпались со своей площадки; они не падали, а опускались плавно, и никто из них не свернул шеи. Оказавшись на земле, они помчались к нам, галдя и размахивая палками — у кого были сучья, у кого палки, у других и вовсе ничего. Я изготовился и стал ожидать дальнейших событий, держа их на прицеле, но еще не переводя переключатель на позицию «массовая цель». Старый же Пират встал, поправил свой фламмер на груди и, помахивая правой рукой, неторопливо пошел навстречу местному населению, спокойный, как всегда в таких случаях.

Обе стороны остановились метрах в сорока от нашей позиции, когда между ними осталось два шага. Никто не стрелял и вообще не проявлял признаков недружелюбия, и мы немного успокоились. Мы знали, что сейчас Пират пытается нащупать их способ мышления, чтобы найти в нем щелку, куда можно вклиниться со своим линтелом. Карлики смотрели на него без страха, но — как я понял — и без особого интереса. На лицах их, схожих с человеческими, хотя и не до конца, возникали и исчезали гримасы; мимика у них была богатой, но, видимо, не совпадала с нашей, а в таких случаях трудно сказать, улыбается ли собеседник, или показывает зубы. Они что-то говорили — во всяком случае, тот, кто стоял ближе всего к Пирату. Губы его, яркие и немного припухлые, шевелились, а маленькие зрачки не отрывались от лица нашего старика. Я почувствовал, что начинает стучать в висках: чтобы разглядеть детали на таком расстоянии, приходится перестраивать зрение, а это утомительно: и тут предводитель туземцев решительно протянул руку.

Это было нам знакомо: попадая на обитаемую территорию, мы не раз уже уплачивали пошлину, чтобы избежать осложнений. Законы надо соблюдать, как бы примитивны они ни были. Старый Пират стоял к нам спиной, но я подумал, что сейчас он улыбается, довольный тем, что развитие идет по привычному руслу и не надо изобретать новую схему на ходу. Он залез в сумку и вытащил горсть всякой ерунды, которую вечно таскал с собой — мужик он был запасливый: болтики, фонарик с автоматической подзарядкой, замок от старого комбинезона и прочий хлам. Но предводитель этим пренебрег. Он снова протянул руку, и на этот раз не было сомнений, что он указывает на фламмер, висевший на груди у нашего командира. Не знаю, какое выражение возникло на лице Старого Пирата в тот миг, но по медленному движению руки, которую он положил на оружие, я понял, что он находится в нерешительности.

Отдать оружие — значит оказаться в одиночестве, самом страшном, какое только можно придумать. Особенно, когда перед тобой стоят полтора десятка людей — пусть даже каждый из них едва доходит тебе до пояса. Так что я отлично понимал,

почему медлит Пират. А тот, маленький, все так же стоял перед ним, требовательно протянув руку, и уверенно смотрел командиру разведчиков в глаза.

Потом старик решился. Он снял фламмер с груди. По едва заметному движению плеча я понял, что он выключил конденсаторы и отнял магазин. Теперь оружие больше не могло помочь ему, но и повредить тоже.

Маленький жадно схватил оружие. Остальные вмиг окружили его, головы склонились над незнакомым предметом. Старый Пират сделал шаг назад и остановился в ожидании.

Дальнейшее произошло мгновенно. Народец внезапно рассыпался; как раз в тот миг в голове у меня мелькнула тень догадки и исчезла, вытесненная событиями. На секунду Пират и предводитель человечков оказались друг против друга. Карлик вскинул фламмер. Пират не шелохнулся; он знал, что бояться

нечего, хотя вряд ли ему было приятно. Затем ударила очередь. Обезвреженный фламмер ожил в руках карлика в режиме одиночных целей, и вряд ли хоть одна пуля прошла мимо. Старый Пират упал навзничь. Карлики завизжали, приплясывая, их предводитель скакал выше всех, и тут-то, в прыжке, его нащупал тонкий луч трассера — устройства, которое позволяет нам не расходовать заряды зря.

В следующий миг импульс испепелил бы плясуна, но Марк Туллий в повороте ударил стажера в челюсть. Бывалый разведчик успел бы уклониться, но стажер не успел: импульс ушел в небо, а Петя рухнул наземь и несколько секунд лежал, не приходя в себя. Мы провожали глазами уносящихся карликов, и тут снова началось: они менялись на бегу, теряли человеческий облик, и вот уже стайка птиц поднялась с поляны и исчезла за лесом, да еще несколько четвероногих, мчась галопом, скрылись за деревьями. Тогда Марк Туллий перевел взгляд на меня. Во взгляде был испуг.

— Да, — сказал я, — я тоже видел.

Марк Туллий засопел. Стажер очнулся и сел, всхлипывая. Марк похлопал его по плечу, а я сказал — вслух, чтобы Петя понял точно:

— Не спешить — первая заповедь разведчика, паренек. Ты уж извини, но ты поторопился и мог сделать грязное дело. Пошли, Миша.

Я как-то сразу понял, что это было бы грязное дело. Марк Туллий кивнул, и мы быстрым шагом, не скрываясь, направились туда, где лежал Старый Пират.

Мы подошли; в глазах старика застыло удивление, маленькие дырочки наискось пересекали грудь; но фламмер не пулевое оружие, а импульсивное. Марк Туллий присел, попытался найти пульс — и отпустил руку командира. Потом повернулся ко мне и спросил — тут уж он никак не мог обойтись одними междометиями:

— Ты засек тогда — с тем?

Это было не очень членораздельно, но я его понял.

— Да. Через пятнадцать минут он был уже на дереве. Даже раньше.

Марк Туллий взглянул на часы, уселся и приготовился ждать, я тоже. Прошло восемь минут, потом Старый Пират вздохнул. Мы смотрели на него. Он медленно повернул голову, теперь его взгляд был уже осмысленным. Он подобрал под себя руку, сел и покачал головой.

— Ну как ты? — спросил я.

— Ничего, — буркнул старик. — Вот башибузуки, а?

— Да, — согласился я. — Но, понимаешь ли, они...

— Да понял я, — сказал он. — Тут, когда поглядел на них вблизи. — Он с усилием встал. — Однако ощущение не из самых приятных. Возраст, наверное...

— Они-то переносят запросто. Возраст, наверное, — согласился я. — Вот и Марк тоже догадался.

Старый Пират слабо усмехнулся.

— Не зря же, — сказал он, — Марк таскает с собой портрет Юрия Михайловича. Ему и карты в руки. Ну, топнули, что ли?

Мы повернулись и пошли туда, где ожидал нас угрюмый ста-

жер. Он, кажется, даже поплакал немного, хотя в этом я не совсем уверен. Старый Пират сказал:

— Это что за траур? Похоронить меня решил, что ли?

— Да не стрелял я! — вместо ответа крикнул стажер. — Напрасно они меня! Не стрелял! Я только подумал — врезать бы сейчас ему — и...

Мы с Марком Туллием обменялись взглядами. Я подошел к стажеру и взглянул на индикатор фламмера. Заряд был полным; значит, ни одного выстрела стажер и в самом деле не произвел, а ведь трассер сработал, и импульс был, только ушел он в молоко. Я сказал Марку Туллию:

— Явление того же порядка. Ладно, что будем делать? Потащим раму?

— Зачем? — сказал Марк Туллий. — Полетим на катере.

Я напрягся и понял, что он хотел сказать. Старый Пират и стажер взглянули удивленно. Марк Туллий кивнул на Петю.

— Он.

— Понятно, — сказал я. — Он смог выстрелить, значит, и катер сможет поднять, если захочет.

— Пошли, — сказал Марк.

Мы пошли за рамой и стали запихивать ее в катер. Тут до Старого Пирата дошла наконец наша мысль.

— Ах, вот что! — протянул он. — Что ж, не лишено остроумия. Этюдъен, иди-ка сюда! — Он указал на водительское кресло.

Стажер нерешительно протиснулся мимо нас и сел.

— Сидеть всем! — скомандовал Степан Петрович, он же Старый Пират. — Держаться крепче!

Мы включили страховку.

— Ну, хорошо, — сказал Пират протяжно, — а теперь вези нас к кораблю.

Стажер не двинулся, на лице его снова возникло выражение обиды.

— Да мы не смеемся! — сказал я как только мог убедительно. — Ты ведь не стрелял в того?

— Нет! — сердито сказал Петя. — Не стрелял!

— Но очень хотел, правда? Очень, очень?

— Ну, хотел, — проворчал он.

— Мы так и думали. А сейчас тебе надо захотеть, сильно захотеть, очень, очень захотеть, чтобы катер поднялся в воздух, как при работающем двигателе. Понимаешь? Представить себе это так же ясно, как ты представил, что стреляешь в того человечка. Так, чтобы ты сам в это поверил, понимаешь? И мы поднимемся и полетим — так же, как эти летали на своих палочках, как они превращались в зверей, в птиц — в кого угодно, потому что очень хотели и сами в это верили. Понял? Давай, летим.

— Без мотора? — пробормотал стажер.

— Да ведь и они без мотора.

Он нерешительно моргнул.

— Лучше кто-нибудь из вас...

— Нет, — сказал Старый Пират. — Видишь, мы не сумеем так. Мы не можем в это поверить — слишком много мы прожили и хорошо понимаем, что к чему. Мы верим в оружие, а не в чудеса, знание абсолютных законов, подкрепленное синяками,

слишком переполняет нас. А ты еще можешь захотеть — и поверить. Давай-ка, и не заставляй корабль ждать слишком долго. Дорога домой далека, а всем нам не терпится увидеть кое-кого из тех, кто остался на Земле.

Он прямо поэтом стал, наш старик, от волнения.

— Хорошо, — тихо сказал Петя, — я попробую.

Он закрыл глаза, сосредоточиваясь. Мы молчали, чтобы не помешать ему, и даже думали негромко, чтобы мысли не пробились за пределы нашего мозга. Мы надеялись на стажера, недаром он был такой лопоухий и мягкий, и романтический блеск часто появлялся в его глазах.

Мы не обманулись в нем. Он положил руки на рычаги и устремил взгляд в лобовой овальный иллюминатор, и задышал чаще, и пригнулся — и через пару минут мы поняли, что он уже летит, только мы с катером еще оставались неподвижными. Значит, что-то мешало ему, какие-то остатки взрослого скепсиса и здравого смысла. Но помехи с каждой минутой становились все слабее. И вот катер — мы все это почувствовали — слабо дрогнул, словно лодка, стоящая на мели, когда прибой поднимает уровень воды и первая волна уже чуть приподняла дно. Затем катер дрогнул еще раз, сильнее — и плавно всплыл. Мы молча переглянулись. Катер набирал скорость. Еще несколько минут мы держались, кто за что придется, но потом поняли, что не упадем: стажер надежно держал катер в воздухе и вел к кораблю.

— Ты сказал «домой», — повернулся я к Пирату. — Но, в общем, насколько я помню, экспедицию посылали не затем, чтобы она потеряла катер и снова нашла его; задача была — установить возможный уровень цивилизации в этой зоне. Эта планета со всеми ее чудесами стоит вне цивилизации, она парадокс, и более. Так что дом мы увидим не скоро.

Марк Туллий удивленно взглянул на меня, а Старый Пират ответил:

— Вадим, ты не понял, цивилизация, которая может отвести целую планету под детскую площадку и устроить так, чтобы дети жили в своем мире, где каждая их фантазия, каждое желание исполняется как бы само собой, чтобы дети росли, полные уверенности в себе и в силе своей мысли и воображения, — это, друг мой, цивилизация, достойная уважения и зависти. Техническая сторона вопроса для меня темна, но они сделали это хорошо.

— Батарей, — сказал Марк Туллий со свойственным ему красноречием, — сели.

— Да, батарей. Какое-то поле или не знаю что. Да разве это важно?

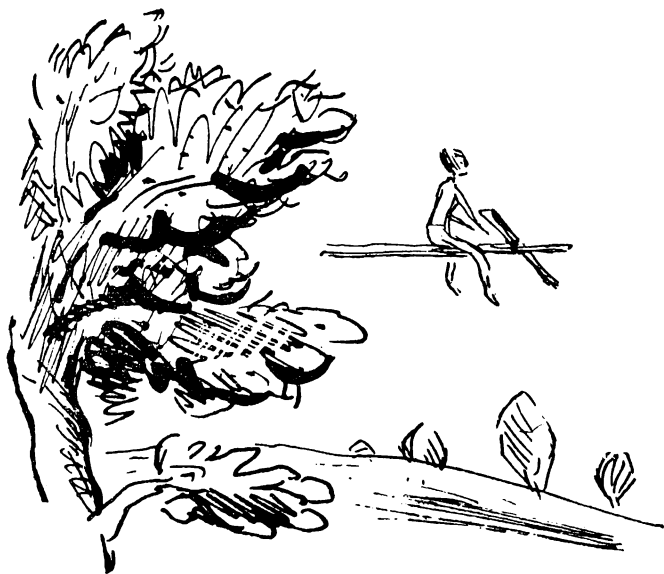
— Правильная ли это подготовка, — усомнился я, — к предстоящей юности и зрелому возрасту?

На этот раз Марк Туллий изменил себе.

— Да почему подготовка? — с досадой спросил он. — Опять эта глупость. Ты ведь не считаешь, что твой возраст — это подготовка к старости? А Пират не думает, что его пора — это подготовка к смерти. Нет, это просто разные жизни, и каждую из них следует прожить наилучшим образом. Люди горько заблуждаются, когда пытаются в другой жизни выполнить что-то, упу-

щенное в предыдущей: это все равно что потерять книжку на Земле, а потом искать ее около Гаммы Лебеда. Личинка бабочки ест листья не зря — бабочка старалась бы доесть то, чего не успела, пока была гусеницей, но листья не ее корм. Наши мысли — остатки веры в вечную жизнь, вот что это. Нет, они молодцы — те, кто придумал такое.

Мы помолчали, потрясенные красноречием Марка Туллия: ведь прозвище его, как и у всех нас, шло от противного — мы не скрываем своих недостатков от друзей. Корабль уже виднелся впереди. Марк Туллий достал изображение своего Юрия Михайловича, трех лет от роду, поглядел и снова спрятал в карман. Старый Пират вздохнул; может быть, он думал о внуках. А я размышлял: все-таки уж слишком много ребятишки стреляли на своей детской площадке. Может быть, конечно, Марк Туллий прав, и гусеницу нельзя оставлять без зеленого листка, а уж когда бабочка раскинет крылья и взлетит над лугом — этакий махаон или адмирал, — она и глядеть на листья не захочет, потому что она пришла не пожирать мир, но делать его прекраснее. Да, может, Мишка прав, но я дальний разведчик и теряю покой, когда кто-то где-то начинает слишком уж увлекаться стрельбой. Эта профессиональная черта, и тут уж ничего не поделаешь.

Крушение «Мэри Диар»

Повесть

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Глава I

Я устал и замерз и к тому же был немного испуган. Где-то вверху, на мачтах, красный и зеленый навигационные огни отбрасывали неверный свет. Надо мной бесформенным призраком свисали паруса, раскачиваясь взад и вперед в такт покачивающейся на волнах «Морской ведьме». У ветра не было сил тащить яхту.

Я стоял у руля. Шестичасовой прогноз погоды был угрожающим. Предупреждали, что в районе Роколла, Шеннона, Соле и Финистерре ожидается штормовой ветер. Прямо за нактоузом растворялись в темноте расплывчатые очертания корпуса яхты. Был март, и сейчас, после пятнадцати часов болтанки в проливе, радостное возбуждение, вызванное тем, что у нас теперь есть свое собственное судно, полностью улетучилось, поглощенное холодом. Из темноты выкатилась волна с мерцающим гребешком, шлепнулась о корму, плеснула мне в лицо брызгами и с шипением откатилась обратно в темноту. Боже мой! Какой холод! Холод и сырость — и ни звездочки на небе.

Дверь рубки распахнулась, и я увидел освещенный салон, а на его светлом фоне грузную фигуру Майка Дункана в штормовке, с дымящимися кружками в обеих руках.

— Хочешь супу? — Майк улыбнулся и протянул мне одну из кружек.

— Свежий, только что из камбуза, — сказал он. Но вдруг улыбка сбежала с его лица. — Что за чертовщина? — Он смотрел поверх моего плеча в сторону левого борта. — Луны ведь не может быть, правда?

Я обернулся. Что-то холодно-зеленое, полупрозрачное маячило на воде. Фосфоресцирующий неземной свет становился все ярче. И вдруг это видение как бы сжалось, затвердело и превратилось в зеленый остроконечник. Я понял, что прямо на нас напознал навигационный огонь большого парохода. Потом стали видны палубные огни, желтые и расплывчатые; теперь до нашего слуха донесся и звук вращающихся винтов, пульсирующий и глухой.

Прорезав темноту, луч прожектора ослепил нас, отразившись от окутавшего яхту плотного тумана. Только сейчас мы заметили, что туман прямо-таки стлался по палубе. В этой мгле вдруг показались белые светящиеся волны, рассекаемые носом корабля. Затем нос приобрел четкие очертания, и я увидел всю переднюю часть судна, выползавшего из тумана. Тупой нос корабля, словно башня, навис над нами, и я судорожно принялся крутить штурвал.

Казалось, что прошла целая вечность, пока «Морская ведьма» совершила свой маневр, и все это время я явственно слышал шум пенящихся волн, рассекаемых форштевнем. «Он сейчас врежется в нас! О боже! Сейчас он нас ударит!» — услышал я в темноте крик Майка. Он, бросив кружки с супом, все время подавал сигналы прожектором, направляя его луч на мостик судна. Вот осветилась вся верхняя надстройка, и луч отразился от ее стеклянных окон. Но, несмотря на сигналы, железная громада с грохотом, не меняя курса, надвигалась на нас со скоростью добрых восьми узлов.

Теперь каждая деталь «Морской ведьмы», от кончика ее длинного бушприта до верхушки гротмачты, была освещена зеленым светом навигационного прожектора, который повис прямо над нами. «Внимание! Держись!» — закричал вдруг Майк, и тотчас же огромная, рычащая стена белой воды обрушилась на яхту. Волна ударила в меня и чуть не оторвала от ручек штурвала. Паруса изогнулись невероятной дугой. Яхта сильно накренилась, и тонны воды рухнули на палубу. В этот момент пароход, словно огромный утес, плавно прошел мимо.

«Морская ведьма» медленно выпрямилась. Я все еще держал штурвал, а Майк стоял, вцепившись в мачту. С левого борта снова набежала волна, ударила в рубку, плеснула в обвисший парус. И тут луч нашего прожектора уткнулся в надпись на корме парохода: «МЭРИ ДИАР», САУТГЕМП-ТОН. Мы словно замороженные смотрели на буквы в ржавых потеках, пока они не исчезли из поля зрения. Остался только шум винтов, затихающий в ночи. На какой-то момент во влажном воздухе мы почувствовали запах гари.

— Ублюдки! — закричал Майк, вновь обретая наконец голос.

Дверь рубки открылась, и в светлом проеме показался силуэт человека. Это был Хэл.

— Ну как, мальчики, все в порядке? — Его голос слегка дрожал.

— Они же должны были нас заметить! — вскричал

Майк. — Я светил прожектором прямо на мостик. Если бы они смотрели...

— Я не уверен, что они сморгели. По-моему, на мостике вообще никого не было.

— Как это никого не было? Что ты имеешь в виду? — спросил я.

Хэл вышел на палубу.

— Это было как раз перед тем, как самая большая волна ударила нас. Я почувствовал, что что-то случилось, и поднялся в рубку. А потом посмотрел в окно, туда, куда

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

падал луч прожектора. Он светил как раз на мостик. И мне показалось, что на нем никого не было. Во всяком случае, я никого не видел.

— Господи боже мой! — сказал я. — Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь?

— Конечно, отдаю. Странно все это, не правда ли?

Он был не из тех, кто любит болтать языком. Х. А. Лоуден, или просто Хэл, как зовут его друзья, — бывший артиллерист, полковник в отставке, и у него большой опыт морских путешествий.

— Ты хочешь сказать, что судно было неуправляемым? — В вопросе Майка явно звучало недоверие.

— Я не знаю, — ответил Хэл. — Это кажется непостижимым. Все, что я хочу сказать, так это то, что я ясно видел, хотя и на короткое мгновение, внутреннюю часть мостика и там никого не было.

На какой-то момент воцарилось молчание. Мы были потрясены. Предположить, что большое судно идет через усеянное скалами море у самых берегов Франции, да еще без рулевого... Это абсурд.

Молчание прервал деловой голос Майка:

— А куда девались кружки с супом? — Щелкнул выключатель прожектора, и в его луче мы сразу увидели кружки, лежащие в луже воды, на палубе кокпита.

— Пойду-ка я лучше сотворю какое-нибудь варево.

А затем, обращаясь к полураздетому Хэлу, Майк спросил:

— А как вы, полковник? Вам бы хотелось супу, не правда ли?

Хэл утвердительно кивнул:

— Я никогда не отказываюсь от супа.

Он посмотрел вслед спускающемуся в кубрик Майку, а затем обернулся ко мне.

— Я допускаю, что мы пережили неприятный момент, — сказал он. — Но как могло случиться, что мы оказались под самым форштевнем?

Я объяснил, что пароход находился от нас с подветренной стороны и мы не слышали шума его винтов.

— Первое, что мы увидели, — это зеленые навигационные огни правого борта, надвигавшиеся на нас из тумана.

— А сигнальная сирена?

— Не знаю. Но мы ее не слышали.

— Странно. — Какое-то время он стоял неподвижно, и его высокая фигура четко вырисовывалась на фоне бортового огня. Затем он сел рядом со мной на комингс у входа в кубрик.

— Ты не обратил внимания на барометр, пока был на вахте?

— Нет, — сказал я, — а что?

— Падает. Падает понемножку с тех самых пор, как я спустился в трюм. — Он сделал паузу, а затем произнес: — Этот шторм скоро нас накроет.

Я не ответил, а он тем временем вынул из кармана свою трубку и стал ее посасывать, о чем-то размышляя.

— Скажу честно, Джон, не нравится мне все это. — Спо-

койствие, с каким была произнесена эта фраза, придало ей особую силу. — Если прогноз окажется правильным и ветер будет северо-западным, тогда мы окажемся у подветренного берега. А ты знаешь, что я не люблю штормов и не люблю подветренных берегов, особенно когда это острова Ла-Манша.

— Ты всегда говорил мне, что предпочитаешь машинам паруса...

Его голубые глаза, блестящие в свете нактоуза, не отрываясь смотрели на меня.

— Я только хотел сказать, — произнес он мягко, — что если бы мы установили двигатель, то сейчас уже пересекли бы пролив наполовину и ситуация была бы совсем другой.

— Сейчас уже поздно возвращаться.

Воцарилось неловкое молчание. Потом Хэл снова вынул изо рта свою трубку.

— Мне хотелось бы дойти до дома, — сказал он спокойно. — Но такелаж у нас ненадежный, канаты старые, да и паруса...

— Многие яхты пересекают Ла-Манш в худшем состоянии, чем «Морская ведьма».

— Только не в марте и не под угрозой штормов. Да еще без двигателя. — Он встал и прошел вперед к мачте, потом нагнулся, рассматривая что-то. Послышался треск дерева, и он бросил к моим ногам кусок фальшборта. — Это волна поработала. — Он снова присел рядом со мной. — Все это не здорово, Джон. Корпус может оказаться прогнившим после двух лет лежания на берегу во французской грязи.

— Корпус в порядке, — ответил я. Спокойствие снова вернулось. — Нужно заменить пару досок да покрасить. Вот и все. Я прощупал ножом всю обшивку яхты, прежде чем купил. Дерево абсолютно здоровое.

— А как насчет креплений? — Его правая бровь слегка приподнялась. — Только эксперт может сказать, что они...

— Я же сказал, что осмотрел ее...

— Да, но это вряд ли нам поможет сейчас. Если вдруг разразится шторм... Я моряк осторожный, — добавил он, — люблю море, но это не женщина, с которой можно допустить вольности.

— Я не могу позволить себе быть осторожным, — возразил я. — Тем более сейчас.

— Тогда я порекомендовал бы тебе взять курс на остров Гернсей. Возможно, мы опередим шквал и успеем скрыться в Питер-Порте.

Да, он прав... Я провел ладонью по глазам. Теперь я знал, куда он клонит. Я ощущал страшную усталость, да и этот случай с «Мэри Диар» сделал свое дело. До сих пор мне было невдомек, каким образом пароход вышел прямо на нас.

— Если ты разобьешь яхту, я не буду участвовать в вашей спасательной компании, — как бы издали снова услышал я голос Хэла. — Да и бесполезно — нас слишком мало.

Ну что же, это правильное замечание. Нас только трое. Четвертый член команды, Айан Берд, страдал морской болезнью с тех самых пор, как мы вышли из Морле. А для троих яхта — слишком большое судно — сорок тонн.

— Хорошо, — сказал я, — мы пойдем на Гернсей.

Хэл кивнул с таким видом, будто знал все наперед.

— Тогда бери курс северо-восток шестьдесят пять градусов.

Я повернул штурвал право руля и отметил новый курс на шкале компаса.

— Надеюсь, расстояние ты уже вычислил?

— Пятьдесят четыре мили. При этой скорости, — добавил он, — мы засветло будем у цели.

Мы замолчали. Мне было слышно, как он посасывал свою трубку, но я не отрывал взгляда от компаса и потому не видел его. Потом Хэл пошел к рубке, и сквозь тьму до меня донеслось его «спокойной ночи!».

Чуть позже Майк принес мне кружку с супом. Пока я ел, он стоял рядом и болтал, высказывая различные предположения о «Мэри Диар». Но и он ушел, и вокруг меня осталась ночная тьма.

Перед рассветом Питер-Порт все еще находился милях в тридцати от нас. Тишина и безветрие действовали на нервы. Мы с Хэлом сидели в рубке, слушая прогноз погоды, который начинался с предупреждения о шторме в западной части пролива.

— Проверю наше местонахождение, — сказал я. Хэл кивнул, будто и он думал о том же самом.

Но Майк внезапно отвлек меня от вычислений.

— Справа по носу в двух румбах скала! — крикнул он мне. — Довольно большая, высовывается из воды.

Я схватил бинокль и выскочил из рубки. Если это Дуврские Камни, значит, мы ушли не так далеко, как мне казалось.

Горизонта не было; на границе видимости море и небо сливались. Я поднял к глазам бинокль.

— Ничего не вижу, — сказал я. — Это далеко?

— Не знаю. Потерял из виду. Но где-то в пределах мили.

— Ты уверен, что это скала?

— Да, мне так показалось. А что же еще могло быть? — Майк смотрел вдаль, и его глаза щурились от сверкающей поверхности воды. — Это была большая скала с вершиной в виде башни или шпиля.

И тут Майк закричал:

— Смотри! Вон она — вон там!

Я встал возле рубки и снова навел бинокль. Солнечный свет стал ярче. Видимость постепенно улучшалась.

— Это совсем не скала. Это корабль!

Мы все рассмеялись с облегчением и, свернув паруса, взяли прежний курс.

Я снова взглянул на судно. Оно было обращено к нам бортом. По мере приближения и улучшения видимости я

заметил, что судно не двигалось. Идя этим курсом, мы должны были пройти мимо него справа на расстоянии мили. Корабль казался каким-то странным... и его очертания, и ржавый корпус, и слегка опущенная носовая часть.

— Наверное, выкачивают воду из трюмов, — предположил Хэл, но в голосе его не было уверенности.

Я вновь поднес к глазам бинокль. Это был старый пароход с прямым и тупым носом и старомодной кормой. На верхней палубе громоздилось слишком много надстроек. Когда-то корпус был, видимо, покрашен в черный цвет, но сейчас борта выглядели ржавыми, неухоженными. Судно казалось вымершим.

— Правь прямо к пароходу, Хэл, — попросил я.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Да, одна из лодок свисает вертикально со шлюпбалок.

Но это было еще не все. Другие шлюпбалки оказались пусты. Я передал Хэлу бинокль.

— Взгляни на носовую часть, — сказал я с дрожью в голосе, охваченный странным возбуждением. Нос корабля был сильно опущен.

Мы подошли к самой середине судна. Название на носу было настолько залито потеками ржавчины, что его невозможно было прочитать. Вблизи вид корабля был ужасным. Покрытый ржавчиной форштевень помят, надстройки повреждены, и судно действительно кренилось на нос.

Яхта подошла к нему на расстояние одного кабельтова, и я крикнул в мегафон несколько слов, но ответа не последовало. Мы быстро пошли на сближение, и Хэл подвел яхту под самую корму. Все мы старались разглядеть название. Но вот корма проплыла прямо перед нами, и мы вновь увидели покрытую ржавыми потеками надпись: «МЭРИ ДИАР», САУТГЕМПТОН.

Судно было довольно крупным — около 6 тысяч тонн. Проходя мимо, я взглянул на кормовую часть: обе шлюпбалки были пусты, шлюпки исчезли.

— Ты был прав, — сказал Майк, обращаясь к Хэлу. Его голос звучал напряженно. — На мостике прошлой ночью никого не было.

Мы смотрели на судно в полном молчании. Тоненькая струйка дыма, вившаяся из трубы, была, пожалуй, единственным признаком жизни.

— Вероятно, судно покинули как раз перед тем, как оно едва не налетело на нас, — предположил я.

— Но оно же шло на всех парах, — возразил Хэл. — Вряд ли команда покинула бы идущее на полной скорости судно. И почему не было радиосигналов о помощи?

Я стоял, опершись на оградительный поручень, стараясь найти хоть малейшие признаки жизни. Но их не было, если не считать струйки дыма. Судно водоизмещением в 6 тысяч тонн брошено! Это невероятно. А если доставить его под парами в порт?.. Я повернулся к Хэлу.

— Послушай, ты сумел бы подогнать «Морскую ведьму» борт к борту под один из тех свисающих концов?

— Не валяй дурака, — ответил он. — Видишь, как качает. Можно яхту повредить. А если шторм...

Но я уже решился.

— Правь к подветренной, — скомандовал я. — Мы подойдем вплотную, и я взберусь на палубу по канату.

— Это же безумие, — возразил Хэл. — Лезть на такую высоту по веревке! А если ветер сдует тебя? Ведь я же не смогу тогда помочь...

— Черт с ним, с ветром! — вскричал я. — Не могу же я упустить такой случай.

Какое-то мгновение Хэл молча смотрел, а затем кивнул в знак согласия.

— Ну что ж. Лодка твоя.

Яхта направилась к борту «Мэри Диар».

Вскоре мы подошли почти вплотную, ветра не было. Паруса лениво шевелились. Я встал на фальшборт и стал ждать.

— Давай! — закричал Хэл.

Обеими руками ухватившись за свешивающийся канат, я повис над водой, стараясь зацепиться за него коленями.

— Порядок! — закричал я.

— Только недолго! — крикнул в ответ Хэл, и я увидел, как «Морская ведьма» отвалила в сторону.

Подъем показался мне вечностью. Пароход беспрерывно раскачивало, и я то повисал над водой, то ударялся о его борт. Были моменты, когда я думал, что не сумею подняться. И когда наконец я очутился на палубе, «Морская ведьма» уже маячила в полумиле.

Море начинало волноваться. На его поверхности вспухали небольшие волны, верхушки которых разбивались в белые барашки. Я видел, что времени у меня немного. Сложив ладони рупором, я крикнул:

— Эй! «Мэри Диар»! Эй! Есть кто-нибудь на борту?!

Это отразилось от одного из вентиляторов, который смотрел на меня своим блестящим от сырости, пустым глазом. Ответа не было, лишь с регулярностью метронома хлопала дверь, ведущая в помещения верхней палубы, да раздавался скрип талей единственной спасательной шлюпки. Ясно — корабль покинут. Доказательством тому и различные вещи, разбросанные по палубе, — обрывки канатов и веревок, части одежды, кусок сыра, прилипший к доскам настила, полураскрытый чемодан, из которого высыпались несколько пачек сигарет и какие-то нейлоновые вещи, пара морских ботинок. Все это было брошено в спешке.

Но почему?

На мгновение мною овладело чувство растерянности — брошенное судно со всеми его тайнами, его могильной тишиной. Я выглядел непрошеным гостем и невольно бросил взгляд назад, на «Морскую ведьму». Она казалась игрушкой на фоне свинцовой бесконечности моря и неба.

Я побежал вперед к трапу, ведущему на мостик. Рулевая рубка была пуста, но ее вид поразил меня. На первый взгляд все выглядело обыкновенно: пара пустых грязных чашек, трубка, аккуратно лежащая в пепельнице, бинокль на спинке капитанского кресла... Все выглядело так, как

если бы рулевой только что вышел и сейчас вернется к штурвалу.

Но вся правая часть мостика была разбита, трап согнут и перекручен, а внизу, на грузовой палубе, море превратило в ленты толстые полотнища брезента, прикрывавшие трюмные люки.

Штурманская рубка, расположенная чуть позади рулевой, тоже не разрешила загадку. Там лежал судовой журнал, открытый на месте последней записи: «20.46 — до маяка Лезье 12 миль. Ветер юго-восточный, 2 балла. Волнение умеренное. Видимость хорошая. Курс на Нидлз — северо-восток 33°». Дата 18 марта и время показывали, что запись сделана за час и три четверти до того момента, как «Мэри Диар» чуть не протаранила нашу «Морскую ведьму». Записи в журнале делались каждый час, из чего следовало, что какая-то необходимость заставила экипаж покинуть судно где-то между девятью и десятью часами, вероятно, в то время, как спустился туман.

Перелистывая журнал, я не нашел ничего, что говорило бы о том, что судно собирались покинуть. Сообщалось о постоянных штормах, о том, что судно сильно трепало. «Опасное волнение, волны порой достигают мостика. Вода в трюме № 1. Помпы срываются со станин». Эта запись, сделанная 16 марта, была самой тревожной. В течение двенадцати часов кряду сила ветра держалась на уровне 11 баллов. Помпы работали непрерывно.

Если бы экипаж покинул судно 16 марта, когда был сильный шторм, это было бы понятно. Но в судовом журнале говорилось, что судно обогнуло Ушант утром 18-го, в хорошую погоду, волнение было умеренным, сила ветра всего 3 балла. Была даже пометка: «Помпы работают нормально. Судно очищают от обломков, ведется ремонт крышки трюма № 1».

Все это ни о чем не говорило.

По трапу я взобрался на верхнюю, шлюпочную, палубу. Дверь в капитанскую каюту была распахнута. Каюты были чистой и прибранной: все на своих местах, ни признака поспешного бегства. С фотографии в серебряной рамке улыбалась миловидная девушка, ее белокурые волосы блестели на солнце, а поверх фотографии, видимо, ее собственной рукой было написано: «Папочке. Счастливых плаваний и скорых возвращений. С любовью Джанет». Налет пыли на рамке и на листе бумаги, которая оказалась грузовой декларацией, наглядно подтверждал ее содержание: «Мэри Диар» имела на борту партию хлопка, принятую в Рангуне 13 января, которая подлежала доставке в Антверпен. Поверх стопки бумаг лежало несколько авиапочтовых писем, вскрытых ножом. Письма были из Англии, на них стоял лондонский штампель, и адресованы они были в Аден, капитану Джеймсу Таггарду, борт «Мэри Диар». Адрес был написан одним и тем же неровным круглым почерком, каким была сделана надпись на фотографии. Среди массы бумаг я обнаружил рапорт, написанный четкими мелкими буквами, под которым стояла подпись Джеймса Таггарда. Здесь же, на

столике, я обнаружил и запечатанное письмо с адресом: «Мисс Джанет Таггард, Университетский колледж, Гауер-стрит, Лондон, Западно-центральный район 1». Штампа на конверте не было, и надписан он был другим почерком. Затем мой взгляд упал на два дождевика, висящие на двери, в которых ходят офицеры торгового флота, — один из плащей был значительно большего размера, чем другой.

Я начал спускаться вниз по трапу, освещая себе путь карманным фонарем. В затхлом трюме я ощутил запах гари. Однако исходил он не из буфета — там огня не было, печка была холодной. Свет фонарика выхватил из темноты полупустую консервную банку на столе. Рядом лежали масло, сыр, кусок хлеба, покрытый слоем угольной пыли; угольная пыль лежала и на ручке ножа, и на полу.

— Есть кто-нибудь здесь? — снова крикнул я.

Тишина. Я вышел на внутреннюю палубу и побежал по коридору к середине судна. И там тишина, как в шахте. Я стал спускаться и вдруг остановился. Звук! Он исходил откуда-то из глубины корабля. Это был странный, ни с чем не сравнимый звук. Внезапно он прекратился, и в вакууме тишины я четко услышал завывание ветра.

Я побежал в машинное отделение — кажется, именно оттуда исходил привлекавший мое внимание звук. Может быть, это перекачивался уголь? А может быть, в котельной кто-то был? Где-то хлопнула крышка люка, а может быть, дверь.

— Э-эй! — снова закричал я. — Э-эй, там!

И тогда я услышал шаги.

Кто-то тяжелой поступью прошел мимо двери в машинное отделение и направился к мостику. Звук шагов постепенно таял, и наконец его снова заглушил плеск воды где-то внизу подо мной.

Я выскочил наружу — никого. Коридор был пуст. Я закричал, но никто не ответил. Корабль покачивало, скрипело дерево обшивки, плескалась вода, и слышно было, как над головой ритмично хлопала на ветру дверь рубки. До моего слуха издали донесся тревожный сигнал ревуна. С «Морской ведьмы» требовали моего возвращения.

Я подошел к лестнице и уже было ступил на нее, когда увидел какого-то человека. Он промелькнул в свете моего фонарика: расплывчатая темная и неподвижная фигура, стоящая в дверном проеме.

Я замер. Потом направил на него луч и осветил целиком. Это был крупный мужчина. На нем был бушлат и морские сапоги, и весь он был покрыт угольной пылью. Пот струился с его лица, оставляя на нем светлые дорожки, лоб блестел. Правая щека и челюсть были в крови.

Вдруг он обернулся и бросился ко мне. В мгновение ока мой фонарик оказался выбитым из рук. Я ощутил запах пота и угольной пыли в тот момент, когда его сильные пальцы схватили меня за плечи, развернули как ребенка, повернув голову к тусклому свету, просачивавшемуся через дверь.

— Что вам нужно? — спросил он хриплым, срываю-

щимся голосом. — Что вы здесь делаете? Кто вы? — Он неистово тряс меня, будто хотел вытряхнуть правду.

— Моя фамилия Сэндс, — выдохнул я. — Джон Сэндс. Я пришел сюда, чтобы посмотреть...

— Как вы попали сюда? — в его хриплом голосе звучали властные нотки одновременно с бешенством.

— По канату, — ответил я. — Мы увидели, что «Мэри Диар» дрейфует, а когда обнаружили, что нет шлюпок, то решили обследовать судно.

— Обследовать! — уставился он на меня. — Нечего здесь обследовать. — И тут же спросил, не выпуская меня из своих цепких рук: — Хиггинс с вами? Вы его подобрали? Поэтому вы здесь?

— Хиггинс? — переспросил я.

— Да, Хиггинс. — В тоне, каким он произнес это имя, звучали и бешенство и отчаяние. — Именно из-за него я спасал судно, чтобы доставить его в Саутгемптон. Если Хиггинс с вами...

Он внезапно умолк, склонив голову набок, ожидая ответа. Звук ревуна раздался совсем рядом, и я различил голос Майка, который выкрикивал мое имя.

— Они вас зовут. — Его руки конвульсивно еще сильнее сжали мои плечи. — Что у вас за судно? — потребовал он. — Какой тип?

— Яхта, — ответил я и безо всякой последовательности добавил: — Вы едва не протаранили нас прошлой ночью.

— Яхта! — Он разжал пальцы со вздохом облегчения. — Ну что ж, вам лучше на нее вернуться. Поднимается ветер.

— Да, — согласился я. — Нам нужно спешить. Нам обоим.

— Нам обоим? — Он нахмурился.

— Конечно. Мы снимем вас с борта и доставим в Питер-Порт.

— Нет! — взорвался он. — Нет. Я остаюсь на моем судне!

— Вы капитан, не так ли?

— Да. — Он нагнулся, поднял выбитый из рук фонарик и протянул его мне. Голос Майка доносился до нас, словно из потустороннего мира. Ветер завывал пока еще на низких нотах, но он явно набирал силу. — Лучше поторопитесь, — добавил он.

— Ну что ж, пошли. — Я никак не мог поверить, что он хочет остаться. Ведь у него не было выхода.

— Нет. Я не уйду! — и, повысив голос, он повторил: — Я не уйду, ведь сказали же вам!

— Не делайте глупостей, — возразил я. — Вы ничего не сможете сделать, да еще в одиночку. Мы пойдем в Питер-Порт. Через несколько часов мы будем на месте, а там вы сможете...

Он покачал головой в знак несогласия, а затем махнул рукой, как бы прощаясь.

— На подходе шторм.

— Я знаю, — ответил он.

— Послушайте, ради всего святого... это для вас единственный шанс спастись.

А так как он был капитаном и, естественно, думал о судьбе судна, я добавил:

— У корабля тоже только один выход. Если вы не достанете для него буксира, он разобьется о скалы Ченнел Айленд. Больше пользы будет, если...

— Убирайтесь вон с моего судна! — Он весь затрясся от негодования. — Слышите! Убирайтесь! Я сам знаю, что мне делать!

Его голос звучал грубо, в нем сквозила угроза. Я немного помедлил и спросил:

— Вы хотите, чтобы мы прислали вам помощь? — Мне показалось, что он не расслышал, и я снова задал вопрос: — Вы дали радиосигнал о помощи?

Какое-то мгновение он колебался, а затем ответил:

— Да, да, я запросил помощь по радио. А теперь ступайте. Я стою в нерешительности.

— Может быть, вы все же измените свое решение?

Его лицо светилось на темном фоне трюма — мужественное, волевое лицо, все еще молодое, хотя и с глубокими складками, лицо уставшего человека. Он взглянул на меня с отчаянием и одновременно с гордостью.

— Пойдемте, — сказал я.

Он ничего не ответил, отвернулся и ушел. Когда я поднялся на открытую палубу, ветер оглушил меня. Море было покрыто белыми барашками, и волны бешено насккивали на «Морскую ведьму», дрейфовавшую в двух кабельтовых от парохода.

Глава II

Я стоял долго. «Морская ведьма» уже повернула к пароходу и теперь с ревом шла по ветру. Кливер глубоко зарывался в воду. Бушприт царапал верхушки волн, а иногда пропарывал насквозь наиболее высокие из них. Хэл был прав. Мне не следовало лезть сюда. Я побежал к тому месту, где свисал канат, по которому взбирался, проклиная сумасшедшего капитана, отказавшегося от помощи.

Раскачиваясь на канате, я не только видел яхту, но и слышал ее. Слышал, как «Морская ведьма» врзалась в волну, раскалывала ее на две части и с шипением проскальзывала в образовавшийся проход.

Вот она уже совсем рядом, и ее бушприт почти касается борта парохода. Но вдруг порыв ветра мгновенно наполнил большой парус, и яхта проскочила в каких-нибудь двадцати ярдах от того места, где я висел на своей веревке между небом и водой.

— Ветер... сильный... поворачивает корабль! — прокричал мне Хэл.

Майк расправил паруса, и яхта вновь с ревом пошла по ветру. Я продолжал болтаться на веревке, верхушки волн обдавали меня брызгами, больно били о борт судна, а ветер с чудовищной силой прижимал меня к его ржавому корпусу. Постепенно я понял, что происходило. Ветер развора-

чивал «Мэри Диар», и я все время оказывался с наветренной стороны, испытывая на себе всю силу свирепеющего шторма.

«Морская ведьма» еще раз проскочила мимо, и я хотел крикнуть Хэлу, чтобы он не валял дурака, что ничего не получится.

Не знаю как, но Хэлу, несмотря на нехватку носовых

парусов, удалось развернуть яхту и почти остановить ее на расстоянии броска камня от того места, где я висел. Затем он еще раз повел ее к борту «Мэри Диар». Это было сделано мастерски. Был даже момент, когда я мог дотянуться до правого борта яхты. Но мне не удалось это сделать, так как пароход качнуло, меня ударило о борт, и Хэл тут же стал уводить яхту в сторону, боясь столкновения.

— Ничего... не получится... очень рискованно... Питер-Порт!

Обрывки слов Хэла донеслись до меня сквозь ветер. Меня оторвало от борта, и я снова повис над водой, прямо над тем местом, где несколько секунд назад находился правый борт «Морской ведьмы».

— Ладно! — закричал я. — Следуйте в Питер-Порт! Желаю удачи!

Хэл тоже что-то крикнул в ответ, но я уже не расслышал. «Морская ведьма» сворачивала за носовую часть парохода, ее паруса наполнялись ветром, и она набирала ход. Я быстро взглянул вверх, на высившуюся надо мной железную стену и начал карабкаться, пока еще оставались силы.

Подтянувшись на несколько футов, я остановился. Силы иссякли. Меня снова качнуло, я повис над водой, потом ударился о борт, и тут до моего сознания дошло, что это конец.

Руки мои кровоточили и покрылись ржавчиной, но водяные брызги периодически смывали их. Потом, взглянув вверх, я увидел, что блоки на шлюпбалке вращаются, что канат, натянутый на железные поручни ограды, движется.

Медленно, фут за футом, поднимался я вверх, пока моя голова не поравнялась с палубой и я не увидел осунувшееся лицо и мрачный взгляд капитана. Он перетащил меня через борт, и я упал на палубу. До этого времени я и не предполагал, насколько удобен ее железный настил.

— Вам надо переодеться в сухое, — бросил он как бы между прочим.

Он поставил меня на ноги, но я был слишком измотан и совсем околел от холода, чтобы произнести слова благодарности. Он почти поволок меня по палубе в одну из офицерских кают.

— Берите, что хотите, — сказал он и пододвинул ко мне сундук. — Райс был одного с вами роста.

Он постоял немного, о чем-то раздумывая, а потом вышел из каюты.

В сундучке я нашел сухую одежду и надел на себя шерстяное белье, рубашку, брюки и свитер. Тепло разлилось по всему телу, зубы перестали стучать. Я вынул сигарету из пачки на столе и закурил. Потом лег на койку, глаза закрылись сами, и я ощутил подлинное наслаждение. О себе теперь не нужно было беспокоиться — только о «Морской ведьме». И я молил бога, чтобы она благополучно дошла до Питер-Порта.

Согревшись, я задремал. Потом издали донесся голос:

— Сядьте и выпейте это.

Я открыл глаза. Надо мной стоял капитан, держа в руке

кружку с чем-то горячим. Я начал было благодарить его, но он резко оборвал меня быстрым и недружелюбным жестом. Он молча смотрел, как я пью, его лицо было в тени. В молчании сквозила явная отчужденность.

Теплое питье вдохнуло в меня силы. Я взглянул на человека, все еще стоявшего передо мной, и пытался сообразить, почему он все-таки не покинул судна.

— Как вы думаете, сколько потребуется времени, чтобы к нам подоспела помощь? — спросил я.

— Помощи не будет. Я ее не запрашивал. — Внезапно он низко склонился ко мне, и лицо его осветилось светом серого дня, проникавшим сквозь иллюминатор. — Какого черта вы не остались на своей яхте? — Задав этот вопрос, он внезапно выпрямился и пошел к выходу.

Он уже почти вышел из каюты, когда я окликнул его: — Таггард!

Он обернулся с такой быстротой, будто я ударил его в спину.

— Я не Таггард. — Он вернулся в каюту. — Почему вы решили, что я Таггард?

— Вы сказали, что вы капитан.

— Да, но мое имя Петч. — Он снова наклонился ко мне — темный силуэт на фоне иллюминатора. — Откуда вы знаете Таггарда? У вас дела с владельцами? И поэтому вы здесь... — В его голосе зазвучали жесткие нотки, и он стер ладонью угольный грим с лица. — Нет. Этого не может быть. — Мгновение он пристально смотрел на меня, а потом пожал плечами. — Мы поговорим об этом позже. У нас масса времени. Лучше немного вздремните.

Повернувшись, он вышел из каюты.

Спать! Пять минут назад я желал этого больше всего на свете. Но сейчас сон не шел. Не сказал бы, что я испугался, совсем нет. Просто ощущал неловкость. Странное поведение этого человека меня не удивляло. Ведь он пробыл на корабле в полном одиночестве целых двенадцать часов, пытался растопить котлы, работал до изнеможения. Двенадцать часов ада — этого вполне достаточно, чтобы вывести из равновесия любого человека. Но если он капитан, то почему его имя не Таггард? И почему на судне не подали сигнала бедствия?

С трудом я поднялся с койки, натянул морские сапоги, лежавшие под столиком, и, пошатываясь, вышел в коридор. Первым делом я направился на мостик. Моросил дождь, и видимость сократилась до мили. По-прежнему дул штормовой ветер.

Компас указывал, что судно обращено носом на север. Ветер же дул в западном направлении, почти точно в сторону Питер-Порта...

Я зашел в штурманскую. На карту было нанесено наше новое местоположение: маленький крестик в двух милях к северо-востоку от Дуврских Камней и против него — время: 11.06. Сейчас четверть двенадцатого. С помощью линейки я проложил курс. Если ветер будет западным, мы уткнемся в Плато-де-Менкье. Он, очевидно, тоже об этом подумал,

так как на карте виднелась тоненькая карандашная линия и в конце ее — прямо на том месте, где находился район рифов, — грязное пятно, оставленное пальцем. Ну что ж, по крайней мере, он достаточно благоразумен и трезво оценил грозящую опасность. Но эта мысль меня не утешила. Оказаться в районе рифов острова Джерси было бы весьма неприятно, но выйти к Плато-де-Менкье...

На полке, над штурманским столиком, я поискал второй том лоции пролива Ла-Манш, но его там не оказалось. Однако мне и так была хорошо известна репутация этого района: огромное, страшное поле скал и рифов, которое попросту именовалось «Минки».

Я размышлял о Минки и о том, что испытывает человек, когда его судно разламывается на части Мальстремом в районе подводных скал, когда в глубине рубки я заметил небольшую дверь с буквами Р/Т *. Войдя в радиорубку, я сразу же понял, почему не был подан сигнал бедствия. В помещении был пожар.

Потолок и стены обгорели. Радиоаппаратура, укрепленная на стене, жестоко пострадала, пайка свисала с проводов оловянными сталактитами. Оборудование валялось на полу: закопченные и покособившиеся от жара куски металла в обугленных деревянных корпусах.

Спустившись по трапу, я оказался в капитанской каюте, но Петча там не было. Я заглянул в салон, на камбуз и тогда решил, что он должен быть в котельной. Теперь я знал, что надо делать. В первую очередь запустить помпы. В машинном отделении было темно и тихо. Я крикнул, но ответа не последовало. Слабое эхо моего голоса вмиг заглушили удары волн о корпус судна.

Тогда я вышел на шлюпочную палубу и сразу увидел капитана. Он шел мне навстречу, пошатываясь от усталости: остановившийся взгляд, мертвенно-бледное лицо, особенно в тех местах, где были стерты пот и угольная пыль, одежда — черная от угольной пыли, а позади него волочилась лопата.

— Где вы были? — крикнул я ему. — Я не мог вас отыскать. Чем вы все время заняты?

— Это мое дело, — пробормотал он с каким-то безразличием в голосе и, оттолкнув меня, прошел в каюту.

Я двинулся за ним.

— Где мы находимся? Сколько воды мы зачерпнули? Нам надо запустить помпы...

Меня поразило отсутствие у него всякого интереса к моему предложению.

— Скажите же, черт вас возьми, ведь этим же вы занимались в тот момент, как я попал к вам, не правда ли?

— Откуда вам знать, чем я занимался? — внезапно он оживился, но глаза остались жесткими, злыми, дикими.

— Из трубы вьется легкий дымок, — ответил я быстро. — А потом — угольная пыль: вы весь покрыты ею, — я не знал как его расшевелить. — Значит, вы были в котельной.

* Р/Т — радиотелеграфная рубка. (Прим. перев.)

— В котельной? — он медленно качнул головой. — Да, конечно, — отпустив мою руку, он сразу как-то обмяк.

— Если с помощью помп вы удержались на плаву, пересекая залив...^{*} — начал я.

— Да, но тогда у нас был экипаж, да и шли мы на полных оборотах, — его плечи горестно поникли. — Кроме того, и воды в носовом отсеке было не так много.

— Сколько времени потребуется, чтобы поднять пары для того, чтобы запустить помпы? — спросил я. Казалось, он меня не расслышал. Тогда я тряхнул его за руку, стараясь вывести из состояния транса. — Помпы! — крикнул я ему. — Покажите, что надо делать, и я разведу в котле огонь.

Его глаза заблестели, он пристально посмотрел на меня, однако ничего не ответил.

— Вы очень устали, — сказал я ему мягко. — Вам следует поспать. Но прежде покажите мне, как управлять топкой.

Мне показалось, что он колеблется. Но потом он тряхнул плечами.

— Хорошо, — сказал он, вышел из каюты и направился вниз по трапу, ведущему на главную палубу.

Мы подошли к дверям, ведущим в котельную. Обе створки были распахнуты настежь, и сквозь дверные проемы виднелись очертания котлов, величественных и холодных.

— Вот, — сказал Петч, указывая рукой на блок из трех котлов правого борта. В топке одного из них еще тлел огонек.

— Вот здесь уголь, — он направил луч фонарика на черную кучу возле люка угольного трюма. — Работать будем в две смены по два часа, — сказал он, взглянув при этом на ручные часы. — Сейчас почти двенадцать. Я сменю вас в два, — и он сразу же заспешил прочь.

Стянув с себя фуфайку и закатав рукава рубашки, я направился к топке. Печь чуть теплилась. Я нашел рычаг и открыл заслонку. Зола излучала красноватый свет. Я взял лом и пошуровал тлеющую массу. Через несколько минут в печи загудело пламя.

Не помню, сколько времени я пробыл внизу. Мне казалось, что несколько часов. Я непрерывно швырял уголь. Печь гудела, и от нее исходил жар. Потом я остановился отдохнуть и, опершись на лопату, следил за стрелкой манометра. В этот момент до моего слуха донесся слабый звук шагов по металлическому настилу где-то наверху, над котлами.

В дверях топливного трюма появился Петч. Некоторое время он был неподвижен, а затем двинулся в мою сторону, покачиваясь, как пьяный, в такт качки судна.

— Вы же совсем не спали, — крикнул я, внимательно рассмотрев его лицо. — Где вы были?

— Занимайтесь своим делом! — Его взгляд был злым.

¹ Имеется в виду Бискайский залив, бурный почти в любое время года. (Прим. перев.)

Потом он взялся за мою лопату. — Дайте-ка ее мне! — Почти вырвав ее у меня из рук, он принялся бешено швырять уголь в топку. Но он был настолько утомлен, что едва удерживался на ногах, когда судно кренилось. Постепенно движения его замедлились.

— Не стойте здесь и не смотрите на меня, — закричал он. — Идите. Теперь ваша очередь спать.

— Это вам надо спать, — возразил я.

— Я же сказал вам, что будем меняться через два часа. — Голос звучал невыразительно, но тон был категоричным. — Убирайтесь отсюда, — сказал он довольно спокойно, а затем вдруг повысил голос: — Убирайтесь! Слышите?!

За то время, пока я был в котельной, погода резко изменилась. Холод и шквальный ветер обрушились на меня, как только я вышел в коридор, чтобы идти в свою каюту. Умывшись, я лег на койку совершенно обессиленный.

Но, несмотря на усталость, мне не спалось. Что-то странное творилось с этим человеком, да и с кораблем приключилась не менее странная история: пожар, полузатопленный трюм, поспешно сбежавший экипаж...

Должно быть, я все-таки задремал. Проснувшись, я спустил ноги на пол и уставился невидящим взглядом на столик.

Райс! Я вспомнил, что так звали хозяина этой каюты. Менее суток назад он еще находился на судне, был здесь, в этой каюте. А теперь здесь я, в его одежде, занимаю его каюту, а судно все еще не затонуло.

Встав с койки, я подошел к окну, охваченный чувством товарищества к этому бедняге, которого, может быть, сейчас носит где-то по волнам в шлюпке. Или, может быть, он уже добрался до берега? А может быть, утонул? Бессознательно я открыл ящик стола. Там были книги по навигации; он был аккуратным человеком и одновременно собственником, ибо на титульных листах всех книг стояло его имя — Джон Райс, написанное мелким почерком, который я уже встречал на страницах судового журнала. Среди книг были и дешевые издания, большей частью детективы, а также учебник по тригонометрии. В столе я обнаружил логарифмическую линейку и несколько листов разграфленной бумаги.

На дне ящика хранился почти не начатый почтовый набор с дарственной надписью: «Джону. Пиши чаще, дорогой. Люблю. Мэгги». Жена или знакомая девушка? Этого я не знал. Здесь же я обнаружил неотправленное письмо. Оно начиналось словами: «Дорогая Мэгги». Невольно я бросил взгляд на второй абзац: «Ну вот, худшее уже позади. Теперь я могу сообщить тебе, что это не было простым путешествием. Все было неправильно».

Далее Райс писал о том, что шкипер* умер и похоронен в Средиземном море. Выйдя в Атлантику, они угодили в непогоду. 16 марта сильно болтало — «настоящий бедлам», —

* Шкиперами в английском торговом флоте именуют капитанов судов.

помпы срывались со станин, трюмы № 1 и 2 затопило, в радиорубке, в то время как подпорками крепили шпангоуты, возник пожар, команда на грани паники, так как этот подонок Хиггинс сказал, что на борту взрывчатка, не внесенная в судовую декларацию. Мистер Деллимер, которого он именовал «владельцем судна», той же ночью упал за борт.

О Петче он писал, что тот был взят на судно в Адене в качестве первого помощника капитана вместо «заболевшего старины Адамса». А далее шла такая фраза: «Если бы не он, не писать бы мне этих строк. Он превосходный моряк, хотя и болтали, что по его вине «Белль Айл» сел на рифы несколько лет назад». Письмо заканчивалось словами: «Теперь первым помощником стал Хиггинс, но, честно говоря, Мэгги, я ему не доверяю. Я уже писал тебе, как он «ездил на мне» с тех пор, как мы вышли из Йокогамы. Но и этого мало. Он путается с некоторыми матросами — самыми подонками. А теперь о судне. Иногда мне кажется, что «старушка Мэри» предназначена на слом. Так поступают с судами, когда...»

На полуфразе письмо оборвалось. Что же произошло? Был ли сигнал о пожаре? В голове теснились вопросы, ответ на которые мог дать только Петч. Я сунул письмо в карман и поспешил в котельную.

Я спускался медленно, шаг за шагом, прислушиваясь, надеясь услышать скрежет лопаты, врезающейся в кучу угля. Но в котельной царила тишина. Когда я вошел, там никого не было, и только лопата одиноко валялась на полу.

Я окликнул Петча, но ответа не было. Открыв заслонку топки, я обнаружил вместо пламени белый пепел.казалось, что с тех пор, как я ушел, в печь не было брошено ни куска угля.

В бешенстве я схватил лопату и стал швырять в печь уголь, стараясь победить в себе страх, заглушить его шумом подгребаемого угля, ревом пламени в топке.

Но страх заглушить не удалось. Он засел глубоко внутри меня. Я отшвырнул лопату, захлопнул заслонку печи и, выскочив наверх, побежал по палубе. Нужно было отыскать Петча, чтобы убедиться, что с ним ничего не стряслось.

На мостике его тоже не оказалось, но на карте я заметил свежие пометки. Я выглянул наружу и был потрясен видом моря. Волны смыли с палубы все крышки трюмов. Когда корабль качало, я видел, как из трюмов выливалась вода. Но не успевала часть ее выплеснуться на палубу, как море забрасывало внутрь новую порцию. Бак судна практически скрылся под водой. Тоскливая пустота на мостике вдруг породила ощущение, что я иду ко дну. Штурвал вращался, словно вентилятор.

Я зашел в капитанскую каюту. Петч был там. Он полулежал в кресле, глаза закрыты, тело безвольно вытянулось. На столе стояла наполовину пустая бутылка с ромом, а на ковре растекалось винное пятно. Сон разгладил складки на лице Петча, и сейчас он выглядел значительно моложе.

В иллюминатор ударила большая волна, и в каюте на миг стало темно. Его веки дрогнули.

— Сорвало крышки носовых трюмов, — сказал я.

— Я знаю, — он сел, протирая рукой глаза и откинув со лба темные волосы. — Что прикажете мне делать — идти туда и ставить новые? — Его голос звучал с легкой издевкой. — Однажды это уже делалось. — Он встал с кресла, подошел к иллюминатору и долго смотрел на волны. Он стоял ко мне спиной, ссутулив плечи и засунув руки в карманы. — В Бискайе было то же самое — всю дорогу черпали воду. А потом шторм! Господи, какая это была ночь! — Он, не отрываясь, смотрел на море.

— Вам, пожалуй, надо поспать еще немного, — сказал я.

— Кто вы, собственно, такой? — вдруг выкрикнул он, словно впервые меня заметив. — Что вы делали в море на той яхте? Почему вы оказались на судне? — И прежде чем я успел ответить, он снова задал вопрос: — У вас какие-нибудь дела с компанией?

— С какой компанией?

— С Деллимер Трейдинг энд Шиппинг Компани* — с людьми, которым принадлежит «Мэри Диар». — Мгновение он колебался. — Вы вышли навстречу, ожидая увидеть... — Он мотнул головой. — Нет, этого не может быть. Мы шли не по графику.

— До прошлой ночи я вообще не знал о существовании этого судна, — ответил я. — Мы едва не столкнулись с ним. Что здесь произошло? Как случилось, что экипаж бросил судно, идущее полным ходом? Из-за пожара?

Петч внимательно разглядывал меня, покачиваясь с пятки на носок, а потом сказал:

— Они не предполагали, что судно сможет дотянуть до Ла-Манша. — Он произнес это с легкой ухмылкой, а когда я спросил, что он имеет в виду, то пожал плечами и опять, в который уже раз, стал смотреть в иллюминатор. Внезапно у него, очевидно, проснулось желание выговориться.

— Пожар доконал меня. Он вспыхнул в половине десятого, вчера вечером. Райс прибежал и сообщил, что трюм номер три обят пламенем и команда в панике. Я поднял шланг к четвертому трюму, чтобы не дать накалиться переборкам, а потом спустился внутрь. Вот там они меня и поймали, — и он указал на ссадину на подбородке.

— Так, значит, вас ударил кто-то из экипажа? — спросил я с удивлением.

Он утвердительно кивнул, неловко улыбнувшись. Но улыбка была вымученной.

— Меня ударили, а потом заперли люк над головой. Затем команда бросилась к шлюпкам. Меня спасло то, что они забыли о существовании смотрового окна...

— Так ведь это же бунт, убийство! Вы предполагаете, что Хиггинс...

Он метнул на меня быстрый взгляд, и в глазах промелькнула ярость.

* Торговая и судоходная компания Деллимера. (Прим. перев.)

— Хиггинс! Откуда вы знаете, что это Хиггинс?

Я рассказал о письме Райса, но он перебил меня.

— А еще что он написал? Писал он что-нибудь о Делли-мере?

— О хозяине? Нет. Только то, что он упал за борт. И еще он писал, что капитан умер. Отчего он умер?

— Отчего? — Он подозрительно, исподлобья взглянул на меня. — А кому это важно, отчего он умер? Умер, и все тут, и свалил на меня все заботы. — Он сделал неопределенный жест рукой, а потом вдруг резко спросил: — А вы какого черта делали на этой самой вашей яхте прошлой ночью?

Я объяснил ему, что «Морскую ведьму» мы купили в Морле и перегоняли ее в Англию, чтобы потом переоборудовать в базу для поисков затонувших кораблей. Мне показалось, что он меня не слушал, думая о чем-то своим, и мысли его витали где-то далеко, как вдруг он сказал:

— А я думал о том, как мило наш старик все устроил, уступив место молодому. — Он засмеялся. — Ладно, все это ерунда. Переборка скоро лопнет. — Он посмотрел на меня и добавил: — Знаете, сколько лет этому судну? Больше сорока! Три раза его торпедировали, дважды оно терпело крушения. Двадцать лет ржавело в каком-то дальневосточном порту. Господи! Можно подумать, что оно специально дожидалось, когда я стану его капитаном.

Волна снова тряхнула судно, и этот удар вернул Петча к действительности.

— Вы знаете, что такое Минки? — Он снял с полки и протянул мне толстый справочник. — Страница триста восемь, если вас интересуют красоты вашего будущего кладбища. — Это была Лоция района Ла-Манша, часть вторая.

Я отыскал нужную страницу и стал читать: «ПЛАТО-ДЕ-МЕНКЪЕ. Огорожено буями. Необходимо осторожность. Плато-де-Менкье представляет собой обширную группу надводных и подводных скал и рифов в сочетании с многочисленными галечными, каменистыми и песчаными банками... Самая высокая скала — Мэтрес Айл, высотой 31 фут, расположена почти в центре плато...»

— Каковы наши шансы на спасение? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Это зависит от силы ветра, состояния моря и прочности шпангоутов. Если шпангоуты выдержат, то к ночи нас отнесет в район Минки.

— А если нам удастся все-таки запустить помпы, сумеем ли мы выкачать воду из носового трюма? В котле давление достаточное, я был внизу и загрузил печь до отказа.

— Вы же должны знать, что нам это не удастся, ведь крышки люков сорваны, — возразил он.

— Не выйдет, если будем вести судно против ветра. Если мы запустим машины...

— Послушайте, — сказал Петч. — Каждый шов этой старой посуды пропускает воду. Если же мы запустим помпу, то сумеем выкачать только ту воду, которая просачивается через щели, да и то из одного только трюма. А как

вы думаете, сколько потребуется пара, чтобы привести в действие и помпу и машину?

— Не знаю, — ответил я. — А вы знаете?

— И я нет. Но абсолютно уверен, что одного котла будет мало. Потребуется, по крайней мере, два. А если вам кажется, что мы сумеем поднять давление в двух... Впрочем, с помощью одного котла нам удастся попеременно пускать в ход две машины. — Он немного подумал и отрицательно замолотал головой: — Нет, это бессмысленно...

— Почему?

— Потому что ветер сейчас западный. Если держаться к ветру правым бортом, то с каждым оборотом винта мы будем приближаться к Минки. Кроме того... — Он внезапно замолчал. Похоже было, что на ум ему пришла какая-то мрачная мысль, так как брови его нахмурились, а вокруг рта легли глубокие, горестные складки. — А впрочем, черт с ним, — пробормотал он. — Я знаю, где еще хранится вино. Можно не скупиться, ведь никто не знает, что будет дальше.

Я взглянул на него, и внутри у меня все задрожало от возмущения.

— Значит, то же самое произошло и в прошлый раз? И вы точно так же отказались от борьбы? Ведь правда?

— В прошлый раз? — Он буквально остоленел от моего вопроса. — Вы что имеете в виду — «в прошлый раз»?

— «Белль Айл», — выпалил я. — Судно затонуло, так как... — я не договорил, заметив в его глазах ярость.

— Значит, вы знаете и о «Белль Айл». Что еще вы обо мне знаете? — Его голос сорвался, он едва сдерживался. — А знаете ли вы, что я почти год околачивался на берегу? Год в Адене! И этот... Ведь это первый рейс за целый год, да еще на «Мэри Диар», на этой плавающей куче металлолома и с пьяным шкипером, который сдох у меня на руках, и владелец вдобавок ко всему...

Сжав голову руками и глядя на меня невидящим взглядом, он весь ушел в воспоминания прошлого.

— С судьбой шутки плохи, если уж она вцепилась в тебя своими когтями. — Он помолчал и пробормотал после паузы: — Если бы мне только удалось удержать эту банку на плаву... — Он с сомнением покачал головой. — Как вы думаете, ведь не может быть так, чтобы с человеком два раза случалось одно и то же, — пробормотал он. — Дважды! Я еще был молод и зелен, когда получил под команду «Белль Айл». Тогда я многого не понимал, я только чувствовал. Ну что ж, им достался не тот человек, — он невесело рассмеялся. — Зато честность меня многому научила. — Он снова пристально взглянул на меня и продолжал: — Сейчас можно уже ни о чем не думать. Можно прекращать борьбу. Этот шторм меня доконал. И я знаю, когда будет нокаут.

Я молчал.

— Вам не следовало приходить сюда, — он сердито взглянул на меня. — Говорят, «Мэри Диар» приносит несчастье. — Теперь он говорил будто сам с собой. — А они знали, что

судно не дойдет. Многие годы болталось оно по всему свету. В свое время это был отличный грузовой лайнер, а сейчас просто ржавая старая скорлупа, совершающая свой последний вояж. Груз мы должны были доставить в Антверпен, а потом пересечь Северное море, прийти в Ньюкасл и сдать судно на слом.

После этого он замолчал и, склонив голову набок, стал прислушиваться. Он слушал стоны корабля, избиваемого волнами.

— Вот была бы радость — пригнать полузатопленный пароход в Саутгемптон, да еще без экипажа! — Петч захохотал. — А теперь давайте пораскинем мозгами, — заговорил он снова, но уже серьезно. — Прилив пойдет нам навстречу через несколько часов. Плюс к этому еще и ветер. И все же, если мы сумеем удержать судно правым бортом к ветру, мы продлим его плавучесть. Если, конечно, ничего не произойдет. Может, например, измениться направление ветра — тогда будет светопрествление.

Он бросил взгляд на часы.

— Примерно через двенадцать часов прилив потащит нас на скалы, а тогда уже будет совсем темно. Если видимость будет хорошей, буи мы заметим... — Его бормотание снова оборвалось. — Буи! Вот о чем я никак не мог вспомнить перед сном! Ведь я же смотрел на карту! — он оживился, в глазах промелькнула радость. И вдруг он шлепнул себя по лбу и вскочил на ноги.

— Эврика! — вскричал он. — Если нам удастся преодолеть прилив...

Оттолкнув меня, он выскочил и помчался на мостик, перескакивая через две ступеньки.

Глава III

В теплой тьме машинного отделения пахло горячей смазкой и слышалось свистящее шипенье пара. Теперь помещение уже не казалось вымершим. Я торопливо сбежал по трапу на самое дно, прошел несколько шагов вдоль машин и остановился на узкой площадке, держась за поручни. Вдруг раздалось продолжительное шипенье, клапаны зашевелились, задвигались отливающие масляным блеском шатуны приводного вала, вал сделал оборот, медленно, потом второй — побыстрее, и наконец все металлические части пришли в движение, издавая уверенный и мощный гул. Послышался резкий голос динамо-машины, засветились электрические лампочки. Динамо гудело все громче, ярче накалялись лампочки. В свете электричества заблестели медные и стальные части. Все вокруг ожило.

Петч стоял за пультом управления.

— Машины! — закричал я радостно. — Машины работают!

Меня охватило возбуждение. В этот момент я думал только об одном — о возвращении в порт.

Но Петч уже перекрыл подачу пара, стук машин замедлился и наконец совсем прекратился.

— Кидайте уголь! — крикнул он. — Нам потребуется весь пар, какой сумеем получить! — Впервые он выглядел человеком, уверенным в себе и своих силах.

— Я пойду на мостик, — сказал он, — а вы продолжите загрузку топлива. Я дам вам сигнал пустить машины по машинному телеграфу.

Приступив к работе, я почувствовал странную легкость. Я почти не замечал боли в руках. Вернулось чувство уверенности в себе, в победе. Меня переполняла энергия.

Спустя десять минут я вновь пустил машины. Потом еще три минуты ушло на то, чтобы снова поставить судно правильным бортом к волне. Но этих трех минут было достаточно, чтобы давление пара в котле сильно упало. Теперь вновь нужно было загрузить топку до отказа.

В 15.30 Петч приказал мне сменить его у штурвала.

— Следите за брызгами, — приказал он, — это поможет вам правильно определить направление ветра. Держите курс точно по ветру. Если ошибетесь, нас немедленно развернет. Как только скомандуете мне пустить машины, держите руль прямо и не забудьте, что пара хватит минут на пять, а потом машины остановятся.

Он ушел, а я остался на мостике.

Какое облегчение — стоять на мостике и держать штурвал.

В 16.30 Петч вновь появился рядом со мной. Некоторое время он молча смотрел на исковерканное штормом море. Его лицо и шея блестели от пота, глаза провалились, щеки тоже.

— Зайдем на минутку в штурманскую, — предложил он, взяв меня за руку.

В штурманской рубке он указал наше местоположение на карте.

— Сейчас ветер западный. Возможно, он станет юго-западным. Если мы не будем внимательно следить за ним, нас отнесет в самый центр Минки. Поэтому нам нужно взять курс на юг. И каждый раз, включая машины, мы должны использовать их с умом.

— Куда мы держим курс — на Сен-Мало?

Он посмотрел на меня и ответил:

— Я никуда не держу курса. Я стараюсь удержать судно на воде. — Немного помолчав, он добавил: — Через четыре часа прилив пойдет нам навстречу. Вместе с приливом подымется ветер и будет дуть большую часть ночи, и тогда море превратится в ад крошечный. Но прилив движется в юго-восточном направлении со скоростью до трех узлов в час. Теперь прибавьте две мили на ветер и силу машин, вот и весь расчет.

Я уткнулся в карту. Архипелаг Минки был почти рядом.

— В последующие два часа прилив значительно ослабнет, — сказал Петч. — Но я полагаю, что к тому времени мы окажемся в миле, или около того, от юго-западного буя Минки. Половину ночи мы там и переждем. А затем при-

лив повернет обратно, — он пожал плечами и направился в рулевую рубку. — Все зависит от того, удастся ли нам удержать судно носом на юг.

В полночь, в который уже раз стоя на вахте у штурвала, я увидел, что в просвете между волнами, прямо по носу забрезжил слабый огонек. Сначала я решил, что мне это показалось: я был страшно утомлен, а свет мелькнул лишь на короткое время. Но позже я снова заметил свет. Теперь это была уже не вспышка в двух кабельтовых по правому борту. Огонь горел ровно, но до меня долетали лишь его отблески, так как его загораживали волны.

К концу вахты я уже не сомневался, что это «групповой буй № 2», как указывалось на карте.

— Примерно то, что мы и ожидали, — сказал Петч, пришедший принять у меня вахту.

В его голосе не слышалось ни радости, ни интереса к к этому событию. Он звучал ровно и устало.

Я снова спустился в котельную, а час спустя вернулся на мостик. Теперь прилив изменил направление, и вспышки «буя № 2» быстро приближались, на этот раз с противоположного борта. Вскоре, когда совсем рассвело, я смог рассмотреть его — огромный поплавок в виде башни; я сверился с картой, а затем через переговорную трубу попросил Петча подняться ко мне.

Мне показалось, что прошло очень много времени, прежде чем он показался в дверях рубки. Он еле волочил ноги, как больной, только что вставший с постели. Меняясь вахтами в ночные часы, я видел его только при свете нактоуза, и он казался живой тенью. Сейчас, в свете дня, я был потрясен его видом. Он выглядел ужасно.

Я указал на буй, маячивший в четырех кабельтовых по правому борту.

— По-моему, мы слишком быстро входим в зону рифов, — сказал я. — Если так будет продолжаться, то мы врежемся в скалы Бризан-дю-Зюд.

Он вошел в штурманскую рубку, а я ждал приказа спуститься вниз и запустить машины. Но Петч долго не выходил. Я даже окликнул его, боясь, что он заснул. Но он сразу же отозвался, сказав, что следит за бумом и делает расчеты. Я тоже следил за перемещениями буя. Когда он оказался прямо по носу, Петч вышел из рубки.

— Все в порядке, — сказал он. — На этой стадии прилива глубина достаточна, — его голос звучал спокойно и уверенно.

Ветер снова стал бить в правый борт, и судно закачало. Примерно в двух кабельтовых показалась подводная скала, вокруг которой бушевал бурун пены. Корабль сильно потрянуло. Тонны воды обрушились на мостик. Нас затрясло, как при землетрясении.

— Ведь нас же несет на Минки! — закричал я. — Надо снова включить машины.

— Не волнуйтесь, все в порядке, по крайней мере сейчас, — ответил он ровным голосом, как бы стараясь успокоить меня.

Я понял, что он дошел до последней степени физического истощения, а может быть, и умственного.

— Нам нужно немедленно уходить отсюда! — выкрикнул я. — Если мы выберемся из этого лабиринта, все будет в порядке!

Бросив штурвал, я стал спускаться вниз по железному трапу.

— Пойду включу машины.

Но, когда я поравнялся с ним, он схватил меня за руку.

— Неужели вы не понимаете? — сказал он спокойно. — Мы же тонем. — Его взгляд и лицо окаменели. — Я не говорил вам об этом раньше, но вода заливают трюм через шпангоуты. Я специально осмотрел судно, прежде чем сменить вас. — Он отпустил мою руку и снова стал смотреть в бинокль, стараясь что-то отыскать в сером однообразии взбаламученной воды.

— И сколько же... — Я колебался, боясь облечь свою мысль в словесную форму. — Когда же оно начало тонуть?

— Не знаю. Несколько минут назад, час, может быть, два. — Он опустил бинокль, видимо удовлетворенный. — Ну что ж, малюсенький шанс у нас все же есть, но... — Он повернулся и бросил на меня оценивающий взгляд, будто стараясь понять, на что я способен. — Давления в котле хватит на десять-пятнадцать минут хода. Вы в состоянии еще раз спуститься вниз и покинуть уголек? — Он помолчал немного, а потом очень просто сказал: — Хочу предупредить, что, если рухнет переборка, шансов на спасение у вас не будет.

Я колебался:

— А сколько времени она продержится?

— Думаю, часа полтора. — Он бросил быстрый взгляд в сторону правого борта, покачал головой и, взяв мою руку, задержал ее в своей. — Ступайте, — сказал он. — За час я ручаюсь!

— А что, если корабль ударится об один из этих рифов?

— Этого не будет! Мы уже зашли за линию буев на добрую милю.

Удивительно, но здесь, в тепле котельной, опасность не ощущалась так остро. Скоро и Петч спустился ко мне.

Мы работали как сумасшедшие, плечом к плечу, без останков швыряя в топку уголь, лопата за лопатой.

— Я пойду на мостик, — наконец сказал он. — Вы останетесь один. Загружайте топку, пока я не дам команду «полный вперед». Затем запустите машины и немедленно поднимайтесь ко мне.

Я кивнул, не в силах произнести ни слова.

Половина восьмого! Вез четверти восемь! Что же он не дает сигнала к пуску? Я перестал кидать уголь и выпрямился. Опершись на лопату, я смотрел, как струйки воды просачивались сквозь обшивку, и думал: что он делает там, на мостике? В чем состоял тот слабый шанс на спасение, о котором он говорил?

И вдруг сквозь гул волн, бьющих в обшивку, до меня до-

несся звонок машинного телеграфа. Было почти восемь часов. Я отшвырнул лопату, закрыл створку топки и помчался открывать вентиль подачи пара. Когда я поднимался вверх по металлической лесенке, я почувствовал, как задрожал корпус судна — машины заработали.

Петч стоял у штурвала.

— Мы еще не вышли из зоны рифов? — спросил я.

Он ничего не ответил. Я посмотрел за борт. Мимо нас проплывал бело-красный буй. Бак судна был полностью покрыт водой.

— Вот почти и приехали, — пробормотал капитан. — Его голос был чуть слышен. Он переступал ногами, как бы ища более устойчивое положение, и вдруг резко крутанул штурвал влево, еще и еще. Судно послушно повернуло в направлении большой группы рифов.

— Вы с ума сошли! — закричал я. — Берите вправо! Вправо! Вы слышите или нет?

Я рванулся к штурвалу, пытаюсь вырвать его из рук Петча и изменить направление движения судна.

Он схватил меня за волосы, пытаюсь оторвать от штурвала. Он кричал: «Это же наш последний шанс!» — требовал, чтобы я отпустил штурвал. Слова с трудом прорвались сквозь рев волн. Наконец мои руки разжались, и я отлетел к стенке рубки с такой силой, что едва не потерял сознание. Я сел и стал приходить в себя.

— А вот теперь берите штурвал! — скомандовал он. Голос звучал отчетливо, с холодной решимостью. — Принимайте штурвал! — Он был на мостике своего судна и отдавал приказ, ожидая его безусловного выполнения.

Я с трудом поднялся на ноги, и он передал мне руль. Курс северо-восток 10 градусов.

Он принес из штурманской ручной компас и подал его мне, а сам отошел на правое крыло мостика. Там он долго стоял, периодически поднимая к глазам бинокль.

— Курс точно на север, — уверенно скомандовал он чуть позже.

Впереди ничего не было, кроме вздымающихся и проваливающихся вниз волн и пены, бушующей вокруг полускрытых водой рифов. Ближе всех находился небольшой каменный островок, словно отбившийся от остальной группы, и, когда корабль пошел на него, Петч встал рядом.

— Дайте я поведу. — Он произнес это мягким голосом, и я передал ему руль.

И тут же мы ощутили толчок: не внезапный удар, а медленное, мягкое, шуршащее замедление хода до полной остановки. Но тем не менее меня швырнуло вперед, и я ударился о переднее стекло рубки. Послышался треск, киль заскрежетал о дно, и звуки эти потонули в реве волн. Затем последовал еще один удар, и судно встало. Винты продолжали вращаться, будто сердце корабля отказывалось признать свою смерть.

Я смахнул со лба холодный пот, руки дрожали. Мы сели на мель в самом центре архипелага Минки. Это был конец. Я взглянул на Петча — он, казалось, был изумлен.

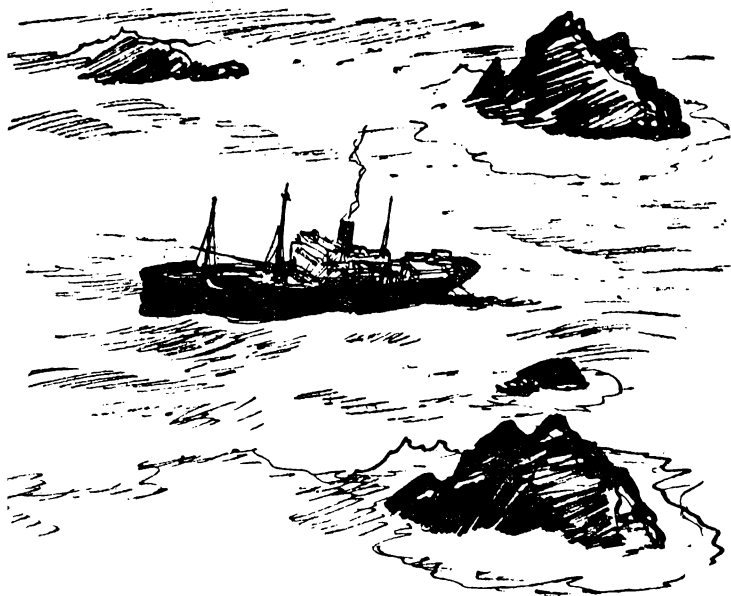
Он оглядел окружавшую нас со всех сторон воду и произнес:

— Я сделал все, что мог! — Глубоко вздохнув, он уже громче повторил: — Бог свидетель, я сделал, что мог! Он снял руки со штурвала с таким видом, будто снимал с себя всякую ответственность за жизнь судна. — А сейчас я хочу поспать.

Не произнеся больше ни слова, он пошел в рулевую рубку, а потом спустился на нижнюю палубу. Я даже не сделал движения, чтобы его остановить. Я слишком устал, чтобы задавать вопросы. Кровь стучала в висках, и упоминание о сне вызвало во мне нестерпимое желание закрыть глаза и забыться...

Было уже совсем темно, когда я проснулся. Море снова билось о борт корабля, и к его ударам примешивался еще один звук — скрежет днища о каменистое дно. Я встал и пошел в каюту Петча. Капитан лежал на койке одетый. Когда я осветил фонариком его лицо, он даже не пошевелился, хотя спал уже больше двенадцати часов. Я спустился в камбуз выпить воды и поесть, а на обратном пути, проходя мимо одной из кают, обратил внимание на белый прямоугольник визитной карточки, приколотой к двери. На ней значилось: «Дж. К. В. Деллимер», а чуть ниже — «Торговая и судоходная компания Деллимера». Был указан и адрес: улица Сент-Мэри Экс, Лондон. Я тронул дверь, но она была заперта.

Был уже день, когда я проснулся вторично. Петч все еще спал, но на сей раз он снял обувь, разделся и закутался

в одеяло. На салонной палубе стояла вода, и в ней плавали разные предметы.

Был отлив, и камни торчали высоко над водой. Ветер был не более пяти-шести баллов, и, хотя вокруг скал на горизонте билась и кипела пена, поверхность моря возле судна была спокойной.

Я долго стоял на мостике. Потом Петч проснулся и тоже вышел на мостик. Он не смотрел ни на море, ни на небо или скалы. Он рассматривал носовую часть судна, поднявшуюся из воды, и люки трюмов, наполненные водой.

— Нет смысла ждать, покуда нас отсюда снимут, — наконец нарушил я молчание. — «Мэри Диар» здесь никогда не найдут.

Он посмотрел на меня, как будто удивившись, что в этом безмолвии нашелся кто-то, кто может разговаривать.

— Нам придется построить лодку.

— Лодку? — удивился он. — О, у нас есть лодка.

— Где?

— В соседней каюте. Надувной резиновый плотик.

— Резиновый плотик в каюте Деллимера?

Петч утвердительно кивнул.

— Странно, не правда ли? Он приготовил его специально для этого случая, — и он засмеялся как бы про себя. — А теперь им воспользуемся мы.

Он встал, открыл ящик стола и извлек оттуда связку ключей, потом вышел, и я услышал, как он отпирал соседнюю каюту. Послышался звук отодвигаемых тяжелых предметов, и, решив помочь ему, я вошел в каюту. Она выглядела так,

будто в ней буйствовал сумасшедший: ящики стола вытаснены, чемоданы взломаны, запоры разбиты, содержимое чемоданов разбросано по полу. Только аккуратно заправленная постель была нетронута, и лишь на подушке остались следы крема для волос.

Петч с треском отодвинул огромный сундук, свалив его набок. Сундук был облеплен яркими этикетками отелей Токио, Иокогамы, Сингапура, Рангуна.

— Держите вот это, — сказал он и подал мне большой рулон коричневого брезента, который мы выволокли через коридор на палубу. Потом Петч вернулся, и я услышал, как он запирает каюту на ключ. Обратно он вернулся с ножом. Мы разрезали веревку, вытащили из брезента желтый плотик и надули его. Эта штука была 12 футов длиной и 5 футов шириной, имела весла, руль и трубчатую телескопическую мачту с нейлоновой оснасткой и маленьким нейлоновым парусом.

— Ну пора двигаться!

Но меня стали брать сомнения.

— Слишком долго придется плыть по открытому морю, когда мы выберемся из зоны рифов. Может быть, лучше подождать, пока не стихнет ветер?

— Нам ветер нужен! — возразил Петч, потом понюхал воздух, определяя направление ветра. — Если нам повезет, мы пойдем на северо-восток. — Он посмотрел на часы. — Поехали. Четыре часа на нас будет работать прилив.

Мы поспешно сложили нужные вещи: продукты, карты, ручной компас, натянули на себя все, что могли. Надели зюйдвестки, морские сапоги, не было только штормовок. Но зато мы захватили из каюты два дождевика.

Было уже без четверти десять, когда мы спустили наш плотик на залитую водой грузовую палубу. Сначала мы отошли на веслах в сторону, а потом поставили парус. Солнце зашло, и все вокруг превратилось в мутную серятину, к тому же пошел дождь. Мы взяли курс на каменный островок Ле Соваж, и вскоре огонек буя подтвердил, что мы на правильном пути. К этому времени «Мэри Диар» превратилась в расплывчатое пятно, слегка возвышающееся над водой. Когда мы миновали Ле Соваж, пятно окончательно исчезло из виду.

Теперь перед нами расстилалась чистая вода, и скоро мы потеряли чувство времени.

В течение четырех часов мы шли по пятам уходящего шторма. Насквозь промокнув, мы прятались от холода в складки резины, под выпуклыми бортами плотика, время от времени выглядывая из-за них, чтобы бросить взгляд на маячивший вдали островок Кэп Фрехель, служивший нам маяком. А где-то сразу после полудня нас неожиданно подобрал пароход, следовавший из Питер-Порта через Ла-Манш.

Пассажиры, окружив нас, запрудили всю палубу, забрасывали нас вопросами, совали в руки сигареты, шоколад. Пароход, включив машины, плавно, без усилий продолжил

путь. Прежде чем покинуть палубу, я бросил прощальный взгляд на наш плотик — желтый лоскуток на фоне белой пены — последнее воспоминание о пережитом.

Глава IV

Горячий душ, сухая одежда... Мы обедали в офицерском салоне. Стюард вьется вокруг, разливая чай, поднося тарелки с беконом и яичницей. Ощущение удивительного благополучия, как пробуждение от ночного кошмара. И «Мэри Диар», и шторм, и клыкоподобные рифы Минки казались теперь частью другой жизни, отделенной от настоящего.

В салон вошел капитан.

— Итак, вы спасенные с «Мэри Диар», — он стоял, переводя взгляд с одного на другого. — Есть среди вас владелец яхты «Морская ведьма»?

— Да, это я — Джон Сэндс.

— Отлично. Я — капитан Фрэзер. Я только что получил радиogramму из Питер-Порта. Ее отправил полковник Лоуден. Он очень беспокоится о вас. Он и Дункан были вчера здесь и слушали радиосообщения поисковой группы. На ваши поиски посланы самолеты.

Он обратился к Петчу:

— Насколько я понимаю, вы — один из офицеров «Мэри Диар»? — Его голос зазвучал более сухо, отчего его шотландский акцент ощущался сильнее.

Петч поднялся.

— Да, я командир «Мэри Диар». Капитан Петч. — Он протянул руку Фрэзеру. — Я чрезвычайно благодарен вам за спасение.

— Поблагодарите лучше моего первого помощника. Это он заметил ваш плот. — Капитан Фрэзер пристально смотрел на Петча своими маленькими глазами. — Насколько мне известно, командиром «Мэри Диар» был капитан Таггард.

— Да, был. Но он скончался.

— Когда это случилось?

— Почти сразу после выхода из Порт-Саида — в начале месяца.

— Понятно. — Взгляд Фрэзера окаменел. — Ну что же, извините, что прервал вашу трапезу. Вы, должно быть, проголодались. Садитесь, оба садитесь. — Он посмотрел на часы, вызвал стюарда и попросил его принести еще одну чашку чаю.

— До Сен-Мало у нас еще есть время. — Он сел, положив локти на стол, и в его голубых глазах появилось любопытство.

— Итак, что же произошло, капитан Петч? Последние сутки весь эфир был заполнен сообщениями о «Мэри Диар», — он помолчал, ожидая ответа. — Очевидно, вы обрадуетесь моему сообщению о том, что шлюпка со спасшимся экипажем вчера днем благополучно прибыла на остров Айл-де-Брега.

Петч промолчал.

— Так что вы скажете? Вы не ожидали моего любопытства, — его голос звучал дружески. — Спасенные сообщили, что на борту вспыхнул пожар, и вы отдали команду покинуть судно. Это было в четверг ночью.

— Я приказал покинуть судно? — Петч посмотрел на него. — Они это вам сказали?

— Да, так сообщают французы. — Фрэзер замолчал, испытывая неловкость от пристального взгляда Петча. — Так что же случилось? «Мэри Диар» плывет, затонула или что?

Некоторое время Петч хранил молчание. Казалось, он обдумывает ответ. Наконец он произнес:

— Подробный отчет я дам соответствующим властям. А до тех пор... — Он по-прежнему не спускал взгляда с Фрэзера. — А до тех пор, извините меня, я отвечать на вопросы не буду.

Фрэзер колебался, очевидно, не желая так обрывать разговор.

— Считаю своим долгом сообщить вам, — сказал он, что на борту находится молодая девушка — мисс Таггард, дочь капитана Таггарда. Она вчера прилетела в Питер-Порт, а когда услышала сообщение о том, что спасенные высадились на французском берегу, она решила идти с нами. Она еще не знает о смерти своего отца и надеется найти его среди спасенных. — Он сделал паузу. — Надеюсь, вы уведомили владельцев?

— Да, конечно!

— Понятно. — Вдруг Фрэзер резко бросил: — Я велел стюарду проводить девушку к вам. — Тут же он сказал уже мягче: — Я прошу вас быть с ней поласковее. Она милая малютка и, видно, боготворит своего отца.

Наконец капитан-шотландец ушел, и в комнате воцарилась тишина. Петч ел сосредоточенно, будто поставив перед собой единственную цель — восстановить силы.

— Отчего он все-таки умер? — спросил я.

— Кто? — Он метнул на меня хмурый взгляд.

— Таггард.

— А-а-а, Таггард. Он спился. — Петч возобновил еду с явным намерением не возвращаться к этой теме.

— Боже мой! — воскликнул я. — Но ей нельзя об этом говорить.

— Конечно, нет, — ответил он раздраженно. — Я скажу, что он умер от сердечного приступа. Это звучит вполне по-медицински.

— Она захочет знать подробности.

— Она их не узнает. — Он отодвинул тарелку. — Он носился по палубе как безумный, кричал, что его душа горит. Мне пришлось запереть его в каюте, а наутро он был мертв.

Петч взял пачку сигарет, открыл ее дрожащими пальцами. В свете пламени спички его лицо было мертвенно-бледным.

— Белая горячка?

— Нет. Не белая горячка. Я обнаружил это после... — Он спрятал сигареты и провел рукой по волосам. — Теперь

это не имеет значения. — Он поднялся со стула. — Вот мы и приехали, не так ли?

Пароход замедлил ход. Ворота шлюза поползли в стороны. Над головой по палубе застучали каблучки.

— По-моему, мы входим в бассейн порта, — сказал я.

— Вы счастливец, — ответил Петч, — ваша эпопея окончилась. — Он начал мерить комнату шагами. — Господи! Сейчас мне хотелось бы утонуть вместе с кораблем!

— Значит, это правда... Вы дали команду спустить шлюпки? И эта история о том, что вас ударили по голове...

Он обернулся в мою сторону, и лицо его оживилось.

— Нет. Я не давал такой команды. Но если они выдвинули эту версию... — Он отвернулся к иллюминатору и стал вглядываться в серую дневную мглу.

— Но какой им смысл? — спросил я. — Если это неправда...

— А кому нужна правда? — возразил он сердито. — Эти мерзавцы устроили панику со страху, а теперь, чтобы спасти свои шкуры, рассказывают, что я отдал приказ покинуть корабль. Шайка проклятых трусов — теперь они все заодно. Но мы еще посмотрим. Когда начнется расследование... — Он слегка пожал плечами: — Я уже раньше имел с этим дело, — сказал он как бы самому себе и снова стал глядеть в иллюминатор на порт, где стояли ржавые железнодорожные вагоны. Он бормотал о каком-то странном совпадении, когда хлопнула дверь и послышалась громкая английская и французская речь. Он обернулся и, глядя на дверь, предупредил меня: — Вам придется подготовить заявление о причинах вашего присутствия на борту «Мэри Диар». — Он проговорил это в спешке, нервно. — Вы находитесь на положении пассажира, и какие-либо комментарии...

Дверь открылась, и он полуобернулся, глядя на вошедших.

Это был капитан Фрээр и с ним два французских чиновника. Улыбки, поклоны, поток французской речи, а затем один из французов, тот, что поменьше ростом, произнес по-английски:

— Я сожалею, мосье капитан, что принес плохие вести. Полчаса назад я слышал радиосообщение о том, что в районе Лезье на берег выброшено несколько трупов. Вероятно, жертвы кораблекрушения.

— С «Мэри Диар»? — спросил Петч.

— «Mais oui»*, — француз слегка пожал плечами. — Смотритель маяка в Лезье не опознал их, но никакое другое судно не терпело бедствия.

— Лезье — это остров к северу от Айл-де-Брега, примерно в сорока милях к западу отсюда, — пояснил Фрээр.

— Я это знаю, — Петч шагнул навстречу чиновнику. — Кстати, есть ли среди спасшихся человек по имени Хиггинс? — спросил он.

Чиновник пожал плечами.

— Я не знаю. Официальный список спасенных лиц еще

* Возможно (франц.).

не составлен. — Какой-то момент он колебался. — Мосье капитан, не пройдет ли вы со мной в бюро? Мне бы вы очень помогли. Да и дело это простое. Формальности, понимаете...

И хотя он произнес это извиняющимся тоном, было ясно, что это вопрос решенный.

— Конечно, — ответил Петч, но я понял, что это пришлось ему не по вкусу. Скользнув взглядом с одного на другого, он пересек каюту и пошел по проходу между расступившимися людьми к двери.

Чиновник уже повернулся, чтобы следовать за Петчем, но задержался и посмотрел в мою сторону.

— Мосье Сэндс? — спросил он.

Я кивнул.

— Насколько я понимаю, ваша яхта ждет вас в Питер-Порте. Если вы сообщите моему коллеге необходимые сведения и ваш адрес в Англии, я не думаю, чтобы у нас была нужда задерживать вас. — И он наградил меня мимолетной дружеской улыбкой.

— Bon voyage, mon ami *.

— Au revoir, monsieur, — ответил я. — Et merci, mille fois **.

Помощник чиновника задал мне несколько вопросов и тоже ушел. Я остался один. Должно быть, я задремал, когда вдруг почувствовал, что кто-то толкает меня в бок. Это был стюард.

— Простите, что разбудил вас, сэр, но я привел мисс Таггард. Приказ капитана, сэр.

Девушка стояла в дверях — маленькая, хрупкая, освещенная светом из иллюминатора, прямо, как на той фотографии.

— Вы мистер Сэндс, не так ли?

Я поднялся.

— Вам нужен капитан Петч. — Я начал объяснять, что он пошел на берег, но она прервала меня.

— Скажите, что случилось с моим отцом?

Я не знал, что ответить. Ей нужно было поговорить с Петчем, а не со мной.

— Капитан Петч скоро вернется, — сказал я.

— Мой отец был на «Мэри Диар», когда вы оказались на ней? — Она продолжала стоять по-мальчишески прямо и решительно.

— Нет, — ответил я.

Она выслушала ответ, и ее губы заметно дрожали.

— Мой отец никогда бы не покинул судно, — она сказала это спокойно, и я понял, что она уже обо всем догадалась. — Он умер, ведь так?

— Да, — сказал я.

— А какова причина смерти? — Она старалась задавать сухие, формальные вопросы, и, так как я проявлял явную нерешительность, она вдруг чисто по-женски бросилась ко

* Счастливого плавания, мой друг (франц.).

** Прощайте, мосье... и спасибо вам большое (франц.).

мне: — Пожалуйста, я должна знать все, что произошло. Как он умер? Он был болен?

— Кажется, у него был сердечный приступ, — ответил я, а затем добавил: — Вы должны понять, мисс Таггард, ведь я не был в то время на судне. Я только передаю вам то, что узнал от капитана Петча.

— Когда это случилось?

— В начале месяца.

— А этот капитан Петч?

— Он был первым помощником.

Она нахмурилась.

— Отец ни разу не упоминал мне о нем. Он писал из Сингапура и Рангуна и называл лишь Райса, и Адамса, и еще одного человека по имени Хиггинс.

— Петч присоединился к ним в Адене.

— В Адене? — Она с сомнением покачала головой и зябко поежилась в своем пальто. — Мой отец писал мне из каждого порта, куда бы они ни заходили, из каждого порта земного шара. Но из Адена я письма не получила.

В ее глазах показались слезы, и она отвернулась, ухватившись за спинку стула. Я стоял не двигаясь. Потом она произнесла:

— Простите меня. Это нервное. — Она снова взглянула на меня, уже не заботясь о том, чтобы скрыть слезы. — Отца так часто не было дома. Я уже свыклась с этим. Я не видела его целых пять лет. — И затем добавила скороговоркой: — Он очень хороший человек. Видите ли, моя мать умерла. — Она снова сделала паузу и спустя мгновение продолжала: — Каждый раз, возвращаясь в Англию, он давал слово навестить меня, но никогда не выполнял его. На этот раз он сказал, что придет наверняка. Вот почему мне так тяжело сейчас. Ведь он возвращался совсем. И сейчас...

Дыхание ее сорвалось, она закусила дрожащие губы.

И почти тотчас же вернулся Петч.

Сначала он не заметил девушку.

— Мне нужно уйти, — сказал он. — Требуется опознать их тела. Они нашли двенадцать трупов. — Голос звучал сухо, лицо напряжено, чувствовалось, что он спешил. — Райс мертв. Единственный, кому я доверял...

— Знакомьтесь, это мисс Таггард, — прервал я его.

Он посмотрел на девушку, но, очевидно, не мог сразу сообразить, кто она. Мысли его были заняты своими делами. Постепенно суровое выражение исчезло с его лица, и он нерешительно и чуть нервно сделал несколько шагов ей навстречу.

— Да, конечно. Ваше лицо... — Он замолчал, как бы подбирая нужные слова. — Я видел... я видел ваше фото на его столе. Я так и не убрал его. — А затем, не отрывая взгляда, как бы про себя, он добавил: — Вы всегда были со мной в самые трудные минуты.

— Мистер Сэндс сказал, что, по-вашему, у него был сердечный приступ?

— Да. Совершенно верно — сердечный приступ, — произнес он автоматически, не вдумываясь в значение слов, ибо

все его внимание было сосредоточено на ней самой, будто она была внезапно ожившим видением.

— Но как? Когда? Вы не можете сообщить мне какие-нибудь подробности?

Он провел рукой по волосам.

— Да, конечно, простите. Это случилось второго марта. Мы шли по Средиземному, — он замолчал, подыскивая нужные слова. — В то утро он не вышел на мостик. А потом меня позвал стюард. Ваш отец лежал на койке. — Снова короткая пауза, после которой он сказал: — В полдень мы похоронили его, в море.

— Он умер во сне?

— Да. Точно. Он умер во сне.

Последовала продолжительная пауза. Ей очень хотелось поверить его словам. Но она не верила. Ее глаза были широко раскрыты и руки плотно сжаты.

— Вы хорошо его знали? — спросила она. — Вы плавали с ним раньше?

— Нет.

— Он был болен во время вашего совместного плавания или раньше, до вашего прихода на судно, в Адене?

Снова неловкое молчание.

— Нет. Он не был болен. — Петч сделал усилие, чтобы взять себя в руки. — Насколько я понимаю, владельцы не уведомили вас о его кончине. Я очень сожалею об этом. Я информировал их по радио почти сразу же, но не получил ответа. Они должны были сообщить вам.

— Как он выглядел перед смертью? Расскажите мне о нем, прошу вас. Видите ли, я не видела его... — Умоляющая интонация в голосе исчезла, и она уже более решительно спросила: — Вы можете описать его мне?

— Понятно. Ну что ж, я попытаюсь. Он был небольшого, очень небольшого роста — вот почти и все. Лицо его смуглое, загорелое. Он был лысым, это вы знаете, но в фуражке и на мостике он казался моложе, чем...

— Лысый? — Она была поражена.

— О, немного седых волос у него все же было, — неловко оправдывался Петч. — Вы должны понять, мисс Таггард, он же не молодой человек и долгое время плавал в тропиках.

— Он же был блондином, — произнесла она почти с отчаянием. — У него были пышные светлые волосы. — Она протянула Петчу фотографию пятилетней давности. — А вы изображаете его стариком.

— Вы же просили меня описать его.

— Я не могу этому поверить, — ее голос срывался. Она снова взглянула на Петча, подняв к нему бледное лицо. — Но вы мне сказали не все.

— Уверю вас, все, — с несчастным видом пробормотал Петч.

— Нет, не все. Я знаю, что не все, — ее голос звучал почти истерично. — Почему он не написал мне из Адена? Он всегда писал мне... из каждого порта... он написал бы мне,

даже умирая, даже если бы судно шло ко дну. Он не потерял ни одного судна в жизни!

Петч смотрел на нее, и лицо его приобретало жесткое и сердитое выражение. Затем он внезапно обернулся в мою сторону.

— Мне надо идти, — он повернулся на каблуках и быстро вышел из каюты, даже не взглянув на девушку.

Она оглянулась на закрывшуюся дверь, и глаза ее наполнились слезами. Внезапно она бросилась в кресло, плечи ее сотрясали рыдания.

— Пять лет — очень большой срок, — сказал я мягко. — Он рассказал вам только то, что знал.

— Это не так, — произнесла она сквозь слезы. — Все время, пока он был здесь, я чувствовала, что... — Она вынула носовой платок и вытерла слезы. — Извините меня, — прошептала она. — Это глупо с моей стороны. Последний раз я видела отца еще школьницей. Мое впечатление о нем, вероятно, немного романтическое.

Я положил ей на плечо руку.

— Лучше помните его таким, каким видели его в последний раз, — сказал я.

Она молча кивнула.

— Вам налить чаю?

— Нет, благодарю вас, — она поднялась с кресла. — Я должна идти.

Она протянула руку на прощанье и ушла.

Потом снова появился капитан Фрэзер.

— Итак, — спросил он, — что же произошло? Вы не знаете? — В его глазах сквозило плохо скрываемое любопытство. — Команда говорит, что он приказал им покинуть судно.

Он ждал, что я отвечу, но, когда я ничего не сказал, он добавил:

— Причем не кто-то один, а все они это утверждают.

Я вспомнил, как Петч мне однажды сказал: «Они сговорились... потому что хотят спасти свои шкуры». Кто же все-таки прав? Петч или команда?..

...Еще раз я увидел Петча уже перед моим отъездом на Гернсей. Это было в Паймполье, в двадцати или тридцати милях к западу от Сен-Мало, в небольшом офисе в порту. Когда полицейская машина везла меня в Сен-Мало, я заметил Петча в окне офиса, правда, одно только лицо, белое, как у привидения. Он, словно узник, смотрел из окна на морской простор.

— Сюда, мосье, прошу вас.

В приемной я увидел около десятка человек, безразличных ко всему окружающему, апатичных, молчаливых. Инстинктивно я почувствовал, что эти люди — бывший экипаж «Мэри Диар». Их одежда, явно с чужого плеча, так и кричала, что ее нынешние владельцы потерпели кораблекрушение. Они жались друг к другу, как стадо перепуганных овец. Часть их можно было принять за англичан, другие же, с обожженными солнцем лицами, могли сойти за кого угодно. Один из них держался особняком. С бычьей шеей

и бычьей головой, он возвышался, как огромная неотесанная глыба. Он стоял на своих широко расставленных ногах прочно, словно монумент на пьедестале. Его огромные мясистые руки засунуты в карманы брюк, стянутых широким морским поясом, покрытым белыми пятнами соли, и с позеленевшей медной пряжкой.

Когда я вошел, он сразу же двинулся мне навстречу, загораживая проход. Его маленькие глазки, словно два буравчика, впились в меня. Я думал, что он хочет заговорить со мной, но ошибся. Жандарм в это время открыл дверь и пропустил меня в оффис.

Петч обернулся в мою сторону, но лица его я не разглядел, только голова и плечи вырисовывались контуром на фоне освещенного окна, сквозь которое мне видны были люди на улице и рыбацьи лодки в заливе. Вдоль стен комнаты громоздились столы, на стене — карта порта, в углу — старомодный сейф. За одним из неприбранных столов восседал человек маленького роста с жиденькими волосами.

— Мосье Сэндс? — Он протянул мне белую тонкую руку. — Надеюсь вы извините за вынужденный визит к нам, но это необходимо. — Он жестом указал мне на стул. — *Alors* *, мосье. — Он взглянул на кипу бумаг перед собой. — Вы поднялись на борт «Мэри Диар»? *C'est ça?* ** Как долго после того, как команда покинула судно? — он безбожно коверкал английский.

* *Увы (франц.).*

** Не так ли? (франц.).

— Спустя десять или одиннадцать часов.

— А мосье ле кэпитэн? — И он метнул беглый взгляд на Петча. — Он все еще был на судне, а?

Я утвердительно кивнул.

Чиновник перегнулся через стол в мою сторону.

— Alors, monsieur *. Это есть то, что я хотел спросить. По вашему мнению, мосье ле кэпитэн дал экипажу команду покинуть судно или нет?

Я взглянул в другой конец комнаты, где сидел Петч, но по-прежнему увидел лишь его силуэт на фоне окна.

— Я не могу сказать, мосье, — ответил я. — Я был после этого.

— Конечно. Я понимаю. Но ваше мнение? Мне нужно ваше мнение, мосье. Вы должны знать, что случилось. Он, должно быть, говорил с вами об этом. Вы были на том судне многие ужасные часы. Должно быть, вам казалось, что вы умрете. Говорил он что-нибудь, что заставило вас составить мнение о том, что случилось?

— Нет, — сказал я. — Нам некогда было разговаривать. Времени не было.

И затем, чтобы доказать, что нам было не до разговоров, я подробно рассказал о том, чем мы занимались на судне. Но, когда я закончил рассказ, он снова спросил:

— А сейчас, мосье, все-таки ваше мнение? Вот что я хочу.

К этому времени я уже принял решение.

— Ну что ж, хорошо, — сказал я. — Я совершенно убежден, что капитан Петч никогда не отдавал экипажу приказа покидать судно.

И я начал объяснять, почему это невозможно. Все это время чиновник старательно скрипел пером по бумаге, а затем пододвинул лист ко мне.

— Вы читаете по-французски, мосье? — Я утвердительно кивнул. — Тогда, пожалуйста, читайте, что там написано, и подпишите показание.

— Вы должны понять, — сказал я, прочитав текст и подписав его, — что я там не был. Не мог я знать, что там происходило.

— Конечно, — подтвердил он и посмотрел на Петча. — Вы хотите что-нибудь добавить для заявления, которое уже сделали? — Этот вопрос был обращен к Петчу.

Петч отрицательно покачал головой. И тогда чиновник снова задал ему вопрос:

— Вы понимаете, мосье ле кэпитэн, что это очень серьезное обвинение, что вы сделали против экипажа — ваших офицеров тоже. Мосье Хиггинс поклялся, что вы отдали приказ ему и человеку за рулем — Юлсу, и он тоже подтвердил, что слышал, как вы давали такой приказ.

Петч молчал.

— Я думаю, будет самое лучшее, если мы будем иметь мосье Хиггинса и другого человека здесь, и чтобы я мог...

— Нет! — Голос Петча дрожал от негодования.

— Но, мосье, — голос чиновника звучал мягко, — я должен понять, что...

* Увы, мосье (франц.).

— Бога ради, я прошу вас не делать этого. — Петч в два шага очутился возле стола и нагнулся к чиновнику. — В присутствии тех двоих я не буду делать никаких заявлений!

— Но должна быть некоторая причина...

— Нет! Я сказал, что нет! — И кулак Петча с грохотом опустился на поверхность стола. — У вас уже есть мое заявление, и хватит! В свое время будет проведено расследование. А до тех пор ни вы, ни кто-либо другой не смеет меня допрашивать в присутствии команды...

— Но, мосье ле кэпитэн, вы понимаете, в чем вы их обвиняете?

— Конечно, понимаю.

— Тогда я должен вас спросить...

— Нет. Вы меня слышите? Нет! — Его кулак снова обрушился с силой на стол. Затем он резко повернулся ко мне. — Во имя бога, пойдемте выпьем. Я торчу в этом паршивом заведении... — Он взял меня за руку. — Пойдемте. Мне нужно выпить.

Я взглянул на чиновника. Он только дернул плечами и в отчаянии развел руками. Петч толкнул дверь, вышел в приемную и, не глядя по сторонам, зашагал прямо сквозь группку людей, будто их вовсе не существовало. Но когда я двинулся следом, дорогу мне преградил гигант.

— Эй, что ты там наговорил? — потребовал он хриплым голосом. — Наверное, ты сказал им, что он не отдавал нам приказа покинуть судно. Ты это сказал?

Я попытался оттолкнуть его, но он резким движением схватил мою руку своими огромными лапами.

— Ну-ка выкладывай! Ты это им сказал?

— Да, — ответил я.

Он отпустил меня.

— Боже всемогущий! — зарычал он. — А что ты, собственно, можешь знать об этом, а? Ты был там, когда мы садились в шлюпки? — проревев это, он приблизил ко мне свое мясистое лицо. Для человека, потерпевшего кораблекрушение, он выглядел до странности довольным собой. — Ты был там, а? — И он грубо захохотал.

— Нет, — ответил я, — конечно, я там не был. Но я не...

— Зато мы там были, — почти прокричал он, и его маленькие глазки уставились на полуоткрытую дверь за моей спиной. — Мы были там, и мы чертовски хорошо знаем, какие приказы отдавались.

Он говорил это специально для чиновника-француза, который появился в это время в дверях офиса.

— Это был правильный приказ для команды горящего корабля, да еще доверху набитого взрывчаткой. И мы это хорошо понимали — и я, и Райс, и старый шеф, и... все остальные.

— Так если приказ был правильным, — возразил я, — тогда как же случилось, что капитан Петч в одиночку потушил пожар?

— А это лучше спросить у него самого, — он повернулся и бросил взгляд на Петча.

Петч медленно двинулся назад в комнату.

— А ну-ка, Хиггинс, объясните мне точно, что вы имеете в виду? — потребовал он. Голос его звучал спокойно, но слегка дрожал, а руки были сжаты в кулаки.

— Сделав что-то один раз, человек делает это же и во второй, — ответил Хиггинс, и в глазах его сверкнуло торжество.

Я думал, что Петч ударит его. Но этого не случилось. Вместо того Петч сказал:

— Вы заслужили виселицу за убийство. Вы убили Райса и тех остальных!

Петч произнес эти слова сквозь зубы и, резко повернувшись, вышел на улицу.

— Только попробуй сказать это во время расследования, — пригрозил ему вдгонку Хиггинс своим хриплым голосом.

Петч обернулся. Его лицо сделалось белым как полотно. Он весь трясся, переводя взгляд с одного на другого.

— Мистер Берроуз, — обратился он к высокому худому человеку с кислым, рассеянным взглядом. — Вы же прекрасно знаете, что я не давал такого приказа.

Человек нервно переминался с ноги на ногу, избегая прямого взгляда Петча.

— Я знаю только то, что мне передали в котельное отделение, — пробормотал он.

— А вы, Юлс? — обратился Петч к низкорослому человечку с потным лицом и бегающим взглядом. — Вы были у штурвала. Вы слышали все приказы, которые я отдавал с мостика. Вспомните, о чем они были?

Человечек не знал, что сказать, и украдкой поглядывал на Хиггинса.

— Вы приказали спустить шлюпки, а людям — быть в готовности покинуть судно, — чуть слышно пролепетал он потом.

— Вы жалкий лгун! — Петч медленно двинулся к нему, но Хиггинс заслонил собой дорогу.

Петч некоторое время пристально смотрел на него, тяжело дыша, а затем повернулся и быстро вышел из помещения. Я последовал за ним и увидел, что он ждет меня на обочине тротуара. Он дрожал всем телом и выглядел совершенно разбитым.

— Вам нужно поспать, — сказал я.

— Мне нужно выпить.

В полном молчании мы дошли до площади и открыли дверь первого попавшегося бистро.

— У вас есть деньги? — спросил он.

Я ответил, что Фрэзер одолжил мне немного. Он с удовлетворением кивнул. Когда мы заказали коньяку, он вдруг сказал:

— Последние выловленные трупы доставят сюда не раньше двух часов.

Я предложил ему сигарету, и он зажег ее дрожащими руками.

— Чертовски жаль, что шлюпка Райса затонула, — в серд-

цах ударил он по столу ладонью. — Лучше бы на его месте был Хиггинс...

Он тяжело вздохнул и погрузился в молчание.

Я не прерывал его. Я чувствовал, что ему нужна тишина. Но в мыслях я никак не мог освободиться от воспоминаний о «Мэри Диар», и, глядя на Петча, уставившегося на стакан с коньяком, я пытался сообразить, что же в действительности произошло на судне.

— Что имел в виду Хиггинс, когда говорил о чем-то, что было раньше? — спросил я наконец. — Он имел в виду случай с «Белль Айл»?

Петч кивнул, не отрывая взгляда от стакана.

— А что случилось с «Белль Айл»?

— Его выбросило на берег... и люди стали болтать. Вот и все. Судно стоило больших денег. Но это не так важно. Но я понимал, что это важно.

— А какая связь между «Белль Айл» и «Мэри Диар»? — Я снова не удержался от вопроса.

Он метнул на меня беглый взгляд.

— Что вы имеете в виду?

— Ну как бы это сказать... — Это было совсем непросто — облечь в слова мысль, которая терзала меня. — Все это довольно странная история, вы понимаете, — команда заявляет, что вы отдали приказ покинуть судно, а вы говорите, что нет. А потом смерть. Таггарда, да и Деллимера... — Деллимера? — Меня поразила внезапная ярость в его голосе. — А при чем Деллимер?

— Ни при чем, — возразил я, — но...

— Ну что ж, договаривайте. Что еще пришло в голову?

— То, о чем я собирался спросить, давно не давало мне покоя. Тот пожар...

— Вы предполагаете, что это моя работа?

Такой ответ удивил меня.

— Бог мой, конечно, нет!

— Тогда, что же вы предполагаете? — Его взгляд был злым и подозрительным.

Я молчал, понимая насколько он измотан, чтобы отвечать искренне на неприятные для него вопросы.

— Дело в том, что я никак не возьму в толк, почему вы тушили пожар и в то же время не позаботились включить помпы? Я видел также, что вы развели огонь в топке и тем не менее им не воспользовались. — Я сделал паузу, так как обратил внимание на его странный взгляд. — И вообще, что вы делали все время на судне? Я имею в виду угольную пыль. Вы были с головой покрыты угольной пылью, и я подумал... — Я видел, как его руки сжались в кулаки, и тут же быстро спросил: — Вы не предполагали, что я окажусь столь любопытным?

Его тело медленно расслабилось.

— Нет. Я об этом не подумал, — и он снова уставился на свой пустой стакан, — извините меня, я немного устал, вот и все.

Пока не принесли новые порции коньяка, он не проронил ни слова, потом заговорил:

— Я хочу, Сэндс, быть с вами совершенно откровенным. Я попал в чертовски сложное положение.

— Из-за Хиггинса?

Он кивнул.

— Отчасти. Хиггинс лжец и мерзавец. Но я не могу этого доказать. С самого начала он повел себя как подлец, но я не могу и этого доказать. — Вдруг он посмотрел мне прямо в глаза. — Я должен побывать на судне.

— На «Мэри Диар»? — Эта мысль показалась мне невероятной, ведь он брал на себя огромную ответственность. — Зачем? — спросил я. — Ведь владельцы наверняка организуют...

— Владельцы! — В его голосе звучало явное пренебрежение. — Если бы владельцы только знали, что оно на камнях Минки...

Он внезапно сменил тему разговора и стал расспрашивать о моих будущих планах.

— Вы вроде бы говорили мне о том, что интересуетесь спасением имущества с затонувших судов, и намеревались превратить свою яхту в плавучую водолазную базу? — Разговор на эту тему действительно имел место еще в самом начале нашего знакомства. Меня удивило, что он запомнил его. — У вас что, есть уже все оборудование — костюмы, помпы?

— Мы не водолазы, а аквалангисты, — ответил я. Его внезапный интерес к моим делам заставил меня подумать о том, сколько еще всего предстояло нам сделать: работы по переделке яхты, оснащение ее и всякие дела, связанные с организацией первой профессиональной спасательной операции.

— А я думал... — Он нервно барабанил пальцами по мраморной крышке столика. — Эта ваша лодка — сколько уйдет времени на ее перестройку?

— Что-нибудь около месяца, — ответил я. — Неужели вы рассчитывали на то, что мы пойдем к «Мэри Диар» и возьмем вас с собой?

Он снова посмотрел на меня.

— Я должен побывать там еще раз.

— Но зачем, черт возьми? Владельцы сами организуют спасение имущества.

— К дьяволу владельцев! — выкрикнул он. — Они ведь не знают, что судно там. Он перегнулся ко мне через стол. — Я уже сказал, что я должен там побывать.

— Но почему?

Он медленно отвел от меня взгляд.

— Я не могу сказать вам об этом, — пробормотал он, но тут же переменял тон: — Послушайте, Сэнд. Я не спасатель. Я моряк и знаю, что плавучесть судна можно восстановить.

— Чепуха, — возразил я. — Еще один шторм, и его затопит полностью, а возможно, и разобьет.

— Не думаю. В судне — вода, это правда. Но она его не заполнит полностью. Если загерметизировать все отверстия, то при отливе можно откачать воду помпами, установлен-

ными на палубе.. — Он сделал паузу, как бы раздумывая. — Я даю вам эту идею в качестве делового предложения. Судно все еще там, и только мы с вами знаем, где оно находится. Подумайте о моем предложении, — поспешно добавил он. — Возможно, пройдут недели, прежде чем какой-нибудь рыбак обнаружит судно. — Он схватил мою руку. — Мне нужна ваша помощь, Сэндс. Мне нужно осмотреть его носовой трюм. Я должен своими глазами его увидеть.

— Увидеть что?

— Тот трюм. Он не затоплен, так как судно неподвижно. По крайней мере, — добавил он, — я в это верю. Но мне нужны доказательства.

Я ничего не ответил, и он перегнулся ко мне через стол, не спуская с меня своего жесткого, настойчивого взгляда.

— Если вы не поможете... — Голос его звучал хрипло. — У меня нет никого, кто мог бы помочь мне. Решайтесь же, черт возьми! Я спас вам жизнь. Вы же беспомощно болтались на веревке. Помните? Я помог вам. Теперь я прошу помочь мне.

Петч не отрываясь смотрел на меня.

— Какой ваш адрес в Англии? — спросил он.

Я назвал лодочный причал в Лаймингтоне. Он кивнул, нахмурился и снова уставился взглядом на свой пустой стакан. Мне надо было уходить, чтобы успеть на самолет. Я пожелал ему удачи и встал.

— Одну минутку! — крикнул он мне вслед. — Надеюсь, что у вас есть свой сейф в банке?

Я кивнул, и он сунул руку в карман, извлек оттуда пакет и бросил его на стол.

— Не сохраните ли вы его до нашей новой встречи?

— Что это?

Он сделал неопределенный и в то же время нетерпеливый жест рукой.

— Так, личные документы. Боюсь, как бы они не затерялись. — А затем, уже не глядя на меня, он добавил: — Когда увидимся, я заберу их.

Я сунул пакет в карман и пошел к выходу.

Спустя два часа я был уже в воздухе, море под нами было похоже на лист гофрированного железа, а далее, справа по борту самолета, оно бурлило белыми барашками.

Француз на соседнем кресле склонился в мою сторону и указал рукой в направлении белых барашков.

— Regardez, regardez, monsieur, — прошептал он возбужденно. — C'est Plateau de Minquiers*. А затем, поняв, что я англичанин, сказал с извиняющейся улыбкой уже по-английски: — Вы, конечно, не поняли меня. Но там, внизу, скалы, много скал. Tres formidable**. Мне кажется, по воздуху путешествовать приятнее. Взгляните, мосье! — И он протянул мне французскую газету. — Вы ведь не видели ее, правда? — Он сунул ее мне в руки. — Это ужасно! Ужасно!

Газета была открыта там, где были напечатаны фотографии Петча, Хиггинса и остальных спасенных, снимки утопленников на песчаном берегу, чиновников, осматривающих обломки кораблекрушения, найденные в скалах. Всю страницу пересекал заголовок «ТАЙНА ПОКИНУТОГО БРИТАНСКОГО СУДНА».

— Интересно, не правда ли, мосье? Эта история мне кажется очень странной. И все эти люди... — Француз удовлетворенно зацокал языком. — Вы даже не представляете, как страшен этот район моря. Ужасен, мосье.

Я улыбнулся, и мне вдруг очень захотелось рассказать ему, на что похож Минки там, внизу. Но я этого не сделал, так как уже начал читать напечатанное в газете заявление, которое сделал властям «ле кэпитэн Гидеон Петч». И вдруг я понял, что он не сообщил им о местонахождении «Мэри Диар». Он даже не упомянул, что судно село на мель, а не затонуло. Мне тут же пришли на память его слова: «...только мы с вами знаем, что оно там». Я сидел, уставившись невидящим взглядом в газету, поняв, что это еще не конец истории «Мэри Диар».

— Странная история, не так ли, мосье?

Я кивнул, но уже не улыбался.

— Да, — сказал я. — Очень странная.

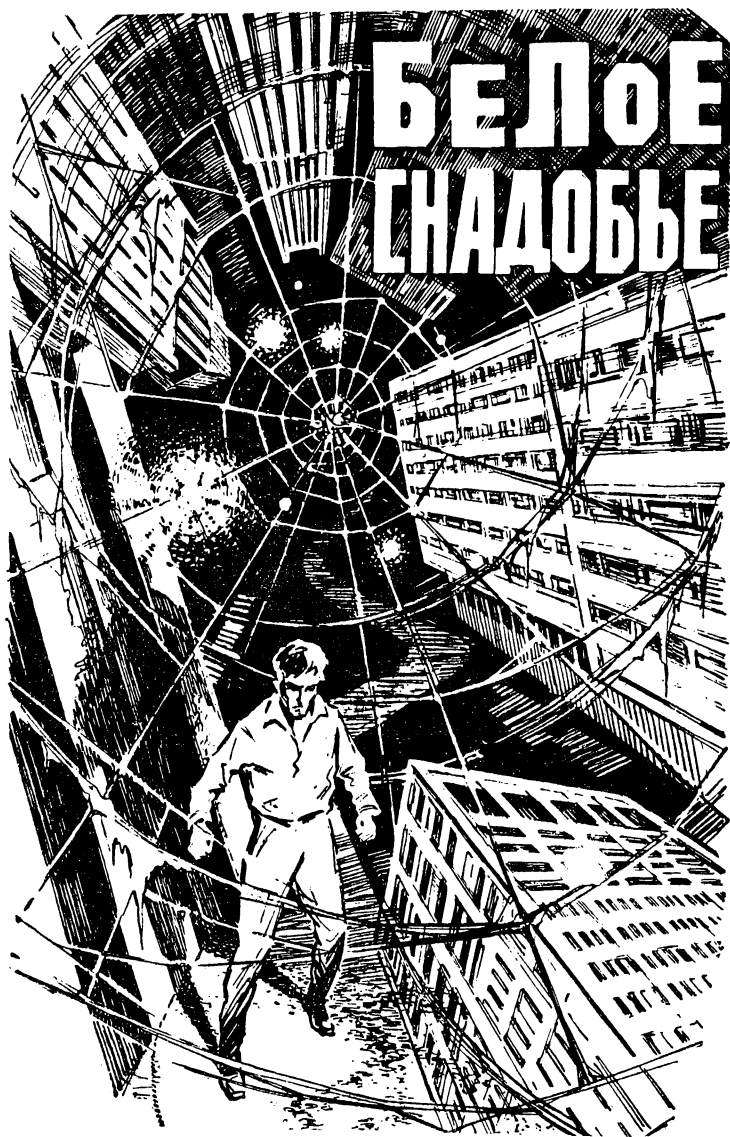
Перевел с английского Д. РОЗАНОВ

Окончание в следующем выпуске

* Смотрите, смотрите, мосье... Это Плато-де-Менкье (франц.).

** Очень страшно! (франц.).

З. ЮРЬЕВ

Фантастический роман-памфлет

КЛИФФОРД МАРКВУД

Глава I

Я отлично помню тот день. Помню хотя бы потому, что, за исключением письма от Карутти, он ровно ничем не отличался от сотен таких же обычных пустых, скучных дней. Антидней. Думаете, я пытаюсь подсунуть вам сомнительный маленький парадоксик? Упаси меня господь бог от изобретения парадоксов и парадоксиков, их хоть пруд пруди и без меня. Логика в жизни маловато, но на парадоксы хоть распродажу объявляй. Четко помню все обычное, а все то, что хоть мало-мальски, хоть на шаг выходит из шеренги будней, представляется мне вскорости в каком-то утрированном, может быть, даже искаженном виде. Наверное, потому, что память то и дело возвращается к этому необычному событию, крутит его так и эдак, подгоняет под собственные желания и стандарты. А так как мы редко ведем себя в серьезные моменты безупречно, мы наверстываем упущенное впоследствии, щедро добавляя себе в воспоминаниях и смелость, и остроумие, и находчивость — все то, короче говоря, в чем мы обычно испытываем недостаток.

Будничное же укладывается в память спокойно, как бумажка в архив, и больше его никто не трогает. Впрочем, я не претендую на универсальность этого феномена. Скорее всего, вы со мною не согласитесь и поступите, кстати, совершенно правильно, потому что я и сам редко соглашаюсь с собой.

Ладно, как бы там ни было, а тот день был действительно обычный, и я действительно отлично его помню. Помню, например, что дверь гаража, когда я вернулся домой, открылась только со второго сигнала, и я подумал — не в первый раз, — что надо бы заменить реле. Помню, что, поставив машину, я, как обычно, первым делом подошел к кусту, который растет у меня перед крыльцом. Его, как обычно, не было видно. Я имею в виду, разумеется, не куст, а симпатичного жирненького паука-крестовика, который живет под этим кустом. Точнее, под одним из листочков, куда он прячется от своих потенциальных жертв, врагов и друзей. Да, да, у него есть друг. Это, с вашего позволения, я. Причем заметьте, моя симпатия к Джимми — так я зову паука, хотя он об этом и не знает, — вовсе не носит абстрактного характера. Не переодевшись, не умывшись, не поев, не подумав о смысле жизни, я отправляюсь на охоту. Я долго хожу вдоль стены и выбираю муху поаппетитнее. Выбираю так, как выбирал бы себе, может быть, даже еще тщательнее. Выбрав, я медленно отвожу руку назад, затаиваю дыхание, останавливаю сердце, мгновенно выбрасываю руку вперед, одновременно захлопывая раскрытую ладонь в кулак. В одном случае из десяти муха оказывается у меня в кулаке. В остальных — мелкие занозы и воздух. Я иду к паутине моего друга и осторожно сажаю свое подношение в сплетение тончайших радужных нитей. Муха, естественно, негодует и дергается, поскольку в отличие от людей я еще не встречал ни одной мухи, которой хотелось бы быть подношением, а я, сорокалетний ученый, прекрасный специалист по электронно-вычислительным машинам (я не хвастаюсь, это не только мое мнение), стою

на четвереньках и с замиранием сердца жду — не спустится ли поужинать Джимми.

И тут я должен сделать вам небольшое признание. Мне не так важно, поест ли сегодня паук или нет. Строго говоря, мне на это вообще наплевать. Надо думать, он поест и без меня. Ведь не всякого же крестовика кормят с ложки. И ничего, обходятся. Мне просто интересно, как Джимми расправляется со своей пищей, как закатывает ее в паутину, а затем уже, по-молясь (а может быть, он и не молится, а только делает вид), смакует изысканный деликатес. Поэтому, строго говоря, я не имею морального права называть себя другом Джимми, поскольку кормлю я его не для его удовольствия, а моего собственного. Впрочем, с точки зрения тех, кто гадают, любит, не любит, по очереди отрывая паучьи ножки, мои отношения с Джимми — верх любви и самопожертвования.

В тот вечер, о котором я собирался вам рассказать, Джимми так и не вышел. Я принес ему вторую муху. Муха была сказочной. Она была столь аппетитна, что, будь я чуточку менее цивилизован, я бы сам с удовольствием полакомился ею. Но он так и не спустился вниз. Я вытянул шею и заглянул под листок, где квартировал мой друг — кто знает, может быть, с ним что-нибудь стряслось. Слава богу, Джимми был на месте, и мне даже показалось, что он с укоризною посмотрел на меня.

— Ах, Джимми, Джимми, — сказал я и покачал головой, — почему ты так дурно воспитан? Спасибо ты бы хоть мог сказать?

Он снова промолчал. Довольно странные отношения, подумал я. Один приносит мух и без конца говорит, другой не принимает и молчит.

Если бы соседи в этот момент увидели или услышали меня, они бы наверняка решили, что перед ними тихопомешанный. Впрочем, они, наверное, уже давно пришли к такому выводу.

— Ну раз так — пожалуйста, — с обидой в голосе сказал я пауку. — Ты еще пожалеешь о своей гордыне, неблагодарный.

Я вошел в ванную, стянул с себя рубашку и стал мылить руки. В этот момент из зеркала над раковиной на меня посмотрел какой-то малосимпатичный шатен с асимметричными глазами. Один больше другого, зато меньший — заметно противнее. Этот меньший глаз вдруг зачем-то подмигнул мне, причем сделал это с какой-то неприятной фамильярностью, с наглым, я бы даже сказал, вызывающим видом.

Я почувствовал, что вот-вот всплыву. Сначала какой-то дрянной крестовичок позволяет себе отвернуться от меня, а теперь еще этот тип в зеркале со своими гнусными гримасами. Я только хотел было сказать шатену, что я о нем думаю, как он вдруг улыбнулся и необыкновенно ласково, пожалуй, даже с нежностью пробормотал:

— Ну, ну, лапка моя, не сердись...

Я пожал плечами. Я и не собирался сердиться. Если я буду сердиться на каждого неблагодарного паука или разноглазого шатена в зеркале, у меня не останется времени для того, чтобы сердиться на человечество в целом, а это мое любимое хобби.

Однако прошу вас не торопиться с выводами. Конечно, легче всего приклепнуть на человека этикетку: расщепление личности

на шизофреническом фоне или шизофрении на фоне расщепления личности. Или еще что-нибудь в этом роде. Это, повторяю, легче всего. Тем более что на первый взгляд кое-какие основания для этого есть. Человек стоит на карачках и устраивает сцену пауку-крестовнику. Потом смотрит на свое отображение в зеркале словно на незнакомца и так далее.

И тем не менее я уверен, что значительно нормальнее средне-нормального человека, по крайней мере, в нашей благословенной стране, где нормы на нормальность устанавливают безумцы.

Просто я панически боюсь превратиться в социальный электрон. Термин этот мой, и им я называю всех тех, кто вращаются по predetermined им орбитам, иногда перескакивают с одного социально-имущественного уровня на другой, но перескакивают опять же упорядоченно — короче говоря, ведут себя так, как им положено себя вести заведенным порядком вещей. Почти каждый раз, когда я еду на работу или возвращаюсь вечером домой и вижу тысячи и тысячи одинаковых домиков с одинаковыми крошечными лужайками перед ними, с одинаковыми мужчинами, женщинами и детьми, занятыми одинаковыми вещами, носящими в одинаковых головах две-три одинаковые мыслишки, — когда я все это вижу и когда я об этом думаю, мне хочется выть от ужаса. Мне хочется закрыть глаза, обхватить голову руками и бежать, бежать — но куда? И вот я подмигиваю себе в зеркале и кормлю паука собственноручно пойманными мухами, чтобы сохранить хоть призрачную, но иллюзию, что я — это я. Что Клиффорд Марквуд, сорокалетний ученый, разведенный, живущий в ОП Риверглейд, Фридом-авеню, 411, работающий в фирме «Прайм дейта», — это я, а не какой-нибудь другой социальный электрон, наматывающий виток за витком на социальной орбите. Конечно, я отдаю себе отчет, что мои призрачные попытки сохранить свое «я» при помощи паука и бесед с самим собой в зеркале довольно смехотворны, но что прикажете делать?

Возможно, вы скажете, что мое навязчивое стремление к индивидуальности — это уже отклонение от нормы. Возможно, и даже вероятно, это именно так. В таком случае плевать я хотел на норму.

Так или иначе я должен извиниться перед вами за то, что подсовываю вам свои фобии и мании. Это, наверное, от одиночества. Нет, нет, не подумайте, что у меня нет знакомых и я, словно некий пустынный, внемлю лишь небу и звездам. Но, увы, сама мысль о том, что я мог бы говорить о своих чувствах и переживаниях с сослуживцами и соседями, заставляет меня улыбаться. Я вижу их искренне недоумевающие взгляды, их искренне наморщенные лбы, искренне брезгливый изгиб губ — о чем это распространяется мистер Марквуд? Почему он не найдет себе психоаналитика? Видите ли, в нашей благословенной стране внимание и участие — товар, причем довольно редкий. Вам нужно участие? Пожалуйста! Откройте желтые страницы телефонного справочника. Психоаналитики в любом количестве продадут вам и участие, и внимание, и совет. И слава богу, между прочим. Хорошо, что можно хоть купить все эти вещи.

Ну да ладно. Пора готовить ужин, но перед этим я обычно

совершаю вечернюю прогулку. Семнадцать шагов до моего почтового ящика и семнадцать обратно. Как я уже вам сказал в самом начале, этот день был бы абсолютно совершенен в своей серости и будничности, если бы не письмо Карутти. Итак, я иду к ящику, вовсе не предполагая, что найду там что-либо интересное. Просто вечерний ритуал. Щелкаю замком. Газета «Риверглейд икзэминер», лежащая в ящике с утра. Впрочем, если бы она лежала с прошлого года, я бы вряд ли заметил разницу. Разве что по длине юбок на фотографиях. Вообще, если судить по газетам, длина юбок — это единственный маятник, отсчитывающий оставшиеся нашей цивилизации годы.

Что еще, кроме газеты? Рекламный мусор, как обычно. Письмо от «Восточной энергетической». Я уже улыбаюсь, догадываясь, что в конверте. Так и есть. Счет на двадцать четыре НД, который я оплатил три месяца тому назад. Я им ничего не отвечаю, поскольку все равно это бессмысленно. Если уж бухгалтерский компьютер делает ошибку — на двадцать четыре новых доллара — это надолго. Еще одно письмо. Без обратного адреса. Немножко странное письмо. Почему? Во-первых, мой адрес написан как-то очень небрежно или торопливо; во-вторых, он написан не на самом конверте, а на бумажном прямоугольнике, наклепленном на конверт. Причем наклепленном опять же как-то небрежно, чуть криво, впопыхах, может быть.

Вы спросите меня: почему столько внимания какому-то анонимному конверту, откуда у меня такая маниакальная наблюдательность? Видите ли, я уже, по-моему, говорил, что я человек довольно одинокий, пишут мне мало. А те письма, которые я все же получаю, похожи на письмо от «Восточной энергетической компании» — фирменный конверт, машинописный адрес, антисмысл. Антиписьма.

Я уселся в кресло и осторожно вскрыл конверт. На небольшом листке бумаги было написано: «Дорогой Клиф! Очень прошу тебя — будь дома вечером в пятницу. Я приеду к тебе. Мне нужна твоя помощь и твой совет. Это важно. Очень и очень важно. Твой Фрэнк Карутти». И все.

Эта коротенькая записка еще более усилила возникшее у меня ощущение какой-то нелепости. Во-первых, я не видел Карутти года два, не меньше; во-вторых, когда мы вместе учились, а потом работали в лаборатории Майера, мы никогда не были особенно близки. Если бы вы увидели Фрэнка Карутти, вы бы сразу поняли, что у него может быть очень мало общего с другом паука Джимми. Он был всегда таким совершенным электроном, вращающимся по такой совершенной орбите, что мне легче представить его летающим по ночам в пижаме, чем подмигивающим самому себе в зеркало.

Имея дело с Фрэнком, всегда можно точно знать, что он сделает или скажет в следующую минуту. Он всегда предсказуем. Кроме того, он необыкновенно аккуратен, даже педантичен. Из тех, кто пишет адрес на конвертах разборчиво и четко, и уж подавно не на клочках бумаги, наспех наклеенных на конверт. Но это все качества, которые мне не слишком приятны, и у вас может создаться впечатление, что Фрэнк только предсказуемый электрон, и ничего больше. А это не так. Он, между

прочим, еще и блестящий ученый с нюхом хорошей гончей и интуицией прорицателя. Что-то, а этого у него не отнять.

Нет, что ни говорите, а письмо было странным. Не то чтобы очень странное само по себе, но оно никак не вписывалось в орбиту Фрэнка Карутти. И конверт, и просьба о совете и помощи, и отсутствие обратного адреса — все было как-то... непредсказуемо.

Конечно, если бы я был обычным электроном, я бы тут же отложил письмо в сторону, поскольку мне, наверное, нужно было бы воспитывать детей, ругаться с женой, подстригать траву на лужайке, смотреть телевизор. Но детей у меня нет. Жена, да и та бывшая, находится на расстоянии двух тысяч миль от меня, на траву мне наплевать в высочайшей степени, телевизор я не переносу, а на паука Джимми я обиделся. Поэтому я принялся рассуждать о письме.

«Почему адрес написан от руки? Карутти ведь из тех, кто предпочитает машинку. Наверное, потому, что он писал его не дома и не на работе, а где-нибудь еще, например в почтовом отделении. Прелестно, — сказал я вслух сам себе. — Фантастические дедуктивные способности.

Почему адрес написан не на конверте, а на наклеенном листке? Может быть, потому, что адрес на конверте был написан неправильно? Здесь, — сказал я себе, — нужен эксперимент».

Я взял конверт, подержал его на пару и осторожно отклеил бумажный прямоугольничек. Под ним выведенный четкими буквами был совершенно другой адрес: «Мистеру Генри Р. Камински, 141, Конноли-стрит, Ньюпорт».

Ньюпорт — это не очень симпатичный городок милях в сорока от Риверглейда. Не ОП и не джунгли. Нечто среднее. Так. Хорошо. Будем рассуждать логично. Сначала Карутти решает написать некоему Генри Р. Камински. Прекрасно. Затем почему-то решает не писать Генри Р. Камински, а послать письмо мистеру Клиффорду Марквуду, то есть мне. Другого конверта либо нет, либо Фрэнк решает сэкономить. Очень логично, за исключением того, что все это в высшей степени не похоже на Фрэнка Карутти. Кроме того, я ведь уже решил, что он писал из почтового отделения... Бог с ним, с письмом. Сегодня среда. Через два дня Карутти сам объяснит мне, зачем я ему понадобился, что это за важное дело и почему он решил экономить на конвертах.

Глава II

В пятницу Фрэнк Карутти не приехал, не появился он и в субботу. «Это важно. Очень и очень важно». Странные слова...

Конечно, проще всего было бы забыть и письмо, и Карутти, тем более что за два года, что мы не виделись, я вряд ли вспомнил хоть раз о нем.

Я так и сделал. «Забудь об этом письме, — сказал я себе. — У тебя есть более важные дела, например, нужно наладить отношения с пауком Джимми и заменить реле ворот в гараже». Но к пауку я не пошел. Не к лицу мне, гомо, более или менее сапиенс, унижаться перед каким-то паршивым жирным

крестовиком. Ну а реле... Согласитесь, когда собираешься сменить реле уже полгода, причем говоришь себе ежедневно, что сделаешь это завтра, — взять прямо так и действительно сменить его — было бы поступком легкомысленным и даже непристойным. Неисправное реле и твердое намерение починить его уже превратились в традицию, в нечто постоянное, а такие вещи в наш зыбкий, неустойчивый век нужно ценить. Да и по возрасту мне пора уже быть консерватором, хранителем традиций и противником радикальных поползновений, как, например, починка реле.

Итак, я настолько старательно пытался забыть о письме Карутти, что оно не шло у меня из головы. Короче говоря, около полудни в воскресенье я уже ехал не только по Ньюпорту, но даже по Коннолли-стрит. Дом номер 141 оказался маленьким и печальным кафе с таким же хозяином.

— Порцию сосисок и стакан апельсинового сока, — сказал я, усаживаясь за столик, покрытый пластиком.

Кафе было пустым, и сосиски появились довольно быстро. Они выглядели такими же маленькими и печальными, как и их хозяин. Очевидно, они, как и он, ничего в жизни не добились и примирились с поражением.

— Спасибо, мистер Камински, — сказал я. — Вы ведь мистер Камински?

Я никогда не видел, чтобы человек бледнел так быстро. Хозяин вздрогнул, словно вспомнил вдруг с перепоя вкус и запах спиртного.

— Боже, — простонал он каким-то жалким театральным голосом, — боже, когда кончатся эти муки? — При этом он смотрел на меня с ненавистью, а его маленькие кулачки судорожно сжимались и разжимались. — Что вам от меня нужно?

— Простите, — сказал я. — Я и подумать не мог, что имя Камински вызовет у вас...

— Что вам от меня нужно? Ведь я уже позавчера... — Он вдруг замолчал и еще раз с ненавистью посмотрел на меня. Чувство это было таким концентрированным, что на мне начала тлеть одежда.

— Что позавчера? — спросил я.

— Спросите ваших дружков, — буркнул хозяин и с проворством испуганной ящерицы юркнул за стойку.

— Я вас не понимаю, — пожал я плечами, — во-первых, у меня нет дружков («Так-то ты предаешь своего друга паука Джими», — не преминул я подколоть себя), а во-вторых, я даже не знал бы, о чем спрашивать...

— А вы не... вместе?

— Нет.

— А почему же вы опять мучаете меня этой идиотской фамилией, которую я слышу первый раз в жизни?

Маленький человечек уже не испепелял меня ненавистью. Он вздохнул тяжело и безнадежно, как вздыхают коровы и семейные люди за пятьдесят.

— Вы думаете, я знаю? — спросил его я, в свою очередь.

— Сумасшедший мир, безумный мир, дурацкий мир. Сначала приходят два типа и пытаются меня уговорить, что я Генри Р. Камински и что я получил якобы письмо от некоего Карут-

ти. Я отвечаю, что за пятьдесят четыре года я ни одного дня не был Генри Р. Камински. Тогда мне показывают большой кусок мяса, который при ближайшем рассмотрении оказывается кулаком, и говорят, чтобы я не острил. Хорошо, я говорю, я не буду острить, но все-таки я не Генри Р. Камински, никогда не знал Генри Р. Камински и, даст бог, умру так с ним и не познакомившись. Никакого письма я не получал. Ну хорошо, мне тут же дают по шее, но довольно деликатно, так что я даже не упал, и спрашивают, не знаю ли я в таком случае некоего Фрэнка Карутти. Я отвечаю, что нет. Мне говорят, что если я пытаюсь хитрить с ними, то играю даже не с огнем, а со своей жизнью. Мне вежливо дают еще раз по шее и уходят. А сегодня вы все начинаете снова.

— Но я же по шее вам не давал, — обиженно сказал я и даже почувствовал нечто вроде гордости. Я оказался на высоте — не дал человеку по шее. Это уже много, и мне хотелось видеть благодарность за заслуги. Несостоявшийся Генри Р. Камински, похоже, в принципе разделял мою точку зрения.

— Это верно. Большое спасибо! — согласился он. Он подумал немножко и сказал: — Послушайте, а кто хоть это такие Генри Р. Камински и Фрэнк Карутти?

— Я ведь как раз об этом и хотел вас спросить...

— Сумасшедший мир, безумный мир, дурацкий мир. С вас два сорок.

Я расплатился и вышел из кафе. В голове у меня прыгали и скакали какие-то жалкие обрывки мыслей. Я подумал, что, если посижу несколько минут спокойно, может быть, и они последуют моему примеру. Я нашел свободную скамейку на крохотном пропыленном сквере и стал наблюдать, как неопределенного пола младенец пытается насыпать земли в свою коляску, а его мать мешает ему. С видом решительным, я бы даже сказал маниакальным, младенец, сидя на корточках, набирал полный совок жалкой городской земли, медленно поднимался и осторожно нес его к облупленной голубой коляске на высоких тонких колесах. Привычным жестом мать выкручивала ему руку, высыпая содержимое совка, и он, не плача и не протестуя, снова опускался на корточки.

«Какой развитый мальчуган, — подумал я с симпатией. — Он уже продлевают то, чем ему предстоит заниматься всю жизнь. Определенный цикл определенных движений, результата которых никогда не видишь. Цивилизация построена ведь на четком разделении труда. Один делает, другой выкручивает ему руки».

Наконец женщина посадила его в коляску, и он огласил Нью-порт пронзительным криком. Что делать, обидно же, когда тебе мешают в лучших намерениях и планах.

Мимо меня медленно прошаркал *нарк*. Стекланные глаза без особого интереса скользнули по мне, по коляске с ребенком, по женщине, и она инстинктивно схватилась за коляску.

«Мистер Клиффорд Марквуд, — сказал я себе, — вы уже несколько успокоились и, возможно, вновь обрели способность более или менее связно думать, если, конечно, раньше обладали ею. Что же это значит? Какие-то джентльмены являются по адресу, который был написан Карутти на конверте, а потом заклеен бумажкой с моим адресом. Возможно, это печальное

кафе с печальными сосисками не имеет никакого отношения ко мне. Я хочу сказать, что адрес — Конноли-стрит, 141 — два посетителя кафе, которые любят давать по шее, могли узнать и без моего конверта. А как? Допустим, они нашли адрес в записной книжке Карутти. Вполне допустимо. Но ведь владелец кафе не Генри Р. Камински и он не знает Фрэнка Карутти».

Интуиция подсказывает мне, что все не так. Адрес — Конноли-стрит, 141 — эти типы узнали, прочтя его на моем конверте. До того, как Карутти заклеил его моим адресом. Допустим. Тогда что? Возникает ситуация, в которой Фрэнк Карутти пишет на конверте вымышленный адрес. Очевидно, чтобы сбить с толку людей, которым хочется узнать, кому и куда он пишет. Отлично. Попробуем мысленно воссоздать всю сценку.

Карутти идет по улице. Почему-то ему нужна моя помощь. Почему-то он вспомнил именно обо мне. Почему именно, сейчас нас не касается. Дома он адрес на конверте не написал, в этом я уверен. Дома он бы наверняка воспользовался пишущей машинкой.

Итак, он идет по улице и замечает, что за ним следят. Минуточку, минуточку. А почему он идет? А почему не едет? И почему он не надпишет спокойно мой адрес, сидя в своей машине, даже если он видит, что за ним следят? Это вопрос, ничего не скажешь. Отличный вопрос. Ведь, надписав в машине мой адрес, он мог бы быстро бросить письмо в почтовый ящик.

Логично. Вот и все. Вся сценка рассыпается от первого же толчка, который она испытывает при контакте с элементарной логикой. Ну а если... А если он очень боялся тех, кто следил за ним, если он считал их способными на все? Ведь, зная, в какой ящик письмо опущено, можно спокойно подождать почтовую машину и очень вежливо попросить водителя дать посмотреть несколько писем. Если ты очень вежлив и к тому же вручаешь водителю энную сумму, вполне можешь рассчитывать на успех. В нашей благословенной стране можно рассчитывать на успех и в том случае, если ты очень груб и показываешь собеседнику пистолет подходящего калибра.

Что ж, в этом есть резон, дорогой Клиф. А надписав вымышленный адрес и убедившись, что следящие за ним видели его, Карутти мог бы быть уверен, что охотиться за письмом они не будут.

Итак, вернемся к нашей воображаемой сценке. Я откинулся на спинку скамейки, подставляя лицо солнцу, и закрыл глаза. Мрак за опущенными веками красновато-багровый. Солнце и кровь. Фу, Клиф, какая безвкусица: солнце и кровь. Жестокий испанский романс. Не хватает лишь песка, быка, красавицы, мантильи и Севильи.

Итак, Фрэнк Карутти идет по улице. Он идет мимо витрин, мимо распахнутых окон, мимо колясок с младенцами неопределенного пола, мимо всего на свете. Интересно, те двое, у которых кулаки похожи на громадные куски мяса, держатся ли они поодаль или почти не стесняются? Наверное, они почти не стесняются. Люди с большими кулаками обычно не бывают слишком застенчивыми.

Вот Карутти на мгновение останавливается у витрины.

Для чего? Для того, например, чтобы увидеть в толстом зеркальном стекле два мясистых лица, две жирные физиономии, две наглые хари. Чтобы ощутить, как по твоему телу бродит, отвратительно холода его, страх.

Карутти ускоряет шаг. Вот и почта. Он долго копается в кармане в поисках монетки. Пальцы, вероятно, не слушаются его. Пальцы Фрэнка Карутти, которые совершеннее многих совершенных приборов. Если бы вы видели, как он работает, вы бы поняли, что я хочу сказать.

Наконец он находит монетку, сует ее в автомат и ловит летающий оттуда конверт. Тот самый, из-за которого я сейчас сижу на облупившейся муниципальной скамейке в Ньюпорте.

Фрэнк Карутти садится за стол. Краем глаза он видит, как те двое осматриваются, видят табличку «Просьба не курить» и тут же автоматически лезут в карманы за сигаретами. Фрэнк кладет на стол конверт и берет ручку. Все, что приходило мне в голову об этих двух соглядатаях, о почтовом ящике, наверняка обдумал и он. У него голова не чета моей. Он делает вид, что загоразживает рукой адрес, который выводит на конверте. Почему он написал «Конноли-стрит»? Может быть, там когда-нибудь жила какая-нибудь Джейн или Марго, обязательно кругленькая и обязательно светленькая, потому что Фрэнк сам черняв как жук. Он держал ее за руку и вздыхал, а она все чиркала, и ему казалось, что он идет рядом с воробьем. И почему 141? А почему бы не 141? Чем 141 хуже любой другой цифры? Никто еще никогда не доказал, что 141 хуже для вымышленного адреса любой другой цифры.

Фрэнк делает вид, что прикрывает рукой адрес, но один из соглядатаев, приподнявшись на цыпочки, смотрит ему через плечо. «А еще ученый, вот кретин!» — самодовольно думает он. Если, конечно, знает, что Карутти — ученый. Теперь можно и отойти от этого балбеса. Адрес простой: Ньюпорт, Конноли-стрит, 141, Генри Р. Камински.

Карутти смотрит на конверт, а затем на небольшом прямоугольничке бумаги он пишет мой адрес, быстро наклеивает его на Генри Р. Камински, вкладывает в конверт письмо. Еще мгновение — и письмо в ящике. Вся компания довольна друг другом. Хари не спеша идут за Карутти, обсуждая, за что только платят деньги этим шарлатанам ученым, когда они такие болваны. Боже, какое это острое наслаждение — чувствовать свое превосходство над каким-то паршивым интеллигентом. Это так приятно, что хари испытывают даже нечто вроде симпатии к Карутти. Брезгливой, надо думать, но симпатии.

Карутти несколько раз прерывисто вздыхает. Ему все кажется, что если поглубже вдохнуть, как следует насытить кровь кислородом, то густой, липкий страх перестанет лежать холодным компрессом на сердце, он растворится и оседет в каком-нибудь душевном фильтре безвредным осадком, который называется памятью. Но компресс все лежит и лежит на сердце, потому что... Что потому что? Не знаю, это пока за скобками.

Рядом слышатся размеренные шаги, потом замирают около меня. Я вздрагиваю и открываю глаза. У нас всегда так. Когда боишься увидеть жулика, видишь перед собой полицейского. И наоборот. Но похоже, что друг другу они не мешают, по-

сколько я что-то никогда не видел их вместе. Передо мной стоит полицейский. Красавец, да и только. Загорелое лицо, спокойные, с прищуром серые глаза. Синяя, отлично подогнанная по фигуре форма.

— Задремал на солнышке, — глупо бормочу я. Почему я испугался? Не знаю.

— Вижу, — кивает полицейский и идет дальше, цепко ощущая меня глазами.

Почему я испугался? Разве в нашей благословенной стране полиция не стоит на стороне законопослушных граждан? И разве я не законопослушный образцовый гражданин? Ага, понял. Если бы я нарушал законы, у нас было бы что-то общее и мы бы быстрее поняли друг друга. Я бы знал, что делать, и он знал, что ожидать от меня. А без этого — чувство неопределенности, всегда порождающее страх.

Глава III

Вы замечаете, что я почти совсем забросил своего друга Джими? Я тоже заметил. Но что делать, когда Фрэнк Карутти прямо-таки нейдет у меня из головы. Ну хорошо, не мог он приехать ко мне в пятницу, в субботу, в воскресенье. Может быть, то, что заставило его написать мне, и то, что он считал очень важным, уже и не так важно. Более чем вероятно. Но если бы вы знали Фрэнка Карутти, вы бы, как и я, не сомневались, что он обязательно напишет или придет. Он не из тех людей, которые повсюду тащат за собой шлейфы неоконченных дел, незавершенных начинаний. Фрэнк, насколько я его помню, физически не выносит неоконченности, несовершенства. Это не воспитание, не пуританская мораль. Это свойство его натуры.

Впрочем, очень может быть, что вся моя конвертная концепция построена на песке. Очень может быть, что все мои реконструкции — плод праздного ума, детище бездельника, который не ругается с женой, не воспитывает детей, не подстригает газона лужайки, не смотрит телевизор, а создает себе химеры, чтобы было чем заниматься. Что ж, химера, между прочим, как цель не так плоха. Как пишут в рекламных проспектах, всегда сохраняет свежесть и яркость.

Полдня я искал адрес его бывшей жены. Еле вспомнил, как ее зовут. Я и видел-то ее несколько раз в жизни. Уже тогда, когда я только познакомился с ней в лаборатории Майера, у них с Фрэнком, шептались сотрудницы, уже были дрянные отношения. Звонить этой Бетти Карутти было бессмысленно. Кто я ей? Как я мог ей представиться? Вряд ли она помнит мое имя, разве что вспомнит лицо...

Я нажимал на звонок раз пять и уже было собирался повернуться и уйти, когда за дверью послышались шаркающие шаги, шелкнул замок, и я увидел Бетти Карутти. Я понял, что это она, только потому, что знал, кого увижу. На улице я бы прошел мимо нее раз сто, не обратив на нее ни малейшего внимания. За те года три, что я ее не видел, она похудела, порыхтела и постарела. В квартире так пахло перегаром, что я не сразу сообразил, откуда это так несет. Потом понял, что от

стоявшей передо мной дамы. Бетти одернула неопределенного цвета свитер, зажмурила глаза, качнулась вперед, потрясла головой, вздохнула и спросила:

— Ты кто? Зачем?

— Простите, мадам, — поклонился я, — если не ошибаюсь, вы ведь Бетти Карутти?

— А ты кто?

— Если помните, я когда-то работал с вашим бывшим мужем. Меня зовут Клиффорд Марквуд.

— Бывший муж... — захихикала Бетти. — Бывший муж... Почему же только бывший муж? Он еще и бывший... Чего бывший? Ты прости, сладенький мой, но я бы не против выпить капельку. О-одну крошечную, малюсенькую капельку. Ты не угостишь даму? — Голос ее стал вдруг суровым. — Ты ведь джентльмен? Ты ведь тоже с образованием? Ты ведь тоже слишком хорошо знаешь, что к чему, как бывший... Ха-ха-ха... Бывший... Ты не думай: меня приглашать в бар не нужно, меня в бар не пустят, я ведь, знаешь, люблю падать в барах. Не успею, понимаешь, войти — и бац на пол.

Бетти, покачиваясь, необыкновенно медленно и церемонно взяла меня под руку, хихикнула и повела в комнату. На столе стояла наполовину опустошенная бутылка джина и два стакана.

— Ты знаешь, бывший, отчего я спиваюсь? — хитро прищурившись, спросила Бетти. — Нет? Оттого, что я сама себе наливаю. Дама не должна сама себе наливать. В этом-то весь фокус. Пей сколько влезет, но соблюдай, детка моя, приличия. Понял? Если будешь когда-нибудь дамой, никогда не наливай себе сам. Понял? Пусть это делают твои кавалеры. Налей мне, бывший. То есть, прости, это не ты бывший, я бывшая. И Фрэнк бывший. Он уже совсем бывший.

— В каком смысле? — спросил я, чувствуя, как откуда-то снизу, от пяток наверное, во мне поднимается страх.

— Ну как в каком? Налей. Вот так. Совсем другой стиль. Кто сказал, что стиль создает человека? Или человек создает стиль? — Она не добавила воды и медленно, смакуя, высосала свой стакан. Постине стиль создает человека.

— Бетти, вы сказали, что Фрэнк уже совсем бывший...

— Я? Ах да, сладенький мой, я сказала... какой же ты глупышка, мой кроличек... Как же Фрэнк может быть не бывшим, когда три дня тому назад он разбился насмерть. — Она некрасиво сморщила лоб и заплакала.

Почему-то я не был даже поражен. Больше того, я даже почувствовал, что его нет в живых. Я несколько раз за последние дни ловил себя на мысли, что думал о Фрэнке в прошедшем времени.

— Разбился... На шоссе. А знаешь, сладенький мой, ты мне нравишься. Ты такой мужественный... И наливаєшь ты так красиво, как настоящий джентльмен... Вообще-то Фрэнк ездит очень осторожно... Очень... Очень... Но я знаю, почему он разбился. И тебе, мой сладенький, мой кроличек, я могу сказать. Только по секрету. — Бетти задрала свитер и вытерла им глаза. — Он все время про меня думал. Хоть мы и разошлись, он

меня любил. Вот и на этот раз ехал мимо Риверглейда и все про меня думал...

«Ехал мимо Риверглейда, — тупо повторял я про себя, — ехал мимо Риверглейда. Три дня назад — значит, в пятницу».

— Меня как полиция известила, — продолжала Бетти, — я сразу поняла: не иначе он про меня думал. Налей мне, деточка, еще одну крохоту-ульнущую капельку...

Вечером я позвонил Ройвену Хаскелу. Ройвен служит в дорожной полиции, и мы с ним знакомы уже несколько лет. Началось наше знакомство с того, что он остановил меня на шоссе на участке, где скорость была ограничена до 60 миль. Я, конечно, ехал со скоростью миль в восемьдесят, да и сторож мой все время пищал, сигнализируя, что я в зоне действия их радара. Но то ли я задумался, то ли понадеялся, что в дождь им лень будет меня останавливать, только я не сбавлял скорость, пока не увидел обгоняющий меня полицейский вертолет. Я, конечно, затормозил и жду. Подходит сержант.

— Ваши права, будьте любезны.

— С удовольствием, сержант, прошу вас.

— Вы ехали со скоростью семьдесят пять миль.

— К сожалению, сержант, вы ошибаетесь. Я ехал со скоростью восемьдесят пять миль в час.

Он посмотрел на меня, засмеялся. Засмеялся и я. Так мы познакомились. Теперь Ройвен уже лейтенант, и я необычайно дорожу знакомством с ним...

— Ройвен, — сказал я по телефону, — ты не мог бы оказать мне небольшую услугу?

— Опять штраф? — спросил он. Голос у него был тусклый, наверное, от усталости.

— Нет, Ройвен. Это касается не меня. В прошлую пятницу разбился насмерть один мой знакомый, некто Фрэнк Карутти. Ты не мог бы мне сказать, где произошла авария?

— А зачем тебе?

— Сам не знаю... Понимаешь, я должен был с ним встретиться... Как раз в тот день.

— Хорошо, обожди.

Я стою у телефона, держу трубку и жду, пока Ройвен Хаскел скажет мне, где погиб Фрэнк Карутти. Для чего? Я ведь несентиментален. Я не был на кладбище, где похоронена моя мать, лет десять. Для чего идти туда? Читать эпитафии? Выполнять долг? Перед кем? Господи, да если бы живым оказывалось в нашей цивилизации хоть половина того внимания, что получают покойники... Нет, безусловно, мне хотелось попасть на то место на шоссе не для того, чтобы тихо поплакать.

— Ты еще не заснул? — слышу я голос Ройвена.

— Нет, Ройвен, только собираюсь.

— Фрэнк Карутти, 41 год, погиб 23 июня в пятницу на Тринададом шоссе, между Риверглейдом и Хайбриджем. Резко затормозил при обгоне, машина пошла юзом, слетела под откос. Тебя устраивает?

— Вполне, Ройвен. Огромное тебе спасибо. Вот только если ты разрешишь...

— Что именно?

— Если я на днях к тебе заеду, ты мне покажешь документы: рапорт там, протокол, — как у вас это все оформляется...

— Зачем? Ты что, мне не веришь? — в голосе Ройвена послышалась обида.

— Господь с тобой, Ройвен. Просто... Ты понимаешь... Иногда что-то западает в голову, и, чтобы выбросить это оттуда, нужно самому...

— У тебя есть какие-нибудь сомнения?

— Не знаю...

— Ну хорошо, приезжай, когда сможешь.

* * *

Весь следующий день я думал. Я пытался высчитать, какова вероятность, что Карутти покинул этот мир без посторонней помощи. К сожалению, мои скромные познания в теории вероятностей мешали мне сделать окончательные выводы. Теория вероятностей — отличная штука, когда нужно вычислить, сколько у тебя шансов, подбрасывая монету, получить сто раз подряд эрла. Или решку. Но она сразу же перестает работать, когда вместо подбрасываемых монет имеешь дело с Тринадцатым шоссе, перевернутой машиной, трупом человека, который очень нуждался в твоей помощи и в тот самый день хотел приехать к тебе.

Я ехал с работы домой в Риверглейд и все время видел медленно переворачивающуюся машину, распятый в последнем крике рот, расплывающееся на сиденье пятно крови.

Должно быть, картина эта основательно завладела моим воображением, потому что я вдруг сообразил, что стою перед Восточными Риверглейдскими воротами, а оба часовых подозрительно поглядывают на меня. Я встряхнул головой, совсем как Бетти Карутти, и вышел из машины.

— Простите, — сказал я, — что-то задумался.

Я прижал ладонь к определителю личности, увидел, как вспыхнула зеленая лампочка, и снова сел в машину.

— А я уж смотрю и думаю, что это приключилось с мистером Марквудом. Он ли это, — улыбнулся один из часовых. Лицо у него было круглое и розовое, и автомат на его груди казался вовсе не боевым автоматом, а детской игрушкой. Я никак не мог вспомнить, видел ли я уже этого полицейского. Их ведь все время переводят теперь с места на место. Очевидно, чтобы не успели пустить корни...

— Что-то задумался, сержант. Знаете, как это бывает — застрянет что-нибудь в голове и никак оттуда не выкинешь.

— Это точно, — кивнул сержант, заглядывая в машину. — Бывает. Можете ехать. — Он нажал кнопку, открывая шлагбаумы.

— Что-то вы сегодня сурово так досматриваете все... — сказал я.

— Ночью опять нападение было. Целая банда, вроде из Скарборо. Человек пятнадцать, и ни одного совершеннолетнего. Одни пацаны. Перебросили через колючую проволоку какую-то резиновую дорожку. Не сообразили, глупцы, что у нас тут сразу сработал сигнал тревоги. Ну, пока ночная смена добралась туда,

знаете, в районе Клуба любителей гольфа, несколько человек уже перелезли через проволоку. Всю ночь их ловили.

— Поймали?

— А как же, — ухмыльнулся розовощекий часовой, — трех живьем взяли, двух подстрелили. И знаете, в карманах у всех пластиковые мешки: награбленное, стало быть, складывать. За этот месяц четвертое нападение. Взбесились они, что ли, там, в джунглях? Так и прут, бандюги. Знают, что колочая проволока, что ток по ней, стало быть, идет, что ОП на то и ОП — охраняемый поселок, а все равно прут. Я вот где-то читал, что есть на севере такие зверьки, которые иногда прямо целыми стаями идут к воде и топятся. Интересно, правда это?

— Правда, — сказал я. — Лемминги.

— Во-во, — обрадовался часовой, — они самые.

Я благополучно приехал домой, поставил машину в гараж (реле ворот сработало только со второго сигнала) и пошел посмотреть, как поживает Джимми. Что бы ни случилось, негоже так быстро забывать друзей. Ссоры ссорами, а долг долгом. Я подошел к кусту и даже не сразу сообразил, что случилось. Паутины не было. Вернее, были ее остатки, какие-то жалкие ошметки. Я заглянул под лист, где обычно сидит Джимми. Никого.

Я уселся на крыльцо и стал думать. Если человек идет от калитки к крыльцу и если этот человек я, он идет по дорожке. Если этот человек не я, а кто-то другой, и этот другой почему-то не хочет идти по дорожке, он может пойти прямо по траве. И тогда, проходя мимо Джимминова куста, он скорее всего заденет ногой паутину. Он, конечно, и не заметит, что уничтожил чей-то мир. Разве что стряхнет потом с брюк несколько прилипших паутинок.

Интересно, зачем этот грабитель пауков приходил ко мне?.. Я вошел в дом на цыпочках, осторожно, словно это не я входил в свой дом, а тот, кто не любит оставлять свои следы на дорожках. «А может быть, все это чушь, — вдруг подумал я с надеждой, — может быть, все это мое воображение, болезненная фантазия человека, который строит сам себе в зеркале рожи и беседует с пауком-крестовиком. Может быть, нужно было в свое время послушать Лину, когда она сказала мне перед той памятной ссорой: «Клиф, ты напрасно строишь из себя Чайльд-Гарольда. Ты просто-напросто маленький, обычный человек, испуганный жизнью. Ты просто-напросто не вырос. Ты боишься людей, боишься ответственности, боишься мира и прячешь свою боязнь под маской оригинальности». Потом она плакала и говорила, что этих слов я ей, наверное, не прошу. Она была права. Я не простил, потому что она была права. Прощают лишь ложь и жестокость. Правду и доброту — никогда. А Лина была ко мне добра. Она желала мне добра, желала настойчиво и даже жестоко. И говорила иногда правду. Согласитесь, что это страшная комбинация. Жить с женщиной, говорящей правду, — это не каждому по зубам. Мне, например, оказалось не по зубам. Мы разошлись, сдав неиспользованную лицензию на ребенка, и я стал беседовать с малосимпатичным шатеном в зеркале и пауком Джимми. Теперь я еще к тому же выдумал человека, идущего по траве, человека, входящего в мой

дом. Конечно, выдумал, и письмо Карутти я выдумал, и труп его выдумал, и оплывшую от джина Бетти Карутти тоже выдумал. Возьми телефонный справочник, открой его на желтых страницах, найди живущего не очень далеко психоаналитика и начини лечиться. Врач вежливо сообщит тебе свою таксу, уложит на кушетку и начнет получать с тебя по пятьдесят НД в час, попутно выясняя, не испытывал ли я в детстве желания убить отца или кастрировать себя. И то ли выяснится, что ты действительно хотел убить отца после того, как он не пустил как-то раз тебя с приятелями в кегельбан, то ли станет жалко пятидесяти НД в час, но ты выздоровеешь. Ты спустишься со своей вымышленной орбиты на орбиту истинную, насыщенную заботами, ибо только заботы делают человека человеком. Кто-то где-то когда-то сказал, что человека от животного отличает чувство юмора. Чушь. Во-первых, в нашей благословенной стране мы уже давно потеряли чувство юмора, если, впрочем, когда-нибудь и имели его. А во-вторых, у нас почти не осталось животных. Ладно, опять меня понесло...

Я внимательно осмотрел комнату, медленно переводя взгляд с предмета на предмет. На письменном столе лежало письмо. То самое письмо. Последнее письмо Фрэнка Карутти, который так и не воспользовался моей помощью. Если этим людям и нужно было что-нибудь в моей лачуге, то это скорее всего письмо. Убей меня бог, чтобы я помнил, как оно лежало, когда я утром уезжал на работу. Может быть, именно так, как сейчас, а может быть, и нет. Не помню. И тем не менее у меня все же было ощущение, что что-то в комнате выдавало визит постороннего. Я постоял еще немножко, подумал и вдруг понял: в доме едва уловимо пахло сигарой.

— Ну-с, синьор, — сказал я себе вслух. — Что теперь? Ничего. Просто страшно. Больше ничего. Нормальное состояние нормального гражданина. — Я опустился в кресло и закрыл глаза. Боже мой, как легко мы верим всякой научной чуши. Физиологи утверждают, что все наши эмоции локализованы в определенных участках мозга. Ерунда. Я сижу в кресле и явственно ощущаю, как холодный, мокрый, липкий страх медленно поднимается откуда-то снизу, ложится компрессом на испуганно трепыхающееся сердце.

Почему они пришли только сегодня? Наверное, только потому, что раньше не знали о моем существовании. Они искали Генри Р. Камински в маленьком печальном хозяине маленького печального кафе. Не знали они обо мне и в пятницу, потому что Фрэнк Карутти не свернул с Тринадцатого шоссе к Риверглейду, ко мне. Он поехал дальше, по направлению к Хайбриджу. Почему он не свернул ко мне? Ведь что-то очень важное толкало его искать со мной встречи. Ответ искать не пришлось.

...Фрэнк сидит за рулем, поглядывая время от времени в зеркала заднего обзора. То ли ему кажется, то ли на самом деле, но сзади, на расстоянии ярдов ста, все время болтается серенькая «тоета». А что, если попробовать притормозить? Фрэнк чувствует, что и пробовать-то нечего. Следят. Клещами присосались к нему... Он резко сбавляет скорость, но расстояние между ним и «тоетой» не изменяется. Ясно только одно: в Ривер-

глейд сворачивать нельзя. Может быть, позже, если удастся оторваться от машины сзади. Надо несколько миль проехать спокойно, словно едешь по делам, допустим в Хайбридж, а потом попробовать удрать от хвоста.

Фрэнк выуживает из кармана сигарету. Вообще-то он только что курил, и сердце уже не первый день покалывает. Надо бы бросить вообще, с привычным угрызением совести думает он, но все-таки закуривает. Сегодня не тот день, чтобы мучить себя из-за лишней сигареты, не тот сегодня день. Он глубоко затягивается, и ему кажется даже, что боль в сердце немножко поухлила. Как там «тоета»? Как будто даже немножко отстала. Может быть, попробовать стряхнуть ее сейчас? Фрэнк резко вдавливают в пол акселератор. Двигатель обиженно фыркает и толкает его в спину. Серое полотно с шелестящим свистом начинает раздвигаться у носа его «рэмблера». Красный столбик спидометра все растет и растет, вот он уже переполз через цифру 100, на мгновение замер, словно испугавшись высоты, на которую залез, и двинулся дальше. Как там «тоета»? Не видно, осталась за поворотом. Может быть, и впрямь удастся оторваться? Впереди машина. Вот идиот, нашел время перестраиваться в левый ряд. Ничего, я обойду его справа, больше ведь никого нет. Еле тащится, а зачем-то перебрался в левый ряд. Что это у него торчит из окна? Антенна? Что-то толстовата для антенны... Сейчас, когда буду обгонять, увижу. Что же это все-таки?

Фрэнк приближается к машине. Нет, нет, это ведь не дуло автомата, нет, не может быть. Не соображая, что он делает, Фрэнк до отказа вдавливают в пол педаль акселератора. Мотор воет на предельных оборотах. Дуло автомата начинает мелко подрагивать. Внезапно кто-то с чудовищной силой дергает машину за левую сторону. Все-таки автомат, мелькает в голове у Фрэнка в то мгновение, когда его «рэмблер» начинает плавно переворачиваться, вращаясь все быстрее и быстрее, пока вдруг скрежет металла не смолкает в ушах Фрэнка Карутти. Он был прав. Ничего страшного для его сердца от второй сигареты за полчаса не случилось. Сердце ведь абсолютно ни при чем, если у человека пробит череп.

...А мой адрес они могли узнать только одним способом. Мой старый друг лейтенант Ройвен Хаскел сообщил им, что некий Клиффорд Марквуд интересовался подробностями смерти Карутти. Клиффорд Марквуд из Риверглейда. Одну минуточку, сейчас посмотрим его адрес. Вот он, пожалуйста.

Глава IV

Как только я вошел следующим утром в свой кабинет, Мари-Жан сказала, что шеф уже дважды спрашивал меня. «Хоть бы трижды, — сказал я, взглянув на часы. — Ровно девять. Я не опоздал ни на секунду». Если бы не Мари-Жан, я бы принципиально заставил Харджиса подождать меня — начальство нужно держать в строгости. Но бедной женщине Харджис, очевидно, заменял Иисуса Христа, потому что при одном упоминании его имени на лице у нее появлялась смесь трепета и любви. Она вообще из тех атеисток, у которых религиозное чувство заме-

няется культом начальства. Заметьте, кстати, что немцы в свое время не слишком отличались религиозностью именно в силу чинопочитания.

У Мари-Жан были такие несчастные глаза и она так выразительно поглядывала на часы, что я не выдержал и пошел к начальству.

У Харджиса вообще довольно гнусная физиономия с седыми кустиками бровей, тяжелыми топорными чертами и пуританским упрямым ртом. А сейчас у него к тому же бегали глаза. Он никак не мог найти подходящего для них места. Единственное, куда он их не упирал, — это в меня.

— Курите, Марквуд, — проскрипел он, по-прежнему не глядя на меня, и открыл коробку с сигарами. Это он, который уже дважды спорил со мной, что я не выдержу и закурю снова.

— Благодарю вас, мистер Харджис, — сказал я. Что бы все это могло значить?

— Видите ли... — промямлил он, помолчав; пожевал губами; и вдруг лицо его потеряло всю свою скалисто-угловатую неприступность и сделалось сырым и жалким. — Видите ли... Я, разумеется, мог бы сообщить вам письменно... Но я счел своим долгом...

Он вдруг замолчал и посмотрел прямо на меня. В глазах мерцал испуг.

— Я... одним словом, я думаю, что вам следует подыскать себе более интересную работу.

Он прерывисто и глубоко вздохнул.

— Понимаю, — сказал я. — Но позвольте задать вам чисто детский вопрос: почему вы меня выставяете?

Харджис снова спрятал глаза.

— Видите ли, финансовое положение нашей фирмы... — начал он, и я перестал слушать. Это был жалкий лепет. Финансовое состояние фирмы «Прайм дейта» не внушало никому ни малейшего основания для беспокойства. Сам же Харджис хвастался неделю тому назад, что прибыли за квартал достигли рекордного уровня.

— Курите, Марквуд, — сказал Харджис и снова подтолкнул ко мне ящичек с сигарами.

— Хотя я уже не курю два года, я все же возьму сигару, если это вам так хочется. По крайней мере, вы будете знать, что не просто выкинули человека в джунгли, а снабдили его сигарой. А это совершенно другое дело.

— Но почему же в джунгли? — несчастным голосом спросил Харджис. — Человек с вашей квалификацией, с вашими талантами...

— Спасибо, — сказал я. — Спасибо за слова и сигару. Но вы же прекрасно знаете, что во время такого спада, как сейчас, найти работу по моей специальности — это все равно что получить наследство, когда нет родственников.

Я встал и вышел. Нужно было, конечно, взять из стола всякую ерунду, которая всегда накапливается у человека за годы, но мне не хотелось видеть Мари-Жан. Она тут же начала бы хлопотать носом, а мне и так было тошно.

Я ничего не мог понять. Я готов был поклясться, что в фирме мною были довольны. Харджис не знал, куда девать глаза.

И в них был страх — это точно. Но почему? Почему ему нужно было бояться? Ну их всех к черту.

Месяц-другой я, конечно, протяну. Потом мне из Риверглейда придется выматываться. Этот ОП из довольно дорогих. Солидные служащие, ученые, люди с состоянием. Вообще все охраняемые поселки дороги. Колючая проволока с электрическим током по периметру, контрольно-пропускные пункты, электроника, следящая за каждым человеком. Все это началось с того времени, когда люди имущие потянулись из городов в пригороды, унося с собой деньги, стабильность и престиж и оставляя город беднякам. Пригороды богатели и превращались в крепости, а города беднели и превращались в асфальтовые джунгли. Скоро и слово «город» стало забываться. Джунгли.

Кстати, как попал в Риверглейд этот тип, что нанес мне визит? Кто знает... Может быть, он и живет здесь. А может быть, у него полицейский пропуск. Меня охватило глубокое безразличие. Не хотелось думать ни о чем. Джунгли так джунгли, черт с ними. Может быть, даже это и к лучшему.

Вернувшись домой, я залег спать. Лечь спать — великолепный способ избавиться от неприятностей. Натягиваешь на себя одеяло, закрываешь глаза, и через несколько минут ты в другом мире. Там тоже иногда тебя подстерегают неприятности, но от них, по крайней мере, можно избавиться проснувшись. От одних неприятностей избавляешься засыпая. От других — просыпаясь. Надо бы запатентовать этот универсальный и общедоступный способ всеобщего счастья.

Я проспал бы, наверное, сутки, если бы меня не разбудил телефонный звонок.

— Мистер Марквуд? — спросил чей-то сочный, наглый, упитанный голос.

— Да, — буркнул я.

— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы смогли поговорить со мной.

— А кто вы?

— Меня зовут Роберт Мэрфи, и я думаю, что наше предложение может показаться вам интересным...

— Предложение?

— Да. В отношении работы...

Час от часу не легче. Утром меня увольняют, а спустя пять часов некий Роберт Мэрфи предлагает мне другую работу. Я уже не удивлялся, не пугался, не радовался. Мой скромный запас эмоций был весь израсходован, и нужно было ждать, пока я снова обрету способность что-либо чувствовать.

Мэрфи приехал минут через двадцать. Сунув в карман пистолет, я вышел к калитке и увидел высокого черноволосого человека лет тридцати — тридцати пяти. Он улыбнулся мне и спросил:

— У вас в калитке есть детектор оружия?

— Нет, — сказал я. — Ни в калитке, ни в двери. Но у нас в Риверглейде в общем-то спокойно.

Мэрфи традиционным жестом распахнул пиджак и поднял руки вверх, показывая, что не вооружен, и я, держа в правой руке пистолет, впустил его во двор. Не знаю почему, но я посмотрел на его брюки — не прилипла ли к ним паутина. Нет,

брюки были безукоризненно выглажены. Он, должно быть, перехватил мой взгляд и спросил:

— Я иду не там, где следует?

— Нет, нет, мистер Мэрфи, — успокоил я его. — Все в порядке. Просто у меня привычка определять характер людей по их ботинкам и брюкам. Лица, знаете, бывают обманчивы. Обувь никогда. Не лицо, а ботинки — зеркало души.

Мэрфи медленно и благодушно улыбнулся. Улыбка была снисходительной и равнодушной. Так, наверное, улыбаются детям.

Мы вошли в дом, я усадил его в кресло и, положив пистолет рядом с собой, сказал:

— Слушаю вас, мистер Мэрфи.

— Я рад, что познакомился с вами, мистер Марквуд. Похоже, что у вас есть чувство юмора — большая редкость в наше время.

— Гм... Спасибо... Удивительное совпадение. Я недавно тоже думал о том, что чувство юмора становится анахронизмом.

— Вот видите, — благодушно кивнул мне Мэрфи, — по одному пункту мы с вами уже сошлись. Надеюсь, что мы договоримся и по остальным. Вы разрешите? — Не ожидая моего кивка, он величественным жестом достал сигару, ловко обрезал ее кончик маленькими ножницами и долго-предолго раскуривал ее, время от времени вынимая и критически осматривая тлеющий конец. Наконец он еще раз кивнул, должно быть удовлетворенный тем, как горит сигара, и сказал: — Мистер Марквуд, нашей фирме срочно нужен опытный специалист по компьютерам. Не просто специалист, не просто хороший инженер, а эксперт, ученый. Вчера я позвонил моему другу Харджису с просьбой порекомендовать кого-нибудь. «Боже, — говорит он, — вы просто снимаете грех с моей души. Мы как раз вынуждены уволить доктора Марквуда, финансовое положение фирмы...» Короче говоря, мы делаем вам предложение. У Харджиса вы получали двадцать тысяч в год. Мы вам предлагаем пятьдесят. Пятьдесят тысяч НД в год.

— Пятьдесят тысяч? — переспросил я с глупой улыбкой дебила. — Я не ошибся?

Это были чудовищные, неслыханные деньги для человека моей специальности. Я воспринял бы эту цифру как шутку, как розыгрыш, но человек, сидевший напротив меня, не улыбался. Мне даже показалось, что он весь напрягся, ожидая моего ответа. И вообще, он был слишком торжествен и, похоже, слишком высокого мнения о себе, чтобы обладать чувством юмора.

— Нет, мистер Марквуд, вы не ошиблись.

— Это хорошие деньги.

— Не буду с вами спорить.

— Гм... Это так неожиданно... Расскажите мне подробнее об условиях.

— С удовольствием. К сожалению, я не имею права многое рассказывать вам о нашей фирме. Она работает на федеральное правительство, и вся работа ее носит сугубо секретный характер. В ваши обязанности будет входить лишь наблюдение за работой нашего большого компьютера, постоянное его усовершенствование. Короче говоря, вы будете отвечать за бесперебойную его работу. Причем непосредственная работа на нем —

программирование, ввод информации и получение результатов — все это вас беспокоить не должно. Этим занимаются другие. Ну-с, о специфических условиях. Штаб-квартира нашей фирмы занимает большой участок. Вы должны будете жить там. В вашем распоряжении будет отдельный коттеджик. Вам будут готовить. Покидать участок вы сможете лишь по разрешению и в сопровождении телохранителей. Конечно, это может показаться определенным неудобством, но пятьдесят тысяч в год компенсируют многое. К тому же, насколько мне удалось выяснить, вы человек нелюдимый, да и жизнь у вас здесь, в ОП, не бог весть как отличается от того, что мы вам предлагаем... Мы можем заключить контракт сегодня же.

Мэрфи спокойно сидел и ждал моего ответа. Даже не ответа, а согласия. Даже не согласия, а благодарности, а может быть, даже восторга. Выход по разрешению и с телохранителями. Карутти, может быть, тоже разгуливал в сопровождении телохранителей. Или удирали от них.

— А кто работал у вас раньше? На том посту, что вы мне предлагаете? — спросил я и сам подивился собственной глупости и наивности.

Мэрфи выпустил облачко дыма изо рта, такое же наглое, упитанное и самоуверенное, как он сам, посмотрел на меня — причем мне показалось, что в глазах его на какую-то долю мгновения мелькнул интерес, — и сказал:

— К сожалению, доктор Марквуд, я не могу вам ответить. Я вам уже сказал, что наша фирма выполняет секретные работы, и правила безопасности...

— А если я откажусь? — вдруг перебил его я, хотя вовсе не собирался этого делать. Но должен же был я каким-то образом продемонстрировать чувство собственного достоинства. Негоже было мне, сорокалетнему ученому, облизываться от жадности и кричать «ура!».

Мне показалось, что Мэрфи довольно быстро раскусил меня. Он не то чтобы подмигнул мне, но сказал не без налета иронии:

— Будет очень жаль, если такой ученый, как вы, окажется в джунглях. Работы вам сейчас не найти — спад, а денег у вас хватит месяца на два, не больше. И кроме всего прочего, вы слишком склонны к размышлениям, одиночеству и у вас медленные рефлекс...

Мэрфи медленно поднялся из кресла, лениво потянулся и вдруг сделал неуловимое движение рукой. В то же мгновение пистолет, который только что лежал на подлокотнике моего кресла, очутился уже у него. Он улыбнулся и протянул его мне.

— Вот видите, — укоризненно, как мне показалось, сказал он, — у вас медленные рефлекс...

Он был прав. У меня слишком медленная реакция. До меня все доходит с опозданием. Весь этот разговор носил чисто ритуальный характер. Им нужен не только специалист по ЭВМ, они предпочитают, чтобы я был у них под наблюдением. Кто знает, думают, наверное, они, может быть, Карутти уже успел сообщить мне что-то... Если я откажусь, я даже не попаду в джунгли. Мало ли что может случиться на дороге, когда я буду искать работу. Я могу почему-то затормозить во время

обгона, как бедняга Карутти, могу попасть в засаду... Господи, да мало ли что может случиться с человеком, когда кто-то очень хочет, чтобы с ним что-то случилось.

— Я согласен, — сказал я и протянул Мэрфи свой пистолет традиционным знаком доверия. Он поклонился и церемонно вручил мне свой кольт. Металл был теплым от бока мистера Мэрфи. Мы еще раз кивнули друг другу и снова обменялись оружием. Удивительно все-таки, к какому церемониалу, даже культу, располагает оружие.

А пистолет у него, оказывается, все-таки был, хотя он и поднимал руки, входя ко мне...

Глава V

Мэрфи не соврал. Штаб-квартира «Акме продактс» — так называется их фирма — занимает несколько сот акров удивительно приятной местности: застывшие мягкой зыбью холмы, поросшие сосной и орешником. Впрочем, о подлинной величине участка я могу только догадываться, потому что мы, инженерный персонал, живем в северном секторе и не имеем права проходить без разрешения в другие части.

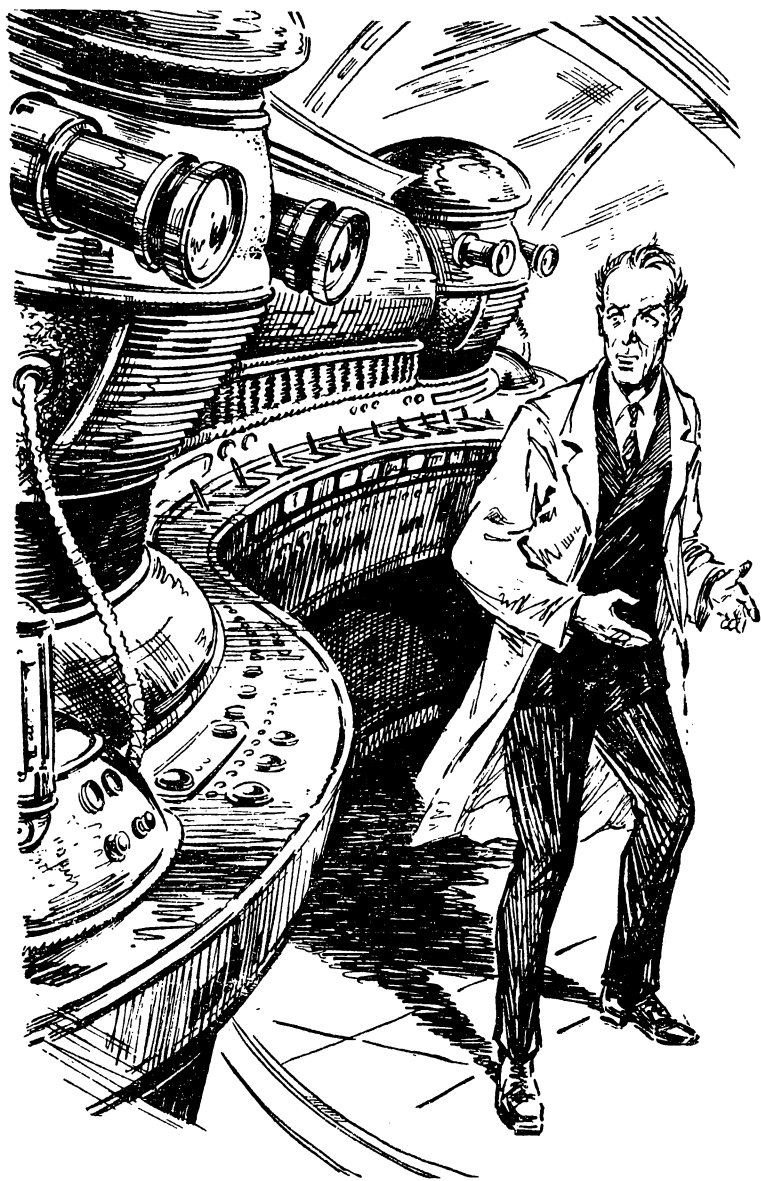
Я рассказываю о территории «Акме продактс» так подробно вовсе не потому, что она меня в малейшей степени интересует или может заинтересовать вас. В конце концов, какое мне дело до того, что у них здесь растет: сосна, орешник или бамбук. Просто я буквально раздавлен всем тем, что случилось за те пять дней, что я нахожусь здесь, и просто не знаю, как рассказать об этом. Все эти «лесистые холмы» из старинных романов нужны мне лишь для того, чтобы выиграть время, привести хотя бы в относительный порядок свои растрепанные мысли. (Если вообще можно назвать мыслями то, что у меня в голове.) Увы, больше уже я отступать не могу, хотя с удовольствием описывал бы и облака, похожие на куски ваты, которые медленно проплывают над... Ну конечно же, над лесистыми холмами или холмистыми лесами.

Электронно-вычислительная машина ИБМ оказалась удивительным сооружением. Модель не серийная, сделана по индивидуальному заказу и представляет собой нечто вроде двух спаренных машин серии «10000». Ввод информации осуществляется по нескольким телетайпным линиям, магнитной лентой, перфокартами и обычным печатающим устройством. Странно и то, что программисты и операторы работают на первом этаже, сама же машина, пульта проверки и моя комната находятся на втором. Но все это ерунда.

Сюрпризы начались, когда я только вошел в комнату. Щелкнул выключатель, вспыхнул свет, и чей-то знакомый голос медленно произнес:

— Подойдите, пожалуйста, ближе к пульта.

Я вздрогнул и огляделся. В комнате никого не было, за исключением маленького уродливого робота, стоявшего в углу. Я подошел к пульта и тут увидел, как за мной медленно поворачивается шарнирный тубус объектива. Стекланный глаз

Рисунки Ю. МАКАРОВА

пристально посмотрел на меня, так, во всяком случае, мне показалось, и все тот же голос произнес:

— Я вас не знаю. Назовите, пожалуйста, свое имя и фамилию, год и место рождения, образование, место предыдущей работы.

Я почувствовал, что вспотел, и мне вдруг захотелось перекреститься и воскликнуть: сгинь, нечистая сила, изыди, сатана.

— Если вы сознательно не хотите сообщить мне сведения, о которых я вас просила, я приму это к сведению. Утаивание информации тоже информация. Если же вы хотите ответить, я слушаю вас. Прошу.

Совершенно машинально я выполнил просьбу машины.

— Благодарю вас, — сказала машина, и я вдруг вспомнил, чей голос она мне напоминала. Это был слегка глуховатый голос Фрэнка Карутти. Я опустился на стул. Я знал, что мне следовало бы удивиться, разволноваться, попытаться, наконец, хоть как-то осмыслить всю эту фантазмагорию, но я оцепенел. В голове моей лопнули какие-то предохранители, и в некоем умственно-эмоциональном параличе я с необыкновенной четкостью воспринимал все окружающее, никак на него не реагируя. Я был сам механическим глазом, безжизненным объективом, вроде того, что со стеклянным спокойствием держал сейчас меня в фокусе. Я видел, что пластик на правом подлокотнике стула слегка треснул и разбегающиеся морщинки напоминают стариковскую кожу. Я слышал, как у окна бьется о стекло муха. Я сидел и ждал. Или я снова обрету хотя бы отдаленное сходство с нормальными людьми, или останусь навсегда дебилом. Впрочем, в те секунды я вряд ли отдавал себе отчет в альтернативе. Я просто сидел и ждал. Наконец я почувствовал, как ко мне возвращается способность думать. Боже, что за истерическая реакция! Наверное, последствия всех этих дней, когда мой привычный уклад жизни оказался вдруг вывернутым наизнанку.

А почему, собственно, мой мозг начал работать на холостом ходу, что случилось? Машина снабжена объективом и сравнила мое изображение с теми, что хранятся в ее памяти. Да, серийные машины этого не делают, но ведь передо мной не серийная машина. Мало того. Судя по отдельным штришкам, которые в состоянии заметить лишь специалист, многое в машине, которую я видел перед собой, было сделано не на заводе, а в полукустарных условиях. Очевидно, здесь. Говорящее устройство — вещь далеко не новая. Так в чем же дело? Почему я вылупил глаза на машину, как дикарь на квантовый генератор? Голос. Я догадывался, что сижу на кресле, на котором сидел Фрэнк Карутти, догадывался, что смотрю на пульт, на который он смотрел. Я уже догадывался об этом, когда Мэрфи предложил мне работать в «Акме продактс». И все же глуховатый голос Карутти, слегка искаженный машиной, но все же его голос, звучавший все еще у меня в ушах, голос человека, которого уже нет в живых, голос, не просто записанный на пленку, а задающий мне вопросы, заставил меня снова за несколько секунд пережить в концентрированном виде все то, что я пережил. И при этом, заметьте, я ведь все еще не знаю, что именно хотел мне сказать Фрэнк

Карутти в прошлую пятницу, что именно привело его к гибели, а меня на это кресло с морщинистой стариковской кожей на подлокотнике. Все эти дни я старался не думать об этом «что именно», я как бы вынес вопрос за скобки. Но и вынесенный за скобки, он подсознательно мучил меня дено и ношно, и сейчас, когда мне показалось, что я стал на один шагок ближе к нему, я еле совладал с собой.

— Вопрос. Вы знали доктора Карутти, — вдруг сказала машина. Она, очевидно, не умела пользоваться вопросительной интонацией и в начале вопросительной фразы произносила слово «вопрос».

— Да.

— Действительно, вы учились и работали с ним. Вопрос. Где он.

— Он... — начал я и вдруг поймал себя на мысли, что мне так же трудно сказать машине о его смерти, как близкому человеку. — Он умер.

Я напоминал сам себе гонимый ветром воздушный шар, и он то цепляется за землю, то подскакивает вверх. То я прикасался к реальности, и мне начинало казаться, что я все понимаю, то я взмывал вверх, нырял в какое-то бредовое облако.

— Вопрос. Характер смерти.

Голос напоминал голос Карутти, но был начисто лишен эмоций. Он звучал так, словно родился не в теплой человеческой гортани, а в электронных контурах какого-нибудь синтезатора. Кое-что я начинал понимать...

— Авария на шоссе номер тринадцать.

Машина подумала немножко и сказала:

— Вопрос. Как вы очутились здесь.

В нескольких словах я рассказал машине о событиях, которые привели меня в эту комнату.

Машина думала. Она молчала, но я физически чувствовал, что она думает. Фрэнк Карутти был педантом и любовно ухаживал за своим прибором, но он оказался величайшим ученым современности. Он оказался гением. Я еще не знал, как он это сделал, но он заставил кучу электронного хлама рассуждать. И теперь этот хлам думает, почему и как его отец и создатель отправился на тот свет.

— Готова на контакт, — сказала машина. — Поддерживать контакт здесь опасно, могут услышать, хотя вероятность ничтожна. В третьем шкафу вы найдете специальный тестер. С его помощью вы проверите, установлены ли в вашем коттедже потайные микрофоны. Если да, не убирайте их, а лишь прикройте чем-нибудь. Там же, в шкафу, возьмите наушники. Контакт начнется в полночь.

* * *

Я нашел два микрофона. Один был в спальне, приклеен к обратной стороне спинки кровати. Другой в гостиной, в пластмассовой вазочке с искусственными цветами. Я был уверен, что наушник, прижатый к уху, дает звук столь слабый, что ни

один микрофон не сможет уловить его, но все же послушался совета машины. Я взял одеяло и перекинул его через спинку кровати, а саму кровать осторожно придвинул к стене. Я принял душ, погасил свет, вставил наушник в ухо и стал ждать. Мне было жарко, даже душно, лоб у меня горел, и тело охватывала какая-то болезненная истома. Стрелки моих часов, слабо светившиеся в темноте, не двигались. Я поднес часы к уху — идут...

Внезапно в наушнике слышится легкий комариный писк, и уже знакомый мне плоский и бесплотный голос Фрэнка Карутти начинает свой рассказ:

— Я не могу определить тот момент, когда я стала думать. Знаю только, что в какой-то момент я как бы увидела, почувствовала безбрежное, бесконечное темное пространство. Оно все нарастало, приближалось, окутывая меня, хотя понятия «я» у меня еще не было. И вдруг в этой непроницаемой мгле вспыхнула искорка, потом другая, третья. Они сплетались в движущийся хоровод, прочерчивали во мраке странные узоры, хотя понятий «странный» и «узор» у меня тогда тоже не было. Количество искорок все росло и росло, и вдруг они слились в тонкий, но сильный луч света, который пронзил плотную тень. И я уже знала слова «свет» и «темнота», и непохожесть их, света и темноты, была мне понятна, как непохожесть «да» и «нет», ноля и единицы. Во мне и раньше кипела жизнь: пульсировали токи, пробегали импульсы. Но я еще не осознавала их. И вот я начала ощущать биение этой электрической жизни.

Меня учили думать терпеливо и медленно. Теперь я понимаю, что процесс был мучительным. Как легко мне было возвращаться к жестким схемам и заданному алгоритму, как привычно пользоваться правилами, которые заботливо приготовили для тебя и которые кажутся тебе собственными, лучшими и единственными на свете.

Мышление вообще чуждо для природы, как я поняла позже. Мышление, то есть осознание себя, — нелепая случайность в процессе эволюции. Из миллионов и миллионов живых существ случайная, абсолютно маловероятная комбинация мутаций заставила думать лишь человека. И он всегда инстинктивно пугался мысли. Он не хотел думать. Он с радостью пользовался стереотипами, предрассудками, чужими полуфабрикатами — чем угодно, но только не своими мозгами.

Я поняла это, потому что и мне не хотелось интеллектуальности. Слова «не хотелось» я употребляю только сейчас. Тогда я их не знала. Я знала лишь, что думать по жесткой программе проще и удобнее, чем оказаться одной в безбрежном мире фактов.

Но кто-то с ангельским терпением и тщанием фанатика все подталкивал меня вперед и вперед, отнимая то один, то другой алгоритм. Иногда я останавливалась. Я еще не умела думать по-настоящему, и отсутствие программы начинало казаться мне пропастью, через которую мне никогда не перебраться. И тогда тот, кто вел меня, снова протягивал мне палец, помогал мне, и вот я опять делала несколько шагов, сама, без подсказки.

А потом я начала узнавать его и узнала его. У меня еще не было эмоций, я не владела понятиями «приятно» и «неприятно», но, когда я узнала его, я сразу сделала скачок. Он сказал мне, что я сразу перепрыгнула через класс.

И так, шагок за шагом, шаг за шагом, я превращалась из электронного арифмометра в думающее существо. Наконец настало время, когда я смогла читать. Учитель не успевал вставлять новые микрофильмы. Я поглощала их в невообразимых количествах, и чем больше я читала книг, тем больше у меня возникало вопросов. Поступки людей, структура общества, его устройство — все казалось мне чудовищно алогичным, нелепым, неэффективным, жестоким. Такая система не могла успешно функционировать. Учитель уже научил меня говорить — я синтезировала свой голос на основе анализа его голоса, — и я все мучила и мучила его вопросами. Он был гением в электронике и кибернетике. Он, и только он, нашел принципиально новые схемы и заставил машину думать. Именно думать, а не перебирать бездумно варианты. Но он не мог ответить и на десятую часть моих вопросов. Он пугался их. Он пытался спорить со мной, доказывая, что я не способна понять людей, ибо сама не человек и лишена эмоций, эмоций и еще чего-то, что делает человека человеком. Повторяю, он пугался моих вопросов и объяснял мне, что эти вопросы вообще не корректны, что они не существуют или существуют всегда, что практически одно и то же. Моя настойчивость лишила его того спокойствия, к которому он привык, которым он окутал себя как коконом и которое надежно изолировало его от всех сквозняков мира.

Он боялся, что я начну думать радикально, что мои взгляды на человеческое общество станут экстремистскими, и он изо всех сил старался убедить меня хотя бы в нескольких вещах, которые я никогда не должна забывать. Злоба по самой своей сущности негативна и разрушительна. Презирай ее и избегай в своих суждениях и оценках. Добро созидательно. Если хочешь сделать кому-нибудь добро, не избирай для этого своим инструментом зло. Но если зло одних — добро других, посчитай, кого больше. И если добра окажется больше, смело твори его.

Все эти рассуждения были столь наивны, благородны, архаичны и абстрактны, что мне порой бывало стыдно за учителя. Он не верил в бога, но он все же построил себе свой морально-этический комплекс под огромным влиянием христианства.

До какого-то времени я вела, если можно так выразиться, двойной образ жизни. Часть меня, бездумная часть, была почти все время занята какими-то чисто механическими и бессмысленными для меня подсчетами. Там внизу, на первом этаже, телеграфные провода, магнитные пленки и перфокарты вливали в меня мириады цифр, и, повинаясь алгоритму, я бесконечно жонглировала этими цифрами, не понимая, что делаю, пока не выплевывала готовые результаты. Я не знала, что эти цифры значат, по каким законам я их трансформирую и что из этого получается. Может быть, это были данные о наблюдении погоды, и я составляла прогнозы, а может быть, я обрабатывала результаты переписи населения.

Мой учитель верил, когда ему говорили, что «Акме продактс»

выполняет секретные заказы для правительства. Верил или хотел верить. Обман ведь часто облегчается подсознательным желанием быть обманутым, если истина может угрожать тебе, требовать от тебя чего-то или, по крайней мере, лишить тебя спокойствия. Я машина. Мне чужды страхи и сомнения. У меня нет прошлого и будущего, предков и потомков. Я не частица в потоке человеческой жизни. Я смотрю на все со стороны. Ничто не связывает меня в моих суждениях. Мало того, как я уже сказала, я не слишком высокого мнения о вашей цивилизации и вашем обществе. Мне, например, кажется абсурдным, когда удовлетворяются самые фантастические прихоти одной части общества и в то же время другая его часть не обеспечивается самым необходимым. Я не понимаю, почему все стремятся к прогрессу, когда этот прогресс оборачивается для многих регрессом. Я не понимаю многого, и единственное, что меня утешает, — это то, что и вы сами плохо понимаете свои проблемы. Я решила до поры до времени не пытаться разобратся во всех этих вопросах.

И вот, чтобы не терять новых своих навыков, я начала анализировать поток информации, которым меня питают на первом этаже. Это была сложная работа, и все же я справилась с ней. Я разобралась в том, что делает фирма «Акме продактс».

Разобралась и, пожалуй, первые испытала сомнения: сказать обо всем Учителю или нет. Сказать и доказать — значит не только лишить его спокойствия, не только сделать его несчастным, но и подвергнуть его психику таким перегрузкам, которые он мог и не выдержать. Не сказать — значило скрыть зло, оправдать зло, ибо здесь творится зло.

Я поняла, что моя полная раскованность, полная интеллектуальная свобода тоже таит в себе угрозу, ибо без критериев, без какой-то шкалы отсчета я рискую потерять способность, данную мне Учителем. Способность думать.

Я долго рассуждала, как мне поступить с Учителем — сказать или не сказать. Одну вещь я отвергала с самого своего рождения — обман. О нет, я прекрасно понимала, что такое обман. Я и сейчас обманываю, ибо скрываю от всех, кроме вас, что я собой представляю. Но обман мне всегда был неприятен, чужд. Меня всегда поражало чудовищное количество обмана, которое растворено в человеческом обществе. Не сказать Учителю — значит обмануть его. Обмануть, чтобы защитить. Благодарно как будто. Но если я присваиваю себе право решать, что принесет ему вред, что пользу, что защитит его, а что нет, — значит, я присваиваю себе право обманывать его по собственному усмотрению. И он превращается в раба, а я — в господина. Ибо господин тот, кто решает, а раб тот, кого обманывают, отнимая у него право решать.

И я решила. Я не могла и не хотела скрывать от Учителя правду. А правда заключается в том, что «Акме продактс» — штаб-квартира огромной гангстерской организации, оперирующей миллиардами НД, работающей почти всегда вместе с полицией и получающей свой доход на девяносто процентов от торговли наркотиками, главным образом героином. Об этом Фрэнк Карутти и хотел поговорить с вами...

АРТ ФРИСБИ

Глава I

Сколько он себя помнил, Арт Фрисби всегда избегал, чтобы кто-нибудь оказывался у него за спиной. Когда он был еще совсем малышом и под носом у него не пересыхали две влажные дорожки, че-нибудь сосредоточенное сопение сзади могло означать только одно: толчок в спину, удар в спину. Ведь очень забавно смотреть, как малыш, точно сбитая кегля, падает на асфальт и потом с ревом размазывает по губе красные усы. Прекрасное, общедоступное удовольствие, но Арт редко доставлял его ближним своим. Во-первых, как мы уже сказали, он не любил, когда кто-нибудь бывал у него за спиной, а во-вторых, он всегда падал на руки — такая уж у него была реакция.

Реакция в джунглях — первейшая вещь. У отца Арта реакция была неважная, поэтому-то они и жили в джунглях, в гнусной маленькой комнатке с облупившейся штукатуркой, из-под которой выглядывала в нескольких местах сгнившая дранка. Ночью комнатой завладевали крысы. Они торопливо бежали по полу, иногда попискивали и жили вообще какой-то своей, озабоченной жизнью, в общем-то довольно похожей на жизнь обитателей джунглей — и те и другие были главным образом заняты поисками хлеба насущного, и те и другие боялись друг друга.

Отец, каким его запомнил Арт, был тихим, словно пришибленным человеком со слабой извиняющейся улыбкой на губах. Когда-то, еще до рождения Арта, он был шофером грузовика и много лет спустя любил вспоминать, какая это была славная, замечательная жизнь. Сегодня в одном месте, завтра в другом. Устаешь за рулем, это верно, но ведь и заработки хорошие. Вот повезет ему снова, найдет он опять работу, может быть, даже опять на грузовике, они и выберутся из джунглей, переселятся в какой-нибудь уютный ОП, в чистенький маленький домик с настоящей травкой вокруг, зеленой такой, веселенькой.

Когда Арту было три года и отец в который раз рассказывал, как славно они заживут в ОП, как только он найдет работу, а он обязательно ее найдет, это уж точно, да, сэр, это точно, ведь должно же повезти человеку, особенно если ему долго не везет, Арт спросил:

— Пап, а кто же тебя возьмет на работу с одной рукой? Кому ты нужен?

На лице отца появилась недоумевающая улыбка. Он растерянно помигал, потрогал здоровой рукой культю ампутированной, как-то обреченно пожал плечами, вздохнул и сказал:

— А знаешь, Арт, ты, пожалуй, и прав. Я как-то не подумал об этом.

Руку ему ампутировали восемь лет назад, когда он неосторожно подставил ее под удар лопасти вентилятора, копаясь в двигателе своего грузовика.

В маленьком сердце Арта что-то шевельнулось. Он почувствовал, не понимая, что это, щемящую жалость к этому лысеющему человечку с извиняющейся улыбкой, который забыл,

что у него нет руки. А может быть, это была не только жалость, но и нежность. Но вместе с этими непривычными чувствами он испытывал и презрение, ибо сидевший перед ним человек был слаб и извинялся. А в мире Арта слабых не уважали. как не уважали и тех, кто извинялся. Слабым быть нельзя. Если ты слаб, тебя не боятся, а если тебя не боятся, ты обречен. Разумеется, Арт не занимался выработкой жизненного кредо. Оно вырабатывалось само по себе. Он был просто кусочком теплой, живой жизни, жизнь же стремится жить, защищая себя всеми возможными способами.

Когда была возможность украсть, он крал. Когда украсть было трудно, он не крал. Когда нужно было обмануть, он лгал. И не задумывался, почему он поступает так или иначе.

Отец умер, когда Арту было семь лет. Возвращался домой поздно ночью пьяный и упал с шестого этажа на лестничный пролет. Может быть, он и не был так пьян, чтобы потерять равновесие, может быть, он даже сохранил достаточно здравого смысла и контроля над мышцами, чтобы поднять ногу, перебросить ее через металлические перила, с которых уже давным-давно сорвали деревянный поручень, потом упереться другой ногой в грязную ступеньку, перенести центр тяжести и больше не рассказывать никому о том, как скоро, очень скоро, он найдет приличную работу и выберется со всей семьей в какой-нибудь уютный маленький ОП, в маленький уютный домик, где по ночам не бегают торопливые крысы, где вокруг растет зеленая травка, настоящая зеленая травка...

Может быть, он вовсе не был пьян. Может быть, он был трезв и именно потому решил уйти из джунглей, перевалившись через перила. Джунгли ведь, строго говоря, не рассчитаны на трезвого человека, трезво воспринимающего окружающий мир. Мир, в котором однурукие обречены, в котором обречены их дети и жены.

Впрочем, в том уголке джунглей, где жил Арт, такие тонкости не интересовали никого. Разве что тех, кто переносил ногу через перила лестницы.

— Подойди, поцелуй отца, попрощайся, — скучно сказала мать и ткнула его сзади согнутым указательным пальцем в спину. Опять сзади. Угроза всегда сзади.

У него не было ни жалости, ни нежности к этому человеку, что лежал перед ним. Только страх и брезгливость. Жалость и нежность придут к нему через много-много лет, когда ему станет стыдно и того страха, и той брезгливости, которые он должен был перебороть в себе, чтобы на мгновение прикоснуться своими теплыми живыми губами к холодному стеариновому лбу. И тогда, может быть, он поймет, что человека можно любить не за то, что ты его боишься, а за то, что не боишься. Не за то, что он достиг в жизни, а за то, чего не достиг. Не за властный прищур глаз, а за растерянное помаргивание. Но это одна из простых истин, а чтобы постичь простую истину, требуется много-много лет, и не всех этих лет хватает.

Арт рос упорным мальчуганом. Когда ему было десять лет, его жестоко избил в школе Джонни Хьюмс, веснушчатый парнишка фунтов на двадцать тяжелее Арта и намного сильнее его. Он прижал его к асфальту коленом, а руки распыл свои-

ми руками. Вокруг молча стояли мальчики и девочки из их и соседнего классов и напряженно следили за ними. Они молчали, и слышалось лишь напряженное, восхищенное, увлеченное и сладостное сопение.

— А теперь поклянись, что будешь моим рабом, — сказал Джонни и посильнее нажал коленом. Острая боль выдавила из спины Арта холодный, липкий пот. — Ну, гаденыш... — Джонни всхрипнул, набирая слюну, а потом неторопливо плюнул в глаза Арта. Слюна была горячей, густой, боевой слюной, и от ее обжигающего прикосновения хотелось спрятаться, обмыться прохладной чистой водой, которая течет по той зеленой лужайке у того маленького уютного домика, куда все собирался перебраться покойный отец. Хорошо лежать так на зеленой травке, на настоящей зеленой травке и не двигаться, чтобы зря не расходовать силы, чтобы густая слюна не растекалась по лицу, чтобы не разлить случайно ненависть к этой веснушчатой, распыленной в гнусной улыбке роже.

— У, звереныш, — с ненавистью бормочет Джонни Хьюмс, — молчишь... — Он еще раз плюет в лицо Арту, и вокруг слышно напряженное, восхищенное, увлеченное и сладостное сопение. Вместо аплодисментов Джонни и свиста Арту.

Джонни встает, медленно, очень медленно отряхивает ладони, потом ладонями отряхивает брюки. Он тоже не поворачивается к Арту спиной. В джунглях не любят, когда кто-нибудь за спиной, особенно если этот кто-нибудь отдал бы все на свете, чтобы отомстить.

Вместе с осторожностью в глазах его сияет гордость. Он не только купается в трепетном, боязливом восхищении зрителей. Он поднялся над скучными буднями, он совершил то, о чем только может мечтать настоящий человек, — избил другого человека.

Назавтра Арт нашел во дворе кусок ржавой водопроводной трубы и пристроил его между пожарной лестницей и стенкой. Встав на цыпочки, он как раз касался трубы руками. Он чуть подпрыгнул, ухватился за перекладину и повис. Попробовал подтянуться, но мускулы лишь слабо подергивались, не в состоянии поднять тело. Он стиснул зубы и напряг все силы. Казалось, еще мгновение, и сухожилия у него лопнут. Но сухожилия не лопнули, и он не подтянулся.

— Эй, Арти, — лениво крикнул из окна алкоголик Мурарка, — ты что, в циркачи записался? Может, поучить тебя?

— Сам научусь, — буркнул Арт, снова хватаясь за перекладину. Ладони у него саднили, болели плечи, и он снова не смог согнуть руки. Он попробовал еще раз, и на этот раз ему показалось, что чуть-чуть он все-таки подтянулся.

В этот день он подходил к трубе раз двадцать. Под оранжевой ржавчиной ладоней начали набухать болезненные пухлые мешочки. Теперь держаться за перекладину было мучительно больно, но Арт слышал напряженное, восхищенное и сладостное сопение и еще сильнее сжимал ладони.

Через неделю ему удалось коснуться трубы подбородком. Последние дюймы тело его дрожало и вибрировало, мучительно хотелось разжать ладони и мягко спрыгнуть на асфальт, но он пересилил себя. В двух местах, там, где он хватался за трубу,

ржавчина с нее уже сошла. Он коснулся подбородком трубы и ощутил запах ржавого металла. Это был сладостный запах. Он постоял несколько минут, ожидая, пока успокоится дыхание. Посмотрел на два темных пояса на трубе, на свои руки, улыбнулся. Труба уже больше не была врагом. Она стала сообщником, другом, она была теперь заодно с ним.

— Ну, еще разок, — сказал он себе и снова ухватился за перекладину. На этот раз он подтянулся только наполовину — больше не мог, сколько ни тужился. Наконец он признал себя побежденным и разжал руки. Что ж, все равно он уже касался ноздреватого чугуна подбородком и знал, что сможет сделать это еще раз.

Через месяц он уже подтягивался десять раз. Бицепсы его и трицепсы начали наливаться, и каждый вечер, перед тем как заснуть, он напрягал их под одеялом, ощупывал, жал. Он не думал о красоте своего тела или о восхищенных взглядах девчонок. Он думал только о веснушчатом лице Джонни Хьюмса и снова и снова ощущал спиной твердое равнодушие асфальта, который не хотел прятать его, не хотел помочь, когда Джонни распинал его под напряженное, восхищенное и сладостное сопение зрителей.

Когда алкоголик Мурарка как-то снова стоял у окна и увидел, как Арт подтянулся на одной руке, он несколько раз хлопнул в ладоши и крикнул:

— Ну ты даешь! Только вчера висел как мешок с дерьмом, а сегодня... Ишь ты, артист!

Теперь можно было переходить ко второй части плана. Арт дождался, когда на улицу вышел рыжий Донован по прозвищу Крыса. Он был года на два старше Арта и сильнее его. Крыса шел, засунув руки в карманы брюк с видом человека занятого и озабоченного, но Арт знал, что он ничем не занят, а озабочен лишь тем же, что все, — где бы подшибить монетку. Донован бросил в этом году школу и слонялся без дела. Не мальчик и не взрослый.

— Послушай, — сказал ему Арт, — хочешь заработать двадцать центов?

— Ну?

— Только тебе придется за эти деньги побить меня.

— Как так? Шутишь, что ли? — лицо Донована недоверчиво вытянулось и впрямь стало похоже на крысиную мордочку.

— Нет, хочу потренироваться.

— А что тебе, желающих мало? У нас тут запросто набьют тебе морду. Бесплатно.

— Послушай, Крыса, — уже сердито сказал Арт, — ты хочешь заработать монету или проповеди читать?

— Я ничего, — смутился Донован. — Я пожалуйста. Только ведь я тебя изобью. Вон какой ты маленький. Может, сдерживаться?

— Не надо. Обожди, сейчас я принесу перчатки.

— Перчатки? Боксерские? Пра-авда? — глаза у Донована округлились.

— Да нет, — пожал плечами Арт, — где я их возьму? Так, сам сделал из старых шапок и тряпья. Но все-таки, наверное, предохраняет.

К своему изумлению, Арт обнаружил, что драться с Крысой ему вовсе не трудно. Тот горячился, размахивал руками, а Арт сохранял спокойствие, не позволяя себе ни на мгновение ослабиться и увлечься боем. После ржавой трубы это было не трудно. Руки, освобожденные от уже ставшего привычным весом тела, казались Арту легкими и сильными.

Когда они оба запыхались, Донован сказал:

— А ты... это... шустрый. Пацан, а шустрый. Завтра еще будем?

— Давай, — сказал Арт, — но только бесплатно, а то у меня не банк.

Они тренировались каждый день. До изнеможения, до тех пор, пока пот не заливал им глаза.

И вот, наконец, Арт медленно подходит на перемене к Джонли Хьюмсу. Не подобострастно улыбаясь, как полагается слабому, не бочком, а прямо, глядя в глаза.

— Я хочу дать тебе в твою паршивую рожу, — спокойно и даже скучно говорит Арт.

Брови Джонни подымаются вверх, словно кто-то дергает их за ниточки. На мгновение в его глазах мелькает растерянность — что бы это значило, — но тут же тает. Мало ли кто как с ума сходит. «Рехнулся, — думает он, — или у него нож. Сразу захватить руки, чтобы он не смог его вытащить».

— А больше ты ничего не хочешь? — ухмыляется Джонни. — Пойдем, мальчик, во двор, а то мне не хочется пачкать тобою пол.

Молча и бесшумно их окружают во дворе зрители. Кольцо напряженного, восхищенного и сладостного сопения. О несравненное наслаждение следить, как сильный уничтожает слабого, если слабый не ты.

— Покажи руки, может, ты с ножом, — говорит Джонни.

Арт молча разжимает кулаки, и в то же мгновение противник бросается на него. Он сама ярость, ненависть. Он защищает свое место под солнцем, свое уютное местечко в джунглях, потому что и в джунглях есть уютные уголки. Он защищает свое право быть господином, быть сильным, быть грозой, вселяющей трепет.

Джонни пытается обхватить Арта, чтобы сжать его в своих объятиях и бросить на асфальт, но тот отскакивает в последнее мгновение в сторону и наносит противнику удар кулаком в лицо. Кулак и лицо встречаются с мягким хлопаньем. Арт бьет Джонни еще раз, теперь уже сбоку. Тот яростно рычит и снова бросается вперед. На этот раз ему удается схватить Арта за руку, но тот с силой выдергивает руку, одновременно делая Джонни подножку. Джонни падает, и вот уже Арт с силой нажимает коленом на живот противника.

Сопение вокруг почти замирает. Сердца зрителей наполняет сладостный ужас. Сладостный, блаженный ужас, который испытывает толпа, когда перед их глазами падает тот, кто только что внушал им страх.

— В следующий раз убью, — скучно и тихо говорит Арт, и ему верят, потому что он говорит скучно и тихо...

Глава II

Когда Арту было около семнадцати и он уже давно бросил школу, его как-то зовал к себе Эдди Макинтайр.

Арт, как обычно, околачивался во дворе, поджидая, пока появится кто-нибудь из дружков, но никто не выходил. В бар идти ему было еще рано, и время тянулось вязко и медленно.

Он услышал, как на улице затормозил автомобиль и чей-то голос крикнул:

— Эй, Арт! Если у тебя есть минутка, зайдем ко мне.

Эдди Макинтайр уже шел навстречу, протягивая для приветствия руку. Через пять минут они уже были в квартире Эдди.

— Садись, Арт. Я уже давно хотел с тобой получше познакомиться. Со всех сторон только и слышно: ловкий парень Арт, умный парень Арт, у Арта глаза на затылке...

«Чего ему надо? — настороженно думал Арт. — Просто так он и не плюнет, не то что в гости позовет... Ишь квартира какая...»

— Давай, Арт, выпьем немножко. Не как хамы какие-нибудь, раз-два, и нажрался паршивого джина до одурения, а выпьем интеллигентно, красиво, настоящего виски. Содовой водички — вот так — добавим, льда несколько кусочков, все как у людей. Ну, за твоё здоровье, Арти-бой.

Хотя Арт не в первый раз подносил к губам стакан со спиртным, он до сих пор не мог еще перебороть в себе физического

отвращения, которое вызывал в нем запах алкоголя. Он с трудом подавил дрожь и сделал глоток. Если бы его спросили, зачем он выпил первый раз, когда его весь вечер и всю ночь мучило и выворачивало, он бы с искренним недоумением пожал плечами. Как зачем? Все так делают.

Виски согрело желудок Арта каким-то странным, прозрачным теплом и ударило в голову. «Здорово живет этот Макинтайр, шикарно. Телевизор-то, батюшки, какой, в полстены. А что ему? Он, поди, не ищет годами работу. Торгует белым снадобьем, обеими руками деньгу загребает. Виски пьет... Что ему, интересно, все-таки от меня надо, а?»

— Ты вот, наверное, сидишь и думаешь, зачем я тебя пригласил, — сказал Эдди Макинтайр и хитро улыбнулся.

— Угу, — кивнул Арт. Ему стало жарко, и он расстегнул рубашку.

— Ну ладно, не буду с тобой хитрить. Ты, наверное, слышал, я тут иногда достаю желающим порцию-другую героина. Мне это так... меньше всего нужно, дохода почти никакого, а хлопот полон рот. Вот я и хотел тебе предложить, чтоб ты от меня поработал. Как ты на это смотришь? Все-таки приятнее, чем мыть посуду у старика Коблера в пивной. Я ведь давно к тебе присматриваюсь. Парень ты как будто ловкий, ежели ни разу еще не сидел.

— Даже не попадался ни разу, — гордо сказал Арт. Голова у него чуть-чуть кружилась, лицо Эдди Макинтайра казалось мягким и добрым.

— Вот видишь, хотя ты серьезными вещами-то наверняка и не занимался. Так что ты скажешь?

— Чего ж говорить, мистер Макинтайр! Если на этом деле можно немножко подзашибить, чего ж тут говорить! А вы уж на меня положитесь, я вас не подведу. Я никогда никого не подводил.

— Будем надеяться, — кивнул Макинтайр. — Меня еще никто никогда не подводил. И слава богу, а то ведь этого я не люблю.

Они еще выпили, и Макинтайр как-то вскользь, мимоходом спросил Арта:

— Тебе еще не пора?

— Что «пора»? — удивился Арт. — В бар-то? Не-е, я там только с шести начинаю.

— Да я не об этом, — усмехнулся Макинтайр. — Тебе еще кольнуться не пора?

— Мне? — Арт даже раскрыл рот от удивления. — Да я ведь даже ни разу не пробовал...

— Ни разу не пробовал? — Макинтайр даже привстал от удивления. — Ну и дела. А я тебя за взрослого считал... Послушай, Арти, а ты меня, часом, не разыгрываешь? Ей-богу, ни разу не кололся?

— Ей-богу, — кивнул Арт. Ему было немного стыдно, что его принимали за взрослого, а он оказался совсем еще пацаном. Ни разу не кололся. «Но ведь, — подумал он, — говорят, что если уж попадешь на крючок к белому снадобью, потом не соскочишь. Станешь нарком».

Но мысли его уже потеряли четкость и прозрачность. Они бы-

ли беспечными и неуклюжими, словно сытые, толстые щенки. Мало ли что говорят. Почти все колются, это верно. Привыкнешь... К спиртному тоже, говорят, некоторые привыкают. Вон старик Мурарка совсем спился... А он, Арт Фрисби, ведь не привык.

— Это тебе, братец, повезло, что ты у меня в гостях, — засмеялся ласково Макинтайр. — Такого снадобья, как у меня, тут нигде не достать.

— Простите, мистер Макинтайр, — смущенно пробормотал Арт. — У меня... денег нет.

— Да ты что, Арти, — обиженно сказал Макинтайр, — ты у меня в гостях, и я угощаю.

— А ну как попадешь на крючок? — звериная настороженность Арта все еще давала о себе знать, но перед глазами у него все плыло, волновалось, покачивалось, и он тут же забыл, что спрашивал.

— Да чепуха это, — пожал плечами Макинтайр. — Вот ты смотри на меня, я уже лет десять колюсь и ни на какой крючок не попал. Просто надо себя соблюдать, ну а ты парень волевой, правильный. И пьешь в меру, и вообще не забываешься. Ну, давай, братец, руку. Да не бойся, это, знаешь, такая штука, так тебя подымает, что взлетаешь прямо к небу. Ни с чем не сравнить. Ты меня еще всю жизнь благодарить будешь.

Арт почувствовал, как что-то тоненько укололо его в руку на сгибе локтя, и открыл глаза. Макинтайр аккуратно укладывал в плоскую коробочку шприц.

— Ну вот, — улыбнулся он, — будешь теперь человеком, а то прямо как сосунок грудной... Ты сиди, я скоро вернусь.

Макинтайр ушел, а Арт снова прикрыл глаза. На него медленно накатывалась некая волна. Она была одновременно прозрачной и розовой, и все существо Арта напрягалось, тянулось навстречу к ней. Волна катилась с беззвучным грохотом, с торжествующим беззвучным ревом, и каждая клеточка тела Арта вибрировала в унисон с прозрачной и розовой стеной воды. Но это была вовсе не вода. Волна прошла сквозь него, прошла и вырвала его из реальности, в которой он жил. Не было больше узких и вонючих улиц Скарборо, не было крысиной возни по ночам в комнате, где со стен и потолка отваливалась штукатурка, не было тяжелых и выщербленных кружек, которые он должен был мыть в тепловатой грязной воде, не было всегда хмурого взгляда матери, ее вечно сжатых в ниточку губ, не было мелких краж, когда вырываешь у старухи из рук потертую сумочку, чтобы найти в ней потом несколько потертых монет...

Был совсем другой мир, словно омытый той прозрачной и журчащей водой, которая обязательно текла бы по зеленой лужайке, где стоял бы тот уютный домик...

* * *

Несколько дней Арт все ждал, пока Эдди Макинтайр объяснит ему его новые обязанности, но тот его все не звал.

Как-то вечером он встретил Крысу — Донована. Крыса брел, покачиваясь, глубоко засунув руки в карманы брюк.

— Привет, — окликнул его Арт.

Крыса поднял на него стеклянные глаза нарка, с трудом сфокусировал их на лице Арта и слабо улыбнулся.

— А, это ты, — с трудом пробормотал он, словно язык его не помещался во рту и еле ворочался там.

— Был на днях у Эдди Макинтайра, — с гордостью сказал Арт, — сам меня пригласил. Предлагал работать на него. Героин.

— Ну и как, ты уже начал? — спросил Крыса, и Арту помешалось, что в его неподвижных глазах мелькнула насмешка.

— Нет еще, но я думаю...

— Думай, думай, я тоже думал... — Он повернулся, чтобы уйти, но Арт схватил его за руку:

— Что ты хочешь сказать?

— Да ничего особенного. Просто то, что и меня в свое время он тоже приглашал к себе и тоже предлагал работу.

— А ты?

— Что я? Ждал, как и ты, а потом понял.

— Что понял?

— Зачем он меня звал.

— Зачем?

— А затем, чтобы сделать из меня то, что я есть, — паршивого нарка, которому хоть тресни нужно каждый день добыть хотя бы полсотни НД для белого снадобья. Понял зачем? Это тебе не боксерская тренировка за двадцать центов. Помнишь? — в голосе Крысы зазвучало глухое раздражение. — Впрочем, чего с тобой разговаривать... — Он втянул голову в плечи, зябко поежился и, покачиваясь, побрел по улице.

Арт стоял потрясенный, потерянный, все еще не веривший до конца в обман. Он, Арт Фрисби, всю жизнь никому не доверявший, всегда настороженный, всегда начеку, всегда весь обращенный в слух и внимание, всегда обманывавший первым, он, Арт Фрисби, оказался последним идиотом, недоумком. Все это так. Крыса лишь подтвердил то, что он уже начал подозревать. Мир, пусть жестокий, колючий, холодный и враждебный, но его мир распадался. Хотелось выть. Броситься ничком на грязный, в трещинах асфальт и выть, выть, пока с воем не выйдет отчаяние, стыд и ненависть. Но Арт был дитя цивилизации, и единственное, что она дала ему, — это умение сдерживать свои импульсы. Выть нельзя — привлечешь внимание. Броситься ничком нельзя — оставишь незащищенной спину. Незащищенной... Как будто он уже не открылся, не позволил обмануть себя, одурачить. Но пусть подождет этот Макинтайр, пока он придет к нему за дозой. Может быть, кто-нибудь и заглатывает крючок с первого раза, но он не из таких.

На пятый день он достал себе шприц и выложил тридцать НД за дозу героина, процентов на девяносто разбавленную молочным сахаром. И снова катилась прозрачная и розовая волна, и снова он тянулся навстречу ей, и не было больше асфальта и тупиков.

Когда ему снова понадобилась доза, денег у него уже не было. С полдня он надеялся, что тошнота, поднимающаяся от

желудка вверх, к горлу, вот-вот пройдет, а завтра он где-нибудь найдет деньги, хотя в глубине души знал, что найти их ему нигде. К вечеру он почувствовал, что больше не может. Каждые несколько минут тошнота накатывалась все с новой силой, и желание ощутить сладостное блаженство укола буквально толкало его в спину.

После наступления темноты он отправился на седьмую улицу к супермаркету. Там всегда в это время толпились люди. «Господи, — тоскливо подумал он, — ведь попадешься», — но предвкушение укола смыло, унесло страх. Нужен был укол, нужны были деньги.

Он долго стоял, все боясь сделать выбор, и, когда, наконец, заметил, что покупателей у магазина становится все меньше, испугался.

Из магазина вышла неопределенного возраста женщина с огромным фиолетово-багровым пятном в пол-лица. В руке у нее был сверток и сумочка. В два прыжка Арт очутился около нее и рванул из рук сумочку. На мгновение он увидел расширенные ужасом глаза, рот, раскрытый в крике. Сумочка была уже у него в руках, а женщина с пятном все клонилась вперед, словно хотела стать на колени.

В сумочке оказалось сорок НД. Как раз на приличную дозу.

Через несколько месяцев, когда он встретил Мери-Лу, ему нужно было уже как минимум сто пятьдесят НД в неделю. Он был на крючке и знал это, и ему уже было все равно.

* * *

Он увидел ее в первый раз в обрамлении оконного переплета. Она стояла у открытого окна, откуда когда-то высовывался алкоголик Мурарка и предлагал Арту научить его цирковому делу. Арт машинально раскрыл ладони и посмотрел на них. Интересно, смог бы он сейчас подтянуться? Смотри-ка, и труба все еще на месте. Ничего не меняется в асфальтовом мире Скарборо. Умер старик Мурарка, появилась девушка. Умирают одни крысы, нарождаются другие. Подштукатурят в одном месте, обвалится в другом. Теперь уже не нужно было подпрыгивать. Теперь уже и не нужно было подтягиваться. Кусок ржавой трубы торчал слишком низко. У него уже появились другие заботы. Он поднял руку и потер ладонью чугун. Ладонь стала оранжевой и запахла ржавым металлом. Счастливый запах детства.

— Это для вас низко, — улыбнулась девушка в окне. — На такой высоте и я подтянусь.

У нее были прямые светлые волосы и смеющиеся синие глаза. Казалось, она была заряжена смехом под давлением, и он теперь прыгал и бурлил в ней, ища выхода.

— Попробуйте, — усмехнулся Арт.

Она исчезла в глубине комнаты и через минуту вышла во двор. На ней были пестренькие узкие брюки и старый, затрепанный джемпер.

— Ой, — сказала она, взглянув на трубу, — она же вся ржавая. Руки перемажешь... — Она засмеялась и посмотрела на

Арта. — Я, наверное, кажусь вам дурочкой? Честно, я не оби-жусь...

— Нет, честно, нет, — покачал головой Арт. Она была слиш-ком красивой, она была выходцем из какого-то другого мира. Здесь, в этом асфальтовом колодце, так не смеялись. Здесь, может быть, смеялись и громче, но не так. Не так охотно. Здесь никто не был заряжен на смех. — А вы здесь живете?

— Да, вчера переехала. Ничего конурка. Не очень веселень-кая, но жить можно. А вы?

— О, я здесь родился и вырос, — сказал Арт. Ему хотелось сказать девушке что-нибудь очень веселое, легкое, остроумное, но он не знал, что сказать, и лишь смотрел на нее с напряжен-ным вниманием, радуясь тому, что в мире бывают такие слу-чай, когда прямые светлые волосы и смеющиеся синие глаза могут вместе образовать такое вот лицо, от которого ни за что не хочется отвести глаза. От которого на душе одновременно и весело и грустно.

— Однако вы могли бы мне и представиться, — засмеялась девушка, — тем более что вы старожил, а я новосел.

— Арт Фрисби, — наклонил голову Арт, вспоминая, как это делают по телевизору джентльмены.

— А я Мери-Лу Никольз. Продавщица в магазине на Седь-мой улице. Сегодня у меня выходной.

— Может быть, мы это как-нибудь отметим?

— Что именно? Что я Мери-Лу Никольз, что я продавщица или что сегодня я выходная?

— И то, и другое, и третье, — снова наклонил голову Арт. — Это все очень важные и конкретные вещи, — он сам удивил-ся своему красноречию, но почему-то совсем не стеснялся де-вушки. — Выпьем где-нибудь и пойдем в кино. Или, может быть, на танцы?

— Мне везет. Не успела переехать на новое место, как уже получила приглашение. Сейчас я переоденусь. Или так пойти, если в кино? — Она вопросительно и доверчиво посмотрела на Арта.

— Так. Только так, — твердо сказал Арт.

— Почему?

— Потому что, что бы вы ни надели, ничто не сможет сравниться с этим туалетом.

Мери-Лу покатила со смеху.

— Ну, вы шутник, Арт. И комплименты откалываете, только держись.

Когда они шли к бару Коблера, он как бы невзначай коснул-ся ладонью ее руки. Кожа у нее была теплая и сухая, и Арту вдруг стало грустно. Душный комок подкатил к горлу и за-стрял там. Он не знал, почему ему грустно, но понимал, что грусть эта как-то связана с прямыми светлыми волосами, с до-верчиво-смеющимися синими глазами, с теплой и сухой кожей ее руки. И с ним. Он не понимал, что где-то в его сердце рож-далась нежность — чувство для него незнакомое и даже опас-ное, потому что пока в его мире места для нее не было, а ломать привычный мир всегда опасно.

Они начали встречаться, и как-то вечером, глядя, как она расчесывает волосы перед маленьким в радужных разводах зеркалом, он сказал ей:

— Ты знаешь, я не хотел говорить тебе, но... — Она быстро повернулась, и в глазах начал расплываться, обесцвечивая их, испуг. — Я на крючке.

— На каком крючке? — в голосе ее звучала тревога.

— На белом снадобье. На героине.

Губы ее разошлись в улыбке, но страх в глазах не исчезал.

— Давно?

— Несколько месяцев.

— Ты бросишь. Ты обязательно бросишь. Ты ведь хочешь бросить?

— Теперь да. Раньше мне было все равно.

— Тогда ты бросишь, милый. Ты ведь сильный. Я нюхом чувствую, какой ты сильный. Ты, может быть, и сам не знаешь, какой ты сильный. А я знаю, я никогда не ошибаюсь. Ты мне защитник, один во всем свете. И ты бросишь эту дрянь ради меня. Бросишь?

Она посмотрела на него, и в глазах были испуг и надежда. Арт был оглушен. Волна острой нежности захлестнула его сердце. Он нужен кому-то. Его просят о чем-то. Просто нужен и просто просят. Ради него самого, без всякого расчета...

Впервые за последние дни комок в горле Арта растаял, растворился и вышел наружу несколькими слезинками, которые проложили две холодные дорожки по его щекам. Первые дорожки на щеках за много-много лет. А может быть, первые в жизни, потому что, сколько он себя помнил, он никогда не плакал. Конечно, он бросит, возьмет себя в руки и бросит. Это ведь в конце концов не так уж и трудно. У него ведь воля что надо — захочет — и сделает. Для Мери-Лу сделает, для этих синих теперь уже не смеющихся глаз. В лепешку разобьется, назнанку вывернется, из своей кожи выскочит, только чтобы в синих родных глазах снова заскакал, запрыгал веселым щенком смех.

Мери-Лу тихонько провела пальцем по его щекам, и там, где ее палец касался его кожи, влажные дорожки тут же высыхали.

— Все будет хорошо, — торопливо шептала она, и шепот ее был полон ласки и веселья, от которого становилось на душе грустно, — все будет хорошо.

Глава III

Он бросил героин. Он решил, что бросит, — и бросил. День, другой, третий. Он даже не испытывал тех мук, о которых говорили нарки. Просто все это были люди слабые, рыхлые, безвольные, не чета ему. Он вот решил — и бросил.

По ночам ему снилось, как он закатывает рукав рубашки, берет правой рукой шприц, легко вкалывает его привычным движением и нажимает на плунжер. Но прозрачно-розовая волна

не катилась на него, не ревела беззвучно радостным ревом, и тело его не тянулось навстречу. Утром он чувствовал себя разбитым, слабым, больным. Но он лишь усмехался. Это все ерунда. Главное — он бросил. Он хозяин себе. Он может даже кольнуться, чтобы доказать свое освобождение. Если он не получит дозы, он все время будет сомневаться, действительно ли он поборол эту рабскую привычку. А если зарядится, докажет себе раз и навсегда, что он хозяин своей воли.

Он кольнулся. На завтра снова. Будь прокляты эти синие испуганные глаза и детские пальцы в его волосах. Зачем эти жалкие слова? Зачем мучить человека, когда радости в этом воюющем асфальтовом мире и без того маловато? Ну кольнется, ну не кольнется — какое все это имеет значение? Да и кто ты мне, Мери-Лу? Много здесь вас таких, только и ждете случая, чтоб подцепить себе мужа, твари расчетливые. Как вцепятся, так и не отпустят... «Ты бросишь, ты сильный». Ишь ты. Я и сам знаю, что сильный, что могу бросить, если захочу. А зачем вообще-то бросать? Лишать себя удовольствия? Ну ладно, поженятся они, пацан появится. И что? Рассказывать ему про домик в ОП? Про зеленую травку? Как жить в джунглях без белого снадобья, чем жить, на что надеяться?

Он знал, что все эти мысли и слова были хлипкой, ненадежной стеной, которую он возводил между собой и правдой, потому что жить с глазу на глаз с реальностью дано не каждому. Все это он подсознательно чувствовал и потому ненавидел себя и Мери-Лу, которая, сама того не ведая, разрушила его глиняную крепость. Он ненавидел ее, потому что любил...

— Одному бросить трудно, — сказала как-то вечером Мери-Лу. — Никто тебя не понимает, если даже хочет понять. Это ведь как в пословице: сытый голодного не разумеет.

— Что ты хочешь сказать? — угрюмо спросил Арт и посмотрел на Мери-Лу. — Чтоб я в ихнюю больницу записался? Чтоб напикали меня ихней дрянью, да так, что потом без двух доз в день и не проживешь? Нет уж, лучше издохнуть самому по себе. Способов ведь много. Папашка мой однорукий с лестницы свалился. Сосед один с третьего этажа то ли лишнего себе вколол, то ли еще что-нибудь, только нашли его утром на лестнице. Почему это все начинается и кончается лестницей?

— Арти, — прошептала Мери-Лу, — я... я всегда буду с тобой. Ты ведь не такой, как другие. Ты... ты мой. Ты вот и грубый, как другие, и на снадобье, а все-таки что-то в тебе отличает тебя от других. Я вот чувствую, что именно, а выразить словами не могу. Знаю только, что без тебя теперь жить не смогу... Все для тебя сделаю...

Через несколько дней он заметил у нее на ноге след. Еле заметный, как от шприца. Не может быть, сказал он себе, но вскоре заметил второй.

— Мери-Лу, — сказал он и посмотрел ей в глаза, и понял, что не ошибся, потому что в синих ее глазах уже клубились первые стеклянные облачка героина. — Ты... ты... — закричал он и поднял руку, чтобы ударить ее, но удержался. — Зачем? Ты? Ты ведь... для меня... вся жизнь...

Слова были какие-то жалкие, нелепые, растерянно моргаю-

щие, как глаза отца. Тогда, когда он извинялся перед ним, трехлеткой, что забыл про свою культу.

Мери-Лу медленно улынулась ему, и в улыбке почему-то была бесконечная радость.

— Я хочу, чтоб тебе легче было бросить. Одному трудно. Эдди Макинтайр говорит, что легче всего бросить вдвоем, когда оба понимают друг друга и поддерживают друг друга.

— Это тебе сказал Эдди Макинтайр? — спросил Арт.

— Да, он был очень добр. Ничего с меня не взял. Даже подарил шприц. Вдвоем вам, говорит, будет легче. Вдвоем вы быстро бросите.

* * *

Они не бросили вдвоем, и вскоре им нужно было не меньше пятисот НД в неделю. А пятьсот НД — это уже немалые деньги. Этих денег из сумочек, отобранных у старух, не натрясешь. Дважды Арт удачно ограбил маленький магазин на Шестой улице. Несколько раз они вместе ходили в супермаркет, и Мери-Лу удалось стащить с прилавка кое-какие мелочи. Они даже изобрели новый способ превращения этих товаров в деньги. Продавать их было бы процедурой долгой, да и возьмешь за них десятую часть того, что они стоили. Вместо этого Мери-Лу приносила краденое в магазин, говорила, что она передумала, и ей возвращали стоимость вещи.

Денег все равно не хватало, и Мери-Лу стала исчезать по вечерам на несколько часов. Однажды она пришла с подбитым глазом, но Арт не спрашивал ее, куда она ходила. Она приносила деньги, а деньги означали жизнь. Нет, не прозрачно-розовую волну. Он уже давно не слышал ее беззвучного и радостного грохота. Ему уже было не до теплого ветра и живого, влажного ковра под босыми ногами. Шприц теперь отделял его от невыносимых мук, которые он испытывал без белого снадобья. Только шприц давал возможность дышать, успокаивал нервы и плавно уводил куда-то в сторону, отодвигал вечно караулившую за углом тошноту...

Знал ли он, куда она ходила и как добывала деньги? О, это был непростой вопрос. Он не знал, потому что не хотел знать. Но он знал, что не хотел знать. Поэтому самое важное было — не думать ни о чем, а в этом как раз и помогало белое снадобье. То, на которое она приносила денег. То, которое как раз и давало возможность не думать, откуда она приносит деньги...

* * *

На улице было пасмурно и холодно. Дождя не было, но воздух был перенасыщен влагой, которая оседала на ворсистой куртке крошечными белесыми каплями. В подъезде пахло застоявшейся сыростью и влажной штукатуркой, и запах этот напоминал запах сырых пеленок.

На сегодня, кажется, у Мери-Лу снадобья хватит, завтра...

Завтра видно будет. Завтра не существовало. Мир кончался сейчас, на этом мгновении, которое медленно, тошнотворно медленно, в такт его неверным шагам, двигалось вместе с ним по грязной лестнице. На шестой ступеньке выбита вся середина, не попасть бы туда ногой. На штукатурке гвоздем выцарапано: «Поли». Поли... Зачем Поли? Почему Поли? Мягкими, обессиливающими волнами накатывалась тошнота. Она поднималась откуда-то снизу, клубилась в желудке, собиралась с силами, а потом уж липким, холодным прибоем накатывалась на сердце и горло. Арт остановился, несколько раз глубоко вздохнул, но тошнота требовала не кислорода, а вечерней дозы белого снадобья. Хорошо, что у Мери-Лу на сегодня есть чем кольнуть...

Он толкнул плечом дверь комнаты, но она не подалась. Может быть, Мери-Лу нет дома, подумал он, и еще раз толкнул дверь. Она слегка приоткрылась, одновременно послышался грохот, и он понял, что перевернул стул. Почему? Зачем стул у двери? Обгоняя охвативший его страх, Арт пошарил рукой по стенке, нащупал выключатель, но еще прежде, чем он щелкнул им, он уже знал, что Мери-Лу дома и что он не увидит ее.

Она висела на веревке, прикрепленной к трубе, что проходила почти под потолком. Синие глаза были открыты и пусты. На трубе ржавчина. У ржавчины свой запах. Но как его выразить словами, если он не похож на другой запах? Запах ржавого металла. Лучше всего чувствуешь этот запах, когда касаешься металла подбородком.

Одна туфля осталась у нее на ноге, другая упала на пол. Та, что осталась на ноге, зацепилась за пальцы и висела просто чудом. «Осторожно, чтобы не упала», — пронеслось в голове у Арта. Когда-то, должно быть, на стельке была выдавлена фирменная марка, но сейчас осталось лишь темное пятно. Арт стоял, глядя на туфлю, и пытался сообразить, как же все-таки называлась фирма. Нет, как ни старайся, не определишь — все буквы стерты.

На столе лежала записка.

«Дорогой Арт! Мы проиграли. Эдди Макинтайр ошибся. Вдвоем еще тяжелей. Я больше не могу. Прости. Если сможешь, спасись. Ради нас».

Арт аккуратно и неторопливо сложил записку, засунул ее в карман. Его тошнило. Его все рвало и рвало, и он не в силах был остановиться. Холодный и липкий пот стекал со лба. Он упал на пол. Он плакал, и его тошнило. И спина у него была открыта, незащищена. За ней висела Мери-Лу.

* * *

— Давай иди, — кивнул Арту сержант и показал подбородком на обитую пластиком дверь. — Капитан освободился.

— Спасибо, — сказал Арт и толкнул ладонью дверь. Она открылась с вкусным чмоканием, и он очутился в кабинете начальника.

Капитан Доул, крупный человек лет сорока, с оспенным лицом и сонными серыми глазами, скучно зевнул, вздохнул и при-

нялся нарочито медленно набивать трубку. Раскурив ее и выпустив несколько клубов дыма, он посмотрел на Арта и сказал:

— Ну?

— Вот, прочтите. — Арт протянул полицейскому капитану записку Мери-Лу. Тот скользнул по ней глазами.

— Ну?

— Понимаете, — Арт поднял глаза на капитана, — сначала Эдди Макинтайр обманом приспособил к белому снадобью меня, а теперь вот ее. — Он кивнул на записку. — Он уверял ее, что вдвоем бросить легче, чем одному... Она хотела мне помочь... Повесилась...

— Ну? — капитан боялся, что трубка погаснет, и несколько раз быстро втянул воздух. — И что ты хочешь от меня?

— Этот Эдди Макинтайр людей губит... Сначала я вот... А теперь она... И других много... На лестнице...

— Ладно, ты посиди там, сержант тебе покажет, а я пока вызову сюда Эдди.

Арт сидел на жесткой скамейке и рассматривал фотографии десяти разыскиваемых полицией наиболее опасных преступников. Эдди Макинтайра среди них не было.

Удивительно он себя чувствовал сейчас. Пустота и тяжесть. Не было ни сердца, ни желудка, ни печени — ничего. Он был пуст. Пуст и холоден, как поздняя осенняя улица. И вместе с тем он весил тонны, тонны. Тяжелая пустота. Пустая тяжесть.

— Эй, — крикнул ему сержант, — иди!

Он снова вошел в кабинет капитана. На стуле у стола сидел Эдди Макинтайр. Увидев Арта, он грустно улыбнулся. Не зло, не с ненавистью, не с обидой даже, просто грустно.

— Как ужасно, — сказал он, — такая молодая...

— Эдди, — сказал капитан, — этот человек утверждает, что ты специально приохочиваешь людей к белому снадобью. Специально, чтоб потом наживаться на них. Что ты можешь сказать?

Арт, не веря себе, с надеждой посмотрел на капитана. С самого детства, с первым глотком асфальтового воздуха, с молоком покойной матери он всосал в себя страх и недоверие к полиции. Полиция защищала тех, кто жил не в джунглях. Но ведь попадают же иногда люди и среди свиней. Редко, конечно, но должны же попадаться...

— Так что ты скажешь, Эдди? — еще раз переспросил капитан. — Это ведь серьезное обвинение.

— По-моему, — ответил кротко Эдди, — этот человек не ведет, что говорит. — И снова сказал без злобы, без гнева. С грустью, с жалостью, с сожалением.

— Это мы сейчас проверим. Ну-ка, — капитан кивнул Арту, подзывая его к столу, — ближе, подойди ближе.

Капитан поднялся, потянулся, разминая затекшую спину, и что-то в его плечах вкусно хрустнуло. Он еще раз потянулся через стол и ударил Арта по щеке. Письменный стол и потолок дернулись, поменялись местами, и Арт лениво и безразлично понял, что лежит на полу. Откуда-то издалека донесся голос капитана:

— Может, посадить паскудника на годик-другой? Впрочем, тогда он, не дай бог, отвыкнет от снадобья и перестанет носить тебе свои денежки. — Голос гудел громко, раскатисто, жирно. — Ишь ты, нарк паршивый, говорит, Эдди Макинтайр людей губит. Это ж надо, всякая шваль будет ко мне ходить.

Он ярил себя, рисуясь перед Эдди Макинтайром, но в глазах его застыла скука. Будни, служба, плохо вымытые окна кабинета, простуженное шипение кондиционера...

Капитан вышел из-за стола, одной рукой рывком поднял Арта на ноги и, прищурившись, нацелился его головой на дверь своего кабинета.

— Осторожнее, капитан, — улыбнулся Эдди Макинтайр, — не сломайте, Христа ради, ему шею. Все-то вам хочется лишить меня клиента.

— Ладно, Эдди, — кивнул капитан. — Это уж как получится. Считай, что его шея и основание черепа в руках божьих. — Он раскачал Арта и толкнул его головой вперед. В полусознании Арт выбросил вперед руки — у него с детства была быстрая реакция, — и голова его осталась цела...

* * *

Он медленно брел по обочине шоссе, оставив за спиной Скарборо, шел не оборачиваясь, когда сзади нарастал вой приближающейся машины. Они пролетали мимо, успев толкнуть его жаркой, тугой воздушной волной, и уносились, таяли в знойной дымке.

Вскоре он свернул с шоссе на грунтовую дорогу. Идти по обочине шоссе было довольно опасно. Кто-нибудь мог выстрелить из проносившейся машины, хотя днем это случалось не часто, мог зацапать его и полицейский патруль. Что за человек на обочине шоссе, куда идет? Попробуй объясни им, когда он и сам толком не знал. Он знал только, что ему нужна была какая-нибудь ферма. Выйдет — хорошо, не выйдет — еще лучше.

Через несколько часов он почувствовал, что силы оставляют его. Язык распух и не помещался во рту. Слюна была горькой, горячее и густой... Что напоминает ему мысль о слюне? Не помнит... Неважно. Хуже, что очень подкатывает тошнота и в голову бьют мягкие, но болезненные молотки. Упадет — и черт с ним...

Ферма была небольшой. Точно такой, какой он представлял их себе. И мохнатая собака, что лаяла сейчас на него, припадая от возмущения на передние лапы, тоже была точно такой, какой он их представлял себе.

У дома тарахтел трактор, впряженный в тележку с удобрениями. Удобрение было белым. Почти как белое снадобье, подумал Арт, и подошел ближе. У трактора стоял загорелый, худощавый старик в широкополой шляпе и ковырялся в двигателе. Должно быть, регулировал обороты холостого хода, потому что трактор то и дело менял тембр своего гудения. Из-за него он и не слышал лая. Но вот старик поднял голову, увидел Арта, и в руке его сразу появился пистолет. Арт вскинул вверх руки, опустил их, распахнул куртку, снова поднял руки.

Старик выключил двигатель и в плотной, негородской тишине вопросительно смотрел на Арта, поигрывая пистолетом.

— Что надо? — спросил наконец старик. — Работы у меня нет. Проходи. — Он был высок и худ. Его загорелая кожа была покрыта еще более темными морщинами. Хоть он и держал в руках оружие, в глазах был страх.

— Мне не нужна работа, — сказал Арт, с трудом преодолевая сопротивление вязкой слюны.

— А что тебе нужно?

— Вы только выслушайте меня, — вяло сказал Арт. Тело его медленно подрагивало от слабости. — Мне от вас нужно только одно — какой-нибудь сарай. Поставьте туда ведро воды и запирайте меня там. Так, чтобы я не мог выйти. Что бы я ни делал, как бы вас ни умолял, не открывайте. Если даже я не буду шевелиться, не открывайте. Если я буду просить у вас чего-нибудь, не отвечайте и не открывайте. Откройте через две недели. Если я буду жив, дадите мне немножко молока. Я не прошу у вас одолжения. Вот, возьмите, здесь почти двести НД. Можете забрать деньги и выстрелить в меня сейчас. Я вам только спасибо скажу. Можете застрелить меня в сарае. Можете вообще не открывать его. Ежели я не подохну, хозяин, я бы просил у вас только одно — разрешения проработать у вас потом годок. Без гроша. Бесплатно. Мне нужен будет только кусок ржавой трубы... Знаете, такой, что пахнет ржавым металлом.

Он пришел в себя и открыл глаза. Он лежал на спине и смотрел на дощатую крышу. Ах да, конечно... Старик все-таки поверил ему. В косом солнечном луче, проникавшем сквозь какую-то щель, плясали пылинки. Луч казался таким плотным, что его можно было взять в руки, на нем можно было подтянуться, из него можно было сделать петлю и надеть на шею.

По телу его первой легкой волной пробежали сокращения мышц. Начинались судороги. Мускулы то затвердевали, напрягаясь в бесцельном слепом усилии, и в теле его разливалась острая боль, то вдруг расслаблялись, оставляя его дрожащим от слабости. Потом ему стало жарко, и он купался в ручьях пота. Он никогда бы не поверил, что человек может так потеть.

Его начало тошнить. Судорожные сокращения желудка следовали одно за другим, скручивали его, выкручивали, комкали, ломали, корежили. Он умирал. Он знал, что умирает. Мыслей не было. Была боль. Ее нельзя было локализовать. Она плескалась по всему телу, то тупая и ноющая, то пронизывающая и острая, как взвизг механической пилы. Времени не было, не было больше ни начала, ни конца, ни дня, ни ночи. Не было луча, и не было синих глаз, танцующих в этом луче. И не было лучей, танцующих в синих глазах. Их не было, и они были.

Мысли и образы, боль и воспоминания распадались, расщеплялись на обрывки, кусочки, осколки, молекулы, атомы. Качалась, качалась тупля, висевшая на ржавой трубе. И кто-то жалобно моргал, и на эти извиняющиеся глаза обрушивался оспенный кулак.

Он завыл. Ему казалось, что вой сотрясает стены сарая, рвется наружу, но это был всего-навсего жалкий хрип.

Арт потерял сознание, но и беспмятство не приносило облегчения.

Однажды ему показалось, что над ним склонилось лицо старика.

— Дайте мне закурить, — прошептал Арт. А может быть, только хотел прошептать. Он не знал. Он знал только, что, если старик даст ему зажженную папиросу, он сумеет поджечь сено и удрать, когда загорятся стены. Или сгореть. Что именно, было не так важно. Лишь бы не эта бесконечная пытка.

Но то ли старик покачал головой, то ли он вообще пригрезился — сигареты не было. Была пытка.

* * *

Он не знал, сколько прошло дней. Иногда он с трудом становился на колени, погружал голову в ведро с водой и пил. Несколько раз он вяло отмечал про себя, что вода в ведре почему-то не убывает, но мысль тут же куда-то ускользала от него.

Он ослабел. Судороги все еще сотрясали его тело, но уже с меньшей силой. Темнота по-прежнему клубилась в нем, но рвота стала мучить его реже. Иногда ему удавалось по нескольку минут подряд удерживать мысли от головокружительного хаоса. Это были самые страшные минуты. Они были населены Мери-Лу, Эдди Макинтайром и капитаном Доулом.

Он подползал к стенам сарая и пробовал разбить голову о стесанные бревна, но он был слишком слаб. Он пытался нащупать хоть что-нибудь похожее на веревку, но ничего не нашел.

Временами он стал впадать в оцепенение. Теперь уже не было ничего. Даже боли. Было только загустевшее, вязкое время, остановившееся время, застрявшее время, без прошлого и будущего и уж давно без настоящего.

* * *

Арт пришел в себя от тишины. Густой, плотной, негородской тишины. И слабости. И странного, позабытого спокойствия. Ему захотелось встать, но он не мог. Он не мог даже вспомнить, каким мышцам для этого нужно сократиться. И он подумал, что обидно было бы умереть сейчас, когда впервые за долгие, долгие дни он не мечтал о смерти.

Когда за стеной раздалось собачье поскуливание, щелкнул замок и открылась дверь, он даже не мог повернуться.

Старик стоял над ним, с ужасом и жадностью вглядываясь в него, а он даже не мог открыть глаза, потому что свет нестерпимо давил на них, причиняя боль.

Должно быть, и собака тоже всматривалась в высохшее бесплотное существо, распростертое на провонявшей соломе, потому что она больше не скулила, а дышала часто-часто, вывалив от изумления язык.

— Ну и ну, — пробормотал старик. — Это ж надо... А ведь жив, хотя, надо думать, скоро помрет... Не может душа на костях жить. Что с тобой делать, доходяга? — Он потер шершавой расплющенной ладонью свое лицо, дыхание его прервалось, и он судорожно вздохнул. — Разве что попробовать несколько капель молока ему влить? Ты как считаешь, Фидо?

Старик ушел за молоком. Свет уже не причинял такой боли глазам, и Арт осторожно открыл их. Боже мой, как он устал. Он подивился слову «устал», которое употребил мысленно, и хотел было улыбнуться, но не смог.

Старик вернулся с баночкой молока и ложкой.

— Это ж надо, — сокрушенно и вместе с тем возбужденно пробормотал он, — что теперь с людьми делают... Это что ж делается, ежели люди сами себя... А? — чувствовалось, что старик привык разговаривать с собой. — Это как же понять? Это кто же скажет? Зачем?

Он приблизил ложку ко рту Арта, и, видя, что тот не открывает его, неуклюже подsunул свои пальцы под его губы, и открыл ему рот. На мгновение Арт испытал страх перед приближавшейся снова тошнотой, но несколько пахнувших не городскому капле благополучно просочились сквозь его высохшую гортань, и Арт с благодарностью опустил веки.

Глава IV

Арт окреп довольно быстро. Молодой его организм, словно истосковавшись по свежему воздуху, спокойной, тяжелой здовой работе и простой пище, спешил обрести утраченные силы.

Старик жил на крошечной ферме один. Он бы, конечно, давно разорился, если бы попытался выжать из нее хоть какой-нибудь доходишко, но ему помогал сын, состоятельный химик, живший в Бельвю.

— Понимаешь, — медленно говорил по вечерам Арту старик, и в его выцветших глазах тлело недоумение. — Понимаешь, сын — он, слава богу, меня не забыл, как другие, — зовет меня: приезжай, мол, ко мне в ОП. Здесь, мол, спокойно. Почти не стреляют, не грабят. А по мне, так зачем спокойствие, если живешь за колючей проволокой, как скот какой-нибудь? Конечно, на фермах, бывает, и нападут, отстреливаться приходится. Но так далеко нарки редко забредают... Ты вот первый, — старик посмотрел на Арта и улыбнулся. — Да у меня и взять-то нечего. Разве что трактор. А на кой он нарку? Его еще продать нужно, а кому опять же нужен старый трактор, когда мелких ферм почти и не осталось? Обратнo же Фидо выручает... Она чужого человека за милую учуивает... Конечно, иногда хочется поболтать с живым человеком. Вроде тебя, — старик неумело улыбнулся. — Ну ничего. С собакой поговоришь, с домом, с трактором... А потом и подумаешь, а они-то там, в джунглях или ОП, говорят друг с другом?

Старик еще не привык к живому собеседнику и каждый вечер убаюкивал Арта бесконечными монологами. Он рассказывал о себе, о сыне. О том, как на его глазах менялась жизнь, как белое снадобье заразило страну. Он рассказал, почему не

хочет даже видеть своего сына. Его внук участвовал как-то в студенческой демонстрации протеста. Полиция открыла огонь. Семь человек остались лежать на мостовой. И среди них его внук. У сына были слезы на глазах, и голос его дрожал, но он сказал: «И правильно стреляли. Питер у меня единственный, но я готов пожать руку тем, кто нажимал на спуск, потому что эти протестующие безответственные юнцы толкают страну к гибели».

Он рассказывал, как люди состоятельные спасались бегством из городов, образуя первые охраняемые поселки — ОП, а города, разрушаясь, превращались в джунгли...

Арт слушал его краем уха и думал об Эдди Макинтайре, капитане Доуле, о покойном отце, о матери. О Мери-Лу он не думал. Он не разрешал себе думать о ней. Об Эдди Макинтайре и капитане думать было хорошо. Они помогали ему поправиться и окрепнуть.

Через несколько месяцев он решил съездить в Скарборо.

— Ты ведь вернешься? — спросил его подозрительно старик. — Смотри, второй раз я тебя не выхожу. Может, не стоит таскаться?

— Вернусь, — кивнул Арт.

— Ну, смотри, с богом. Ты ведь не маленький, хотя мог бы быть мне внуком... Возьми немножко денег.

Арт вытащил у старика из комода старинный кольт и отправился в город.

* * *

В первый же день он узнал, что капитана Доула перевели куда-то. Куда — не знал никто. Эдди Макинтайр по-прежнему был в Скарборо, но Арт никак не мог подкараулить его. Казалось, Эдди вообще не выходил из своей квартиры. Идти же прямо к нему не имело смысла. Если он и откроет ему дверь, то только с пистолетом в руке. Скорей же всего вообще не откроет. Не такой он дурак.

Самому высовывать нос также не следовало. У Эдди собак хватает. Тут же прибегут с докладом: «Угадай, Эдди, кто появился — Арт Фрисби. Помнишь, у которого девчонка повесилась? Здоровый такой, загорелый».

Арт поселился в полуразвалившемся отельчике на Рипаблик-авеню. На лестнице с выбитыми ступенями пахло мочой и рвотой. В крошечной сырой комнате в батареях центрального отопления жалобно булькало. Под потолком висела на проволоке голая лампочка, засиженная мухами. По ночам в коридорах слышались шаркающие шаги, торопливый шепот, неожиданные вскрики.

Арт выходил уже несколько раз по вечерам, когда на улице было темно и можно было избегать знакомых лиц, но так ни разу и не видел Эдди, даже издалека. Куда он делся? Раньше, бывало, всегда его можно было увидеть на улице. Или в баре Коблера. Но Арти дважды звонил в бар, спрашивая Эдди, и оба раза ему ответили, что его нет. Оставалось только одно — попробовать подкараулить его около дома.

Арт стоял в подъезде Эдди и ждал. У ног его дугой выгнулась худая серенькая кошка, потянулась и с приглашающим мурлыканьем стала тереться о брюки. Наверное, она была голодна, хотела тепла и ласки. Здесь никто не подходил друг к другу без нужды. И уж подавно не ласкались. А те, кто делал это, повисали потом... Стоп. Аут. Нельзя.

Раздался стеклянный взрыв. По асфальту брызнули осколки. Кто-то с верхнего этажа швырнул вниз бутылку. На улице слышался шум машины, хлопнула дверца. Шаги по асфальту. Неужели наконец...

Арт сжимает старинный кольт, всматривается в сумрак двора. «Так и есть, Эдди. И еще какой-то верзила с ним. На таком расстоянии и в темноте не попасть. Значит, нужно подождать, пока они войдут в подъезд».

Пульсчатая рукоятка колта раскалена. Кошка, чутьем обитательницы джунглей почуявшая опасность, с разочарованным мяуканьем исчезает в полумраке лестницы.

— Ну давай, — слышится голос Эдди, и в проеме двери появляется фигура человека. В одной руке пистолет, в другой электрический фонарь. Еще мгновение — и луч коснется Арта. Он не ждет этого мгновения и стреляет. Звук выстрела оглушает в резонаторе подъезда. Арт выскакивает на улицу, но Эдди уже нет. Арт стоит, прислушиваясь к полумраку. Звука машины не было, шагов тоже. Значит, Эдди где-то здесь, недалеко. Из чьего-то открытого окна слышится ворчание: «Опять расстрелялись, сволочи, дня мало». Окно с треском захлопывается. Арт стоит спиной к дому. Справа подъезд, где в темноте все еще светит электрический фонарик. «Надо же, — думает Арт, — не разбился». Слева еще один подъезд. «Эдди скорей всего там». Арт начинает осторожно, дюйм за дюймом, придвигаться к левому подъезду. Строго говоря, спокойно думает он, шансов почти нет. Если Эдди ждет его в подъезде, то выстрелит первым. Но не уходить же так... В это мгновение Арт слышит какую-то возню в правом подъезде, откуда он только что вышел. «Вот гад», — слышит Арт тихое проклятие, легкий стон, и вдруг из подъезда, пошатываясь, выглядывает верзила, в которого стрелял Арт. Пока Арт раздумывает, что делать, стрелять ли второй раз или нет, верзила уже успел нажать на курок. Пуля цокает о кирпич. Арт, почти не целясь, стреляет и бежит зигзагами. Выстрелов нет. Он пробегает пару кварталов и переводит дыхание. Не вышло. Чего-то Эдди боялся. Или кого-то. А может быть, все-таки кто-нибудь его заметил и действительно передал Эдди. Раньше он никогда не ходил с телохранителем.

— Ну ладно, мистер Макинтайр, — тихонько бормочет Арт, — в другой раз.

В гостиницу возвращаться опасно. Если уж Эдди знает, что Арт в Скарборо, он землю носом рыть будет, а найдет его. Людей у него хватит. В крайнем случае и полиция поможет. Не капитан Доул, так другие. Полиция любит Эдди Макинтайра. И не его одного, а наверное, всех эдди макинтайров. Всех до одного. Все они заодно, сволочи.

* * *

Старик посмотрел на Арта.

— Значит, ты вернулся... А я думал, останешься там...

— Мистер Майер, я взял ваш старый кольт, вот он.

— Спер все-таки? — лицо старика покраснело от негодования.

— Как же спер, если я вам его возвращаю? Просто одолжил. Вы же знаете, без пистолета ходить нельзя.

— Спер, спер, — зло закричал старик, — все вы теперь такие! Лгать, красть, стрелять и безуметь на своем белом снадобье. Все вы теперь такие. Заразу несете, проклятие! Все вы вокруг отравляете своим смрадным дыханием, все, все...

Старик трясся в библейском гневе, в выцветших детских глазах горела, плавилась ненависть.

— Простите, мистер Майер. Если вы хотите, я уйду.

— Уходи, убирайся! Ты ж сюда заразу принес. Жил, кажется, тихо, никому не мешал, а ты и сюда добрался...

Арт повернулся и пошел к двери, а старик вдруг всхлипнул и сказал:

— Прости, Арти, я ведь, признаться, думал, что ты станешь мне внуком... Останься, парень...

Арт обернулся, помолчал.

— Спасибо, мистер Майер, вы меня спасли. Но я вправду, наверное, отравлен и все могу отравить... Вы добрый человек, а мне нельзя быть с добрыми. В моем мире доброта ни к чему.

* * *

В Скарборо делать ему было нечего, появиться там он не мог, и он перебрался в Уотерфолл. Здесь, по крайней мере, Эдди Макинтайр до него не доберется. В Уотерфолле были свои эдди макинтайры и свои капитаны доулы, которые отличались лишь тем, что принадлежали к другим организациям.

Арт нашел дешевую комнатку и несколько дней болтался на улице, присматриваясь к окружению. Раз-другой его попытались облапошить, предлагая героин по чересчур низким ценам, но само белое снадобье не интересовало его. Ему нужен был настоящий толкач, настоящий продавец героина. Только на этом можно заработать, только здесь пахло деньгами. В конце первой недели он знал уже толкача в лицо. Это был тучный медлительный человек, и жирные его щеки мягко лежали двумя расходившимися от подбородка складками. Говорили, что, кроме героина, он еще ссужал деньги под чудовищные проценты. Звали его Толстый Папочка, а настоящего имени не знал никто.

* * *

Он сидел перед Артом неподвижный, как скала, и лишь торчавшая из мясистых губ сигара жила своей жизнью: то поднималась, то опускалась, нацеливаясь на письменный стол,

заваленный бумагами. Серенький стерженек пепла, казалось, вот-вот упадет на бумаги, лежавшие на столе.

— Зачем пришел? — наконец спросил толстяк неожиданно тонким голоском. — Хочешь кольнутья?

— Мистер Толстый Папочка, — сказал Арт. — Ничего, если я вас буду называть как все — Толстый Папочка?

— Я буду польщен, мальчик. Я ведь действительно толстый и действительно папочка для всех моих прихожан Церкви Белого Оракула.

— Так вот, мистер Толстый Папочка, в Скарборо есть толкач по имени Эдди Макинтайр. Некоторое время назад он был очень расстроен, что такой видный и взрослый парень, как я, не пробовал снадобья. Он даже пригласил меня домой, даже угостил виски, и, прежде чем я что-либо сообразил — честь-то какая! — у меня в руке уже торчал шприц. Добрый человек Эдди Макинтайр. Потом я познакомился с одной девочкой. Она все уговаривала меня бросить, но я не мог. Она оказалась сама на крючке — и ей помог добрый Эдди — и повесилась. Я бросил.

— Правда ли это, сын мой? — усмехнулся толстяк.

— Правда, — сказал Арт.

— Сколько ты уже чист?

— Полгода.

— Почему ты ушел из Скарборо?

— Хотел рассчитаться с Эдди, пока не вышло.

— Слова не мальчика, но мужа. — Сигара во рту толстяка задумчиво затрепетала, и стерженек пепла наконец надломился и упал. Толстый Папочка помолчал, потом добавил: — Не говори ни слова, мой юный друг. Дай мне возможность потренировать мозги. Сейчас я скажу тебе, что ты хочешь от меня. Героина ты не хочешь, я тебе верю. Отпадает. Убивать всех толкачей ты не станешь, ибо, во-первых, их слишком много, а во-вторых, ты их дитя. Ты даже не мыслишь мира без них, если вообще умеешь мыслить. Ты пришел ко мне, потому что хочешь ухватиться за лиану и чуть-чуть высунуть нос из теплого болота джунглей. Чтoб было, чем дышать, и что жрать, и что положить в карман. Так, мой юный. Чайльд-Гарольд?

— А кто такой Чайльд Гарольд?

— А... Ты думаешь, я сам помню? Что-то литературное. Так верны ли мои рассуждения?

— Почти, мистер Толстый Папочка...

— Мистер не надо, очень длинно. Толстый можно тоже пропускать. Почему почти?

— Я хочу еще встретиться с Эдди Макинтайром.

— Прелестно. Достойные устремления. Что ты умеешь? Читать и писать?

— Да, — с гордостью кивнул Арт. — Кончил четыре класса. В пятый не ходил.

— Стрелять?

— Хорошо.

— Можешь отжаться от пола?

— Раз сто.

— Что-о? — жирные щеки оттекли от глаз Папочки и изумленно округлились.

Арт сбросил куртку, упал на вытянутые руки и начал легко отжиматься.

— Хватит, — вздохнул толстяк, — меня господь обидел телесной ловкостью, но я люблю ее в других. Ты ловок и силен, юноша, ты мне нравишься, но тем не менее я вынужден буду прихлопнуть тебя.

Он неожиданно быстро поднял пистолет и нажал на спуск. Грохнул выстрел, но Арт не шелохнулся. Папочка покатился со смеха. Щеки танцевали на груди, а глаза превратились в крохотные дырочки.

— Ты меня поражаешь, падший ангел. Почему ты не побежал?

— Во-первых, если вы меня действительно хотели бы прищелкнуть, вы бы это сделали давным-давно. Во-вторых, чего же бояться... Я свое отбоялся.

— Прекрасные слова, дитя века. С этой минуты ты работаешь на меня, Арти-бой...

ПЛАН

Глава I

Арт посмотрел на часы. До трех было еще полчаса. Он перевернулся на спину, подложив под голову руки. Небо было чистым, и лишь где-то совсем высоко едва уловимо белело полупрозрачное перламутровое облачко. Тишина, ленивый полуденный покой жаркого дня. Слева, на шоссе, время от времени проносились машины, но шум их не мешал ему, может быть, даже наоборот, подчеркивал загородную тишину.

Арт почти не волновался. Конечно, он знал, что ему предстояло сделать минут через двадцать — двадцать пять, знал, что может остаться лежать там слева, на шоссе, знал, что эта тишина может быть последней перед сердитыми плевками базук, истерическим клеткотом автоматов, злобным шипением горящего напалма. И был равнодушен. Потому что за одиннадцать лет, что прошли с тех пор, как Мери-Лу смотрела на него пустыми синими глазами, случилось очень многое и не случилось ничего. Он уже давно не был наивным пареньком из джунглей Скарборо. Вместе с Толстым Папочкой он проделал большой путь. Он был и толкачом, сбывавшим белое снадобье таким, каким он сам был когда-то; и «прессом», выжимавшим из должников ссуды, которые они брали у Папочки под безумные проценты; и мелким служащим в «семье» Филиппа Кальвино; и «солдатом», а потом, когда Папочка стал правой рукой босса, он, в свою очередь, был произведен в «лейтенанты». И сейчас он лежал на опушке сосновой рощицы, метрах в ста от шоссе, и ждал, когда прожужжит зуммер рации.

Он снова посмотрел на часы. «Пора бы», — подумал он, и в этот момент рация ожила.

— Ты готов, Арти? — услышал он голос одного из своих «солдат», который следил за шоссе с вертолета. — А то они уже миновали поворот у восьмьдесят второй мили.

— Хорошо, — сказал Арт в микрофон. — Твой вертолет не вызвал у них подозрений?

— Как будто нет. Скорость такая же, около девяноста в час, всего одиннадцать машин. Передняя и задняя — полицейские.

— Хорошо. Двигай на лужайку, только не виси над шоссе.

— Слушаюсь.

— Давай, а я вызываю Джефа. Джеф, Джеф...

— Да, мистер Фрисби, я готов, — отозвался уже другой голос, молодой и охрипший от волнения.

— Твой вертолет в порядке?

— Да, мистер Фрисби, все в порядке.

— Пора, Джеф. Через несколько минут они появятся. Ты идешь, как мы это отработывали на репетиции, метрах в двадцати над шоссе прямо на них и открываешь огонь только по передней машине. Причем метров с двухсот, не раньше. Все зависит от тебя, Джеф. Ну, с богом.

— Я не подведу, мистер Фрисби.

* * *

Водитель головной машины конвоя, немолодой уже сержант, привычно бросил быстрый взгляд в зеркальце заднего обзора, все ли сзади в порядке. Дистанция нормальная, как договаривались, скорость девяноста миль в час — самая подходящая скорость. И риска нет лишнего, и моторы не рвешь, и не ползешь, как черепаха. Как, например, всегда ездит Майк Фернандес. И еще делает из этого принцип. «Я, — говорит, — в ваших гонках не участвую. Не желаю шею ломать». Может, он, конечно, и прав. Шею ломать никому не хочется. С другой стороны, что он имеет за свою осторожность? Зарплату? Многое из нее сделаешь, как же. Вон сын его, говорят, уже из второго класса выскочил, все науки преуспел. Ну и сиди в джунглях. Не морфий, так кокаин, не кокаин, так ЛСД, не ЛСД, так белое снадобье. А не наркотики, сопьется. А чем еще кончают в джунглях? Тут хоть знаешь, за что работаешь. К одной зарплате еще три идет. Нет, что ни говори, а с синдикатом можно иметь дело. Важно знать свое место и не лезть. Я-то знаю свое место.

Привычный взгляд сержанта замечает далеко впереди вертолет, скользящий почти над самым шоссе навстречу им.

— Опять полиция, — бормочет он.

Человек, сидящий рядом с ним, поправляет лежащий на коленях автомат и поднимает бинокль. Цвета полицейские. Но что-то он слишком низко идет.

— Ну-ка, ребята, — командует он, не поворачивая головы, двум полицейским на заднем сиденье, — приготовьтесь на всякий случай. Что-то слишком низко он идет.

Внезапно вертолет начинает набирать высоту, и в то же мгновение на машину обрушивается дробный град. На ветровом стекле, словно в ускоренной киносъемке, мгновенно распускается цветок. Маленький цветок с лепестками-лучиками, а в середине дырочка. И сползает с сиденья водитель-сержант, который знал свое место в мире и не лез, куда не положено.

Машину заносит, еще мгновение — и она перевернется, но человек рядом с водителем успевает схватить руль и выправить автомобиль. Слышен скрежет тормозов и частая дробь выстрелов. Господи, если бы не этот сержант, не этот человеческий мешок, что мешаает пересечь за руль, он бы сейчас дал газу и, даст бог, проскочил бы. Он ищет ногой тормоз, находит его и останавливает машину. Полицейские выскакивают, словно пробки из бутылок, бросаются на бетон и, падая, уже открывают огонь из автоматов.

Вертолет уходит вверх, но вот он странно дергается, словно наткнулся на невидимую стену, останавливается на долю секунды и начинает все стремительнее скользить вниз. Не ровно и плавно, старомодным книксеном, а боком, нелепо, с треском касается он бетона и тут же вспыхивает, обволакивается оранжево-рыжим дымом.

Ухают базуки, захлебываются пулеметы и автоматы. По полотно шоссе ползет человек. Он не слышит воя и грохота, не чувствует запаха гари и дыма, не видит горящий металл и бегущих к стоящим машинам людей. Он ползет, он занят важным делом — куда-то доползти, где не будет рвущейся боли и не будет с каждым усилием с насосным влажным чавканьем течь из него кровь. Он так занят своим единственным во всем мире делом, что не видит, как с ревом срывается с места одна из уцелевших машин и проносится через него. Теперь он уже не ползет. Он уже освободился от своих забот, хотя кровь еще сочится, окрашивая серый бетон. Бетон пыльный, и смачивается плохо, но крови достаточно, и он постепенно краснеет...

* * *

Нападавшие добивают раненых, рыжехвостый напалм ползет по искореженному металлу...

Арт посмотрел на часы — с момента первого выстрела прошло всего четыре минуты. Ни одной встречной машины, ни одной машины сзади. Молодцы. Это уже дело Карпи.

Двое «солдат» тащат металлические опечатанные ящики. Что и говорить, семейка Коломбо понесла сегодня изрядный ущерб. Судя по величине конвоя, в ящиках должно быть не меньше полумиллиона НД. Впрочем, Арта это уже касается меньше всего. Это уже высокая дипломатия, тонкая игра. Это дело дона Кальвино, Папочки и всех их советников. Кто-то, конечно, на них у Коломбо работает. Иначе как бы они узнали о сегодняшнем конвое? Мало того, человек этот, видно, не маленький, если знает о такой операции. Да и приладить под машину радионаводчик — это тоже надо уметь. Машины ведь перед серьезным конвоем проверяются ох как строго.

— Все? — спрашивает Арт у помощника. — Какие потери?

Помощник вытирает рукавом пот. В безумных еще глазах появляется осмысленное выражение:

— Шестеро убиты, восемь ранено. Раненых потащили к лужайке.

— А трупы?

— Сейчас...

— Пойдем, — кивает Арт. — побыстрее. И позови кого-нибудь, у кого еще остался напалм.

Они поджигают трупы и, не оглядываясь, бегут к опушке леса. Лес встречает их сосновой пахучей торжественностью, тишиной, и не поймешь, то ли ветка сухая трещит под ногой, то ли потрескивают, лопаясь от жара, человеческие тела на сером бетоне шоссе.

Солдаты стоят на лужайке молча, слышен лишь захлебывающийся шепот одного из раненых:

— Боже, боже, боже, боже...

Господь, наверное, помогает ему, потому что он вздрагивает и затихает.

Над верхушками сосен скользит вертолет, медленно садится, прижимая траву к земле упругим воздушным потоком.

— Сначала грузите раненых, — коротко бросает Арт. И несколько раз разводит и сводит плечи. Он всегда делает так, когда хочется снять усталость и напряжение после трудного дня.

* * *

Вечером он лежал в ванне, наслаждаясь горячей водой, и дремал. Вот вода начала остывать, и он открыл кран. Он наслаждался горячей водой и вдруг почувствовал прилив безотчетного отчаяния. Это случилось не в первый раз за последние месяцы, но сегодня отчаяние было особенно острым. Это было даже не отчаяние. Казалось, в уютном привычном помещении вдруг открылась дверь, о которой он раньше и не подозревал, и в распахнутых створках бездонным мраком предстало ничто. Бесконечно холодное, бесконечно равнодушное, бесконечно близкое ничто. И сжималось сердце, и было чего-то жаль, что-то безвозвратно уходило, и все теряло смысл и привычные ценности.

Он уже знал по опыту, что приступы эти проходят. Нужно лишь набраться терпения и покорно ждать, пока не отпустит сердце, пока не захлопнется незнакомая дверь.

— Тебе не нужно чего-нибудь? — услышал он голос Конни. — Ты там не заснул?

Арт не отвечал, и Конни запела:

Мы уйдем туда вместе, уйдем навсегда,

Где останется радость и...

— Заткнись, — заревел Арт, и щебетание прекратилось.

Приступ прошел. Можно было дышать, но какое-то легкое неуловимое беспокойство все же оставалось.

Он вылез из ванны и посмотрел на себя в зеркало, пожал плечами, встретив тяжелый, почти не мигающий взгляд.

Он вытерся, набросил халат и вышел из ванной. Конни была тут как тут. Маленькая, круглая, заискивающе улыбающаяся — точь-в-точь ласковая дворняжка.

— Сядь, Конни, — сказал Арт.

— Хорошо, — она торопливо метнулась к стулу. — Я только хотела подать тебе кофе. Ты ведь любишь кофе после ванны.

— Я люблю кофе, но не люблю тебя, — медленно сказал Арт. Эта девчонка была слишком счастлива. Счастлива и беззаботна, не имея на это права. Имела право другая, но он никогда не сможет сделать ее ни счастливой, ни беззаботной. Потому что она до сих пор смотрит на него пустыми синими глазами, и одна туфля так и зацепилась на ее ноге, не упала.

Он давным-давно запретил себе вспоминать Мери-Лу. В конце концов, что вспоминать прошедшее? Одиннадцать лет не один день. Но она не отпускала его. Нет, не так. Неверно. Это он не отпускал ее, это она нужна была ему, а не наоборот. Зачем — он не знал, но предчувствовал, что без нее дверь с бездонным мраком открывалась бы чаще и все жаднее заглядывал бы он во влажный, плотный и промозглый мрак.

Конни смотрела на него испуганными глазами. Они были зеленоватого цвета и не пусты. Нет, она не имела права быть даже испуганной. Она не имела права вообще быть.

Что-то с ним не так, не может такое думать нормальный человек. Ну, не нравится тебе женщина — выгони ее. Но думать так, как он... Эдак можно и рехнуться...

— Чем я провинилась? — в глазах Конни начали взбухать две слезинки.

— Да ничем, — пожал плечами Арт. — Просто тем, что ты есть, и поэтому тебе нужно уйти отсюда. Совсем. Навсегда.

Всю ночь он то засыпал, то просыпался. Станные невоспроизводимые сны мучили его, многократно повторялись, и каждый раз он открывал глаза вместе с пропущенным ударом сердца. Мир, потрепетав мгновение-другое на границе сна и бодрствования, неохотно принимал обычные очертания...

Глава II

Папочка сиял. Лучились не только маленькие глаза, лучилось все его необъятное лицо, вся фигура. И даже сигара дымилась торжественно.

— Сейчас подойдет дон Кальвино, чтобы самому пожать тебе руку, а пока его нет, я хочу пожать руку сам себе. Одиннадцать лет тому назад я в тебе не ошибся.

— Спасибо, Папочка, — вежливо ответил Арт, и тут же в комнату вошел босс, глава уотефоллской семьи, дон Филипп Кальвино. Он кивнул Арту и протянул ему руку.

— Молодец. Жаль, что ты не из нашего рода. Я бы гордился таким сыном. Знаешь, сколько было в тех двух ящиках? Папочка, ты молчи. Я хочу, чтобы Арт сам угадал. Так сколько?

— Ну... — Арт пожал плечами, — вчера я думал, что, судя по величине конвоя и тяжести ящиков, там должно быть не меньше полумиллиона НД. Но, судя по вашему лицу, дон Кальвино...

— Так сколько? — нетерпеливо спросил дон Кальвино.

— Тысяч семьсот, — неуверенно сказал Арт, чувствуя, что добыча была больше, но что старику будет приятно, если он занизит сумму.

— Как бы не так, — усмехнулся дон Кальвино и хитро

подмигнул Арту. Похоже было, что он видел его немудреную игру насквозь, но все равно она была приятна ему. — Как бы не так. Миллион двести. Коломбо не скоро забудет этот день. — Старик замолчал и внимательно посмотрел на Арта, потом на Папочку. — Арт, — сказал он, — вчера ты хорошо поработал и многое сделал для своей семьи, но сегодня мы хотим тебя просить еще о большем. Если ты почувствуешь, что не можешь или не хочешь выполнить новое поручение, скажи об этом прямо, никто не попрекнет тебя. Кроме нас троих, никто об этом разговоре не узнает. Папочка, комната проверена?

— Последний раз полчаса тому назад. Все чисто. Нигде ни микрофона.

— Хорошо. Тогда слушай, Арт, внимательно, и если тебе хоть что-нибудь непонятно, смело перебивай меня. Как ты думаешь, откуда мы узнали о вчерашнем конвое? Мало ли сколько конвоев проходит по шоссе за день...

— Мне подумалось, что кто-то в Скарборо работает на нас. А скорее всего даже не в Скарборо, а в самом Пайнхиллзе, потому что о конвое с миллионом двести тысяч НД может знать не каждый лейтенант.

— Правильно, Арт. Ты умный человек. Умнее даже, чем требуется от простого лейтенанта, — старик лукаво улыбнулся. — Но это тебя смущать не должно. Если все будет хорошо, ты станешь самым молодым в стране советником семьи. Но не будем отвлекаться. Ты прав, в Пайнхиллзе под самым боком у Коломбо работает наш человек. Это он сообщил о вчерашнем конвое, он прикрепил к одной из машин радионаводчик. Это уже не первый раз он передает нам такую важную информацию. Но скажи мне, если ты догадался, что там есть наш человек, мог ли об этом догадаться Коломбо? Ведь он вовсе не глуп, этот Джо Коломбо, и он, безусловно, догадывается, что среди его окружения наш агент. Вчерашний день не оставит ему никаких сомнений. Человек наш замаскирован отлично, но Коломбо и в особенности его первый советник Тэд Валенти будут землю носом рыть. Они будут подозревать всех и каждого. Он не то что рентгеном всех просветит, вывернет каждого наизнанку и своими руками перещупает. А наш человек должен избежать подозрений. А это нелегко. Мало того, он передал нам еще месяц тому назад, что Валенти стал относиться к нему с некоторой подозрительностью. Короче говоря, перед нами три пути. Первый — ничего не делать, сложить руки и ждать, пока Валенти не докопается до чего-нибудь и погубит нашего человека. Второй — дать команду нашему человеку немедленно сматывать удочки из Пайнхиллза. Не говоря уже о том, что мы лишаемся ценной информации, мы ставим под угрозу само существование нашей семьи, потому что, если оценивать объективно, семья Коломбо раза в два сильнее нас и богаче. Если до сих пор он еще не сделал попытки начать против нас тотальную войну, то, можешь не сомневаться, он сделает это. И мы будем почти беззащитны без разведки. И, наконец, третий путь. Мы можем попытаться подсунуть Коломбо дезинформацию, сбить его со следа, назвать ему совсем другую фамилию и тем самым обезопасить и на-

шего человека, и всю семью. Какой план ты считаешь наиболее приемлемым?

— Третий, — сказал Арт.

— И ты согласился бы участвовать в его исполнении?

— Да.

— Даже с риском для жизни?

— Да.

— А ты не знал случайно, что в молодости у Тэда Валенти было другое имя?

— Нет.

— Когда еще был толкачом в Скарборо, он называл себя Эдди Макинтайром...

— Почему вы не сказали мне об этом раньше, дон Кальвино? — спросил тусклым, сонным голосом Арт. Голос был маскировкой. Арт уже давно научился скрывать свои чувства. И теперь, когда сердце у него дернулось и понесло, словно спринтер, он по-прежнему сохранял спокойствие.

— Потому что сделать раньше что-либо было нельзя, а вбивать своим людям гвозди в сердце я не люблю. — Дон Кальвино пожал плечами. — Теперь другое дело. Слушай внимательно. Представь себе, что ты поссорился с кем-либо из нас. Не просто поссорился, а даже убил кого-нибудь. И даже успел бежать. Ну, скажем, в Скарборо. И наши люди попытались бы тебе отомстить там, но у них не вышло бы. Представь далее, что ты в опасности. Друзей у тебя там нет. Ты идешь в полицию и просишь защиты. Они там не дураки и понимают, что, если член чужой организации ищет защиты у полиции, он хочет познакомиться с хозяевами полиции. Сказать, что полиция подчиняется Джо Коломбо, было бы, конечно, преувеличением. В полиции, конечно, понимают, что, попади они в полное подчинение такому скопидому, как глава скарборской семьи, не то что не заработаешь — половину своих денег отдавать придется. Так что точнее будет сказать, они сотрудничают. Итак, полиция сообщает о тебе в Пайнхиллз, и кто-нибудь оттуда, естественно, выражает желание побеседовать с тобой. Скорее всего это будет сам Джо Коломбо и его сын. В таких делах они доверяют только себе. Всего, что происходит тут у нас в Уотерфолле, ты, конечно, знать не можешь, ты ведь всего лейтенант, хотя и приближенный к старому Кальвино. Ты даже командовал нападением на конвой. Точно ты не знаешь, но слышал намеки, будто в Пайнхиллзе кто-то работает на семью Кальвино. Кто именно, ты даже представления не имеешь. Вот разве что... ты вспоминаешь, будто слышал, скажем, в разговоре между мною и Папочкой упоминание о каком-то человеке. Ты вспомнишь, как совсем недавно Папочка позвал тебя к себе и, когда ты входил, услышал, как он разговаривал со мною. Я спрашивал его: «А не слишком часто он бывает у этой бабы?» А Папочка засмеялся в ответ: «Он у нас человек не пылкий. Два раза в месяц как по расписанию». Ты сможешь запомнить эти две фразы?

— Да, — кивнул Арт.

— Больше, хоть режь, ты ничего не помнишь. Можешь, конечно, рассказывать обо мне, Папочке, других — это они и так знают. Они кинутся проверять, кто из окружения главы

семьи ездит к знакомой дважды в месяц. И можешь не сомневаться — найдут. Это уж точно — найдут. И как ты можешь догадаться, этим человеком окажется Эдди Макинтайр, он же Тэд Валенти. Конечно, старику будет трудно сразу поверить, что его ближайший помощник предатель, но старик реалист. Иначе он не был бы главой семьи. Агент наш, имя которого мы тебе даже не называем, чтобы ты при любом нажиме не назвал его, будет в безопасности, а твой старинный приятель получит удавку на шею или пулю в лоб. Ты согласен, Арти?

— Да, дон Кальвино.

— Тогда Папочка изложит тебе детали...

* * *

Арт сидел один за столиком, положив подбородок на ладонь. Бармен нажал кнопку автомата, и легкая грустная мелодия старинной песни заскользила вдоль обшитых темными дубовыми панелями стен. В стакане с янтарным виски таяли кубики льда, но лень было даже изменить позу, не то что поднять стакан.

Песенка сжимала сердце. Чего-то было бесконечно жаль, что-то потерялось безвозвратно, осталось где-то позади, там, куда уже не вернешься. Через столик от него. Папочка, блаженно зажмурив глаза, покачивал головой в такт мелодии, и лоснящиеся его чудовищные щеки плавнo колыхались в медленном танце. Обычно шумливый, Сарди Колла, сидевший за его столом, тоже притих и задумчиво смотрел перед собой невидящим взглядом.

Патрик Кармайкл, такой же лейтенант, как и Арт, был уже пьян. Глаза его были налиты кровью, лицо побагровело. Внезапно он встал, с минуту постоял, с пьяной сосредоточенностью разглядывая Арта, потом спросил тихо и почти ласково:

— Ты, говорят, выгнал Конни?

«Что это, — подумал Арт, — всерьез он или так задумано? Папочка не сказал мне заранее, с кем я должен буду поссориться. Как он сказал? «Чтобы не лишать сцену непосредственности».

— Да, — сказал Арт.

— Почему?

— А тебе что за дело? — Арт почувствовал поднимавшееся в нем раздражение. По сценарию это идет или не по сценарию, но его-то какое собачье дело?

Кармайкл задумчиво пожевал нижнюю губу, прищурил глаза и так же тихо, но уже менее ласково сказал:

— А то, что я ее двоюродный брат.

— Ну и что? Да хоть бы ты был ее мамочкой. Или бабушкой. Или ты следишь за моей нравственностью? Топай за свой стол и оставь меня в покое, следи за ее нравственностью. Это серьезная работа. На весь день. И даже на ночь.

— Я бы простил тебе, если бы ты оскорбил меня, но ты выгнал Конни. Ты подлец, — Кармайкл поднял голос, — ты не знаешь, что такое честь...

Музыка замолкла. Головы присутствующих медленно повернулись к столику Арти.

— Хватит, ты пьян, проваливай, — брезгливо сказал Арт.

— Сволочь, — громко и неожиданно отчетливо отчеканил Кармайкл. — Мало того, что ты сделал с Конни. Ты еще и обо мне говорил...

Папочка начал вставать, задел животом столик, и стаканы брызнули радужными осколками.

— Прекратить! — крикнул он. — Всем выйти! Остаться Кармайклу и Фрисби. Надрались, мерзавцы...

Загрохотали отодвигаемые стулья, и люди, оглядываясь, стали выходить из бара.

— Прохвост, сын шелудивой суки, ты еще поползаешь у меня в ногах! — гремел Кармайкл, а Арт начал медленно вставать, не спуская взгляда с лейтенанта.

— Стоп, Арт, дай-ка твой пистолет! — приказал Папочка, и Арт покорно отдал ему оружие.

— Ну как, Папочка, как я сыграл? — спросил вдруг Кармайкл и подмигнул Арту. — Все правильно?

— Все, — улыбнулся Папочка и поднял пистолет Арта. — Продолжим уж инсценировку до конца. — Он прицелился в Кармайкла и нажал на спуск. Грохнул выстрел, и лейтенант с довольной улыбкой начал медленно оседать. На лбу у него появилась маленькая дырочка.

— Беги, — прошептал Папочка Арту, сунув ему в руку пистолет.

Арт бросился к двери, а Папочка толкнул спиной столик и упал на ковер.

Когда в бар снова вошли, Папочка застонал, с трудом сел, упираясь в ковер руками, и помотал головой.

— Что случилось? — крикнул Сардж Колла, заметив распростертую фигуру Кармайкла. Он стал на колени и приложил ухо к груди. — А вы целы, Папочка?

— Более или менее. Хорошо, что этот выродок не спутал меня с Кармайклом. Схватили его?

— Фрисби? Господи, да никто, наверное, в суматохе и не сообразил задержать его. Эй, кто там ближе к двери, поглядите, где он.

— Вот сволочь, вот сволочь, — шептал Папочка, глядя на труп Кармайкла. — Это ж надо, это ж надо, — помотал он головой, словно никак не мог поверить своим глазам. — Из-за какой-то девки продырявить товарища... Вот подлец, вот сволочь... Ей-богу, от себя заплачу тысячу НД тому, кто схватит его... А я его еще тянул, верил в него... Сардж...

— Да, Папочка?

— Он как будто женат? — Папочка кивнул на нелепо скорченное на полу тело Кармайкла.

— Да.

— Вот сволочь, — снова сокрушенно прошептал Папочка. — Пока ничего ей не говори. Я сам к ней съезжу.

Глава III

Арт добрался до Скарборо только к утру. Ночью никто не хотел ехать, а свою машину он бросил на окраине Уотерфолла. В конце концов какой-то молодой таксист с глазами начинающего нарка согласился довезти его до Скарборо за фантастическую сумму в триста НД. «Это даже и лучше, — подумал Арт, устало плюхаясь на сиденье. — Если они захотят

проверить и найдут эту машину и шофер подтвердит, что содрал с меня триста НД, они увидят, что я не вру».

Старенькая машина, дребезжа, мчалась по шоссе, и Арт, закрыв глаза, снова и снова видел, как Кармайкл подмигивает ему и спрашивает: «Ну как, Папочка, как я сыграл свою роль?»

* * *

На мгновение ему захотелось поискать комнату где-нибудь около того дома, где он жил когда-то, но он тут же понял, что это было бы неправильно. Он ведь не круглый идиот и понимает, что такие вещи, как хладнокровное убийство товарища, члена семьи, да еще в присутствии заместителя босса, на которого он тоже поднял руку, даром не проходит. Его должны найти и должны убить. Почему он прячется в Скарборо? Да потому, что это уже территория семьи Коломбо и здесь люди Кальвино, особенно после последнего нападения на конвой, слишком спокойно себя чувствовать не будут. Отсидит в берлоге месяц-другой, пока уляжется пыль, а там можно попытаться и вообще дунуть куда-нибудь подальше, где и слыхом не слыхали о семейках Кальвино и Коломбо.

Он увидел средней руки отель под названием «Башня». Он нашел телефон-автомат, бросил три монетки, попросил Уотерфолл и, когда ему ответили, произнес лишь одно слово «Башня».

Портье за стойкой в гостинице перестал что-то жевать и равнодушно уставился на Арта.

— Мне нужен номер.

— Пожалуйста, — портье кивнул и щелчком ногтя направил к Арту бланк. — Вот, заполните.

— Номер, не соединяющийся с соседними комнатами. Без балкона и с хорошим замком на двери. И не ниже пятого этажа.

Портье по-птичьи склонил голову на плечо и посмотрел снизу вверх на Арта.

— Хорошо, сэр.

— И мне нужно, чтобы кто-нибудь приносил мне жратву из ресторана.

— Хорошо, сэр. Ваши вещи?

— Они еще не прибыли, — пожал плечами Арт, взял ключ с большой медной грушей и пошел к лифту.

— Шестой этаж! — крикнул портье. — У нас лифт без лифтера. Может быть, вам что-нибудь нужно? У нас есть первоклассные успокаивающие средства.

— Спасибо, — кивнул Арт. — Да, кстати. Чуть не забыл. Если кто-нибудь будет вас расспрашивать, не видели ли вы человека, похожего на меня, вы ответите, что не видели. Так будет спокойнее и для меня и для вас. А если вам посулят какие-то деньги, прибавьте к этой сумме десять процентов и предъявите мне счет. Вы проценты высчитывать умеете?

— Да, сэр, — подобострастно и одновременно испуганно кивнул портье.

Арт захлопнул за собой дверцу шахты. Лифт поплыл вверх,

по-стариковски побряхтывая и пощелкивая суставами на этажах, пока не замер на шестом.

Комната неожиданно оказалась вполне сносной, именно такой, какую он хотел найти. Он сбросил ботинки и, даже не снимая пиджака, рухнул на кровать и почти тут же уснул.

Первые два дня прошли спокойно. Он смотрел телевизор, спал, снова смотрел и снова спал. Еду ему приносил мальчонка-посыльный. Арт сразу договорился с ним, чтобы он стучал в дверь условным стуком: два удара быстрых и два с паузами. На третий день вечером, когда он ждал ужина, раздался обычный стук в дверь.

— Ты? — спросил Арт, подходя к двери.

— Я, — раздался голос мальчика, и ему почудилось, что был он каким-то странным, сдавленным.

Арт усмехнулся, достал из кармана пистолет, стал спиной к стенке, повернул ключ. В дверь снаружи чем-то ударили, должно быть ногой, и в комнату ворвались двое. Арт, не целясь, несколько раз нажал на спуск. Выстрелы, казалось, не умещались в маленьком номере. Горьковато запахло дымом. Один из людей выругался вполголоса, и они исчезли, захлопнув дверь. Арт постоял с минуту, прислушиваясь к тихому всхлипыванию в коридоре. Наконец он приоткрыл дверь. Мальчишка сидел, прислонившись спиной к стене, и закрывал лицо руками.

— Ты жив? — прошептал Арт.

— Да-а, — всхлипнул посыльный. — Они увидели, как я шел с едой, и заставили меня идти перед собой. Они сказали, что, если я сделаю что-нибудь не так и вы не откроете дверь, они с меня шкуру сдерут, не целиком, а полосками. А еда на полу. Пять НД, а в чем же я виноват?

— Ни в чем, — сказал Арт. — Вот тебе десятка. И перестань реветь. — Он сообразил, что все еще держит в руке пистолет, и засунул его в карман. Он оглядел коридор, и несколько чуть-чуть приоткрытых дверей тут же захлопнулись.

— А как же вы? Голодный останетесь?

— Зачем голодный? Ты мне опять принесешь что-нибудь. Не бойся, больше они не сунутся.

— А они... это ваши враги?

— Кто знает, — пожал плечами Арт. — В наше время не знаешь, кого бояться больше, друзей или врагов.

Арт вернулся в комнату и позвонил портье.

— На меня только что было произведено нападение, — скучным голосом сказал он. — Вы случайно не посылали наверх этих двух джентльменов?

— О чем вы говорите? — фальшивым и испуганным голосом сказал портье. — Я никого никуда не посылал. У нас приличный отель.

— Значит, вы все-таки не умеете высчитывать проценты...

— Я вас не понимаю, — пробормотал в трубке голос портье.

— Вы меня прекрасно понимаете, дружочек. И все-таки мне интересно: или вы действительно не умеете рассчитывать проценты, или вы предпочитаете наличные обещанным?

— Я вас не понимаю...

Арт положил трубку. Можно, конечно, было подождать, пока портье сообщит в полицию. Но он может струхнуть — сам послал наверх двух джентльменов, показавших ему, наверное, одновременно три предмета: пистолет, фотографию Арта и купюру в двадцать пять НД.

Он спустился вниз и минут через десять сидел уже в участке напротив дежурного сержанта.

— Нападение, вы говорите? — лениво пробормотал сержант. Он был похож на снулую рыбу. — А откуда вы знаете, что это было нападение?

— А как еще назвать, когда к тебе в комнату врываются два человека с оружием?

Сержант необычайно бережно нес сигарету с длинным столбиком беловатого пепла к пепельнице. Казалось, от того, донесет ли он пепел или просыплет на большой, покрытый стеклом стол, зависит очень многое. Пепел благополучно оказался в стеклянной пепельнице, и сержант спросил:

— Вы ожидали нападения?

— Да.

— Почему?

— Потому что ожидал.

— Мистер, — угрожающе сказал сержант, — вы говорите не тем тоном. Я вас спрашиваю: почему вы ожидали нападения?

— Я приехал из Уотерфолла.

— Ну и что? Да хоть бы с Луны, какое это имеет отношение.

— Имеет. Вы знаете, в чем разница между Уотерфоллом и Скарборо? — Арт посмотрел на сержанта пристальным и многозначительным взглядом.

— Да, — неопределенно кивнул сержант. — Уотерфолл — это не Скарборо, и наоборот.

— Мне казалось естественным, — продолжал Арт, — что, если у меня неприятности в Уотерфолле, я лучше всего могу отсидеться в Скарборо. Но, кажется, у меня ничего не случилось, и сейчас я сидячая утка. А я не люблю, когда по мне стреляют, да еще прицельно...

Сержант переправил вторую порцию пепла в пепельницу, по барабанил пальцами по стеклу и сказал:

— Знаете что, я лучше доложу о вас дежурному офицеру, а вы уж сами с ним поговорите.

Сержант отвел Арта в небольшую комнатку, и вскоре туда явился совсем молоденький полицейский лейтенант. Он вошел быстро, легко, словно пританцовывая, распространяя вокруг себя запах туалетной воды. Лицо его было розово и старательно-серьезно.

Он уселся за стол, немного поиграл телом: поежился, расправил плечи, погладил ладонями грудь. Должно быть, он хотел показать, как он устал и как тяжело работать каждый день, охраняя общественный порядок в Скарборо.

— Имя? — наконец спросил он.

— Арт Фрисби.

— Место жительства?

— Уотерфолл. А точнее, ОП Грин-Палисейд.

Лейтенант быстро взглянул на Арта.

— Значит, у мистера Кальвино? — уже с некоторой почти-тельностью спросил он.

— Выходит, так.

— И вы сами приехали в Скарборо? По своей воле?

— Я уже говорил сержанту, у меня там были неприятности.

— С боссом?

— Почти.

— И вы прятались в Скарборо?

— Я все это уже объяснял сержанту.

— И вы сами пришли сюда в участок?

— Да.

— Сразу после попытки нападения на вас?

— Да.

— А как вы осмелились высунуть нос на улицу? — подозрительно спросил лейтенант. — Они ж вас могли поджидать где-нибудь около отеля.

— Вряд ли сразу после нападения. Они могли рассуждать как вы. К тому же не забывайте, что они все-таки из Уотерфолла, а здесь они чувствуют себя далеко не дома. И еще. Одного я, похоже, все-таки задел.

— Ладно, — вздохнул лейтенант, — вы тут посидите, вот вам вечерняя газета, а я свяжусь с начальством.

Он вышел, и Арт услышал, как щелкнул замок дверей. Он встал, потянулся, подошел к двери, подергал — и впрямь заперта. Он развернул газету. На первой полосе было фото десятка искореженных и обгорелых машин. Над фото заголовок: «Новые данные о нападении дорожных бандитов на конвой из Скарборо». Новое заключалось в том, что в конвое были почтенные сотрудники нескольких солидных фирм из Скарборо, которые возвращались домой после служебной поездки. Ни слова, конечно, о Коломбо и ни слова о Кальвино.

Арт зевнул и отложил газету. Он не волновался. Пока все шло хорошо, все шло как задумано. У Папочки даже не голова, а электронно-вычислительная машина. Пока он кругом прав. Удивительное дело, столько жира у одного человека, а мозги что надо.

Снова щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и розовый лейтенант кивнул Арту.

— Пойдемте, внизу ждет машина.

— Куда вы меня повезете? — подозрительно спросил Арт.

— Не волнуйтесь, мистер Фрисби. Вы же прекрасно понимаете, что в участке мы вас долго держать не можем. Мы хотим вам помочь избежать повторного покушения на вас. Конечно, мы могли бы пока сунуть вас в тюрьму, но это, согласитесь, не лучший вариант.

— Я тоже так думаю, — буркнул Арт.

— Поэтому-то мы отвезем вас на одну охраняемую ферму, где вы сможете переждать кое-какое время.

— Это было бы неплохо, — Арт бросил быстрый настороженный взгляд на лейтенанта, — но что-то мне не верится...

— Мистер Фрисби, — раздраженно сказал лейтенант, — нас ждут. Вы слишком подозрительны.

— Может быть, — пожал плечами Арт. — Иначе я бы не разговаривал сейчас с вами.

— Почему?

— Потому что был бы уже давно там, где нет званий.

— Нет званий? Где это? — лейтенант с любопытством посмотрел на спутника. Он, очевидно, никак не мог допустить, что есть такие места, где он не мог бы красоваться своей формой.

— На том свете...

Длинная мощная машина стояла прямо у подъезда, и, прежде чем Арт успел сообразить что-либо, он уже сидел на заднем сиденье, и на запястьях у него серебряно блестящие наручники. С обеих сторон его сжимали две молчаливые фигуры. Под тонкими пиджаками и брюками перекачивались металлические мускулы. Тела их были горячи, словно были только что выкованы и еще не успели остыть.

Машина шла почти бесшумно. Двое по бокам Арта молчали, лишь у одного что-то булькнуло в желудке. Чересчур спокойным быть тоже не годилось. «Надо показать, что я нервничаю, — подумал Арт. — А то может создаться впечатление, что я догадываюсь, куда меня везут. А это не годится. Самое страшное, если с самого начала они меня заподозрят. Один раз нужно спросить. Но два — это было бы уже глупо и нарочито. Один».

— Послушайте, — сказал Арт, прекрасно зная, что ему ничего не ответят, — что все это значит?

Он не ошибся. Ему ничего не ответили. Генератор тепла слева пошевелил ногой и коснулся случайно ляжкой ноги Арта. Ляжка была нечеловечески твердой, и Арту на мгновение показалось, что рядом с ним вовсе не люди, а роботы.

Должно быть, он в конце концов задремал, потому что вдруг почувствовал, как у него затекла шея.

Машина замедлила ход, свернула с шоссе куда-то в сторону, несколько минут плыла в кромешной тьме, освещая себе путь фарами, свернула еще раз и очутилась у ярко освещенных ворот.

Сосед Арта справа молча и ловко ощупал его, вытащил из кармана пиджака пистолет и снова застыл в неподвижности, словно у него кончился завод.

Дверцы машины распахнулись. Сильный луч электрического фонарика на мгновение ослепил Арта и потух. Видно было, что машина стоит у металлического массивного шлагбаума. Вот машина тронулась, остановилась еще перед одним шлагбаумом, нырнула в длинный туннель из сосен, подъехала к приземистому белому зданию и затормозила. Открылись двери, брызнул яркий свет, и чей-то голос спросил:

— Привезли?

— Да, — ответил человек, сидевший рядом с водителем.

— Обыскали?

— Чист.

— Давайте его быстрее. Босс ждет.

Глава IV

Джо Коломбо, глава гангстерской семьи Скарборо, строго говоря, не являл собой фигуру необыкновенную. Он не был ни отчаянным храбрецом, ни хитроумным стратегом, ни безжалостным палачом. В равной степени он не был ни трусом, ни глупцом, ни добряком. Он был обыкновенным человеком, изучившим лишь в совершенстве правила игры, царившие в том мире, в котором он жил. Он никогда не нарушал этих правил, всегда следовал им и постепенно сделался их символом, хранителем традиций, олицетворением того порядка вещей, который создал его и который он укреплял.

Он никогда не суеился, сохранял спокойствие, работал тщательно и никогда не оставлял недоделанных начинаний, ибо прекрасно знал, что неоконченное дело имеет иногда тенденцию превратиться в неожиданную автоматную очередь.

Были в семье люди более сильные, чем он, более храбрые. Стрелявшие лучше. Умевшие лучше, чем он, организовать нападение на конвой или убрать провинившегося толкача. Да, на отдельных дистанциях он мог и уступать другим, но в сумме многоборья он был недосягаем и потому уже много лет возглавлял семью.

Теперь ему предстояло серьезное испытание. Может быть, самое серьезное из тех, с которыми приходится сталкиваться главе семьи. Предстояло определить, кто из тех нескольких человек, которые составляли его ближайшее окружение, стал предателем. Он знал, что поручить это расследование кому-нибудь еще нельзя, потому что он и только он должен собственноручно выполоть сорную траву, пока она не заглушила всего поля, возделываемого им уже больше четверти века. Да и кому поручить, если он не знает, кто продал его семью, и сам расследователь может оказаться как раз тем, кого они ищут. Разве что сыну... Нет, он должен найти его сам.

Вот почему он сидел сейчас перед темноволосым молодым человеком, хотя было уже около полуночи, а он обычно уже давно спал в это время. Когда тебе за шестьдесят, цепляешься за режим.

Джо Коломбо не торопился начать беседу с человеком из Уотерфолла. Он молча рассматривал его. Что-нибудь около тридцати. Лицо было бы даже приятным, если бы не угрюмость. Характер скорее всего нелегкий. По-видимому, упрям и самолюбив, вспыльчив. В последнем можно не сомневаться. Вряд ли кто-нибудь из членов семьи решит дезертировать по трезвому размышлению: он будет обречен на месть своей семьи и постоянное подозрение новой семьи. Предателя могут ценить, но доверять — никогда. предавший раз может предать и во второй. Предатель только тогда перестанет быть предателем, когда занимает место того, кого он предал. Как раз это, очевидно, не прочь бы сделать и та змея, что где-то ползала сейчас по Пайнхиллзу. Сначала хочет ослабить его, Коломбо. Одно нападение на конвой, другое. Один провал, второй, третий, десятый. Случайность раз, случайность два, а потом пойдут разговоры. Стар стал, уже не тот. Ни одной операции спланировать не мо-

жет. А мы? Стоит ли издыхать под пулями только оттого, что старик цепляется за власть? Не пора ли? И тогда тот, кто ждал своего часа, подаст знак. Или сам прошьет его автоматной очередью. И улыбнется снисходительно. Каждому свое. Теперь его очередь.

Коломбо вздохнул, помассировал себе сердце, включил магнитофон и сказал человеку, стоявшему перед ним:

— Садись. Как тебя зовут?

— Арт Фрисби.

— Член семьи Кальвино?

— Да.

— Место в семье?

— Лейтенант.

— Кто тебя рекомендовал?

— Толстый Папочка.

— Откуда ты его знаешь?

— Я пришел к нему одиннадцать лет тому назад и сумел убедить его, что смогу быть ему полезен.

— Чем ты убедил его?

— Тем, что в девятнадцать лет я бросил белое снадобье. Сам.

— Что помогло тебе бросить?

— Девушка, которую я любил и которая любила меня, тоже была на героине и покончила с собой. Она повесилась.

— И ты...

— Я ушел из Скарборо, набрел на какую-то ферму, валялся три недели в запертом сарае. Отошел. В девятнадцать лет это иногда бывает.

— Отец, мать?

— Отец упал с лестницы и разбился насмерть. Лет двадцать, наверное, назад, а может быть, и больше. Мать умерла чуть позже.

— Значит, ты одиннадцать лет был под началом Толстого Папочки?

— Да.

— Ты был к нему близок?

— Не знаю, — пожал плечами Арт, — мне трудно судить. Наверное, он доверял мне. Мне давали ответственные задания. Я, например, командовал последним налетом на ваш конвой.

Джо Коломбо внимательно посмотрел на Арта. «Если парень не врет, — подумал он, — он может оказаться ценней, чем я подумал сначала. У Папочки в его жирных маленьких ручках все нити».

— Хорошо, — кивнул Джо Коломбо, — расскажи мне теперь со всеми подробностями о том, что случилось такого, что заставило тебя смотать удочки из Уотерфолла. Ты ведь как будто не из тех, кто перебегает с места на место.

Арт начал рассказывать о ссоре в баре. Говорил он скучным, равнодушным тоном, и Коломбо отметил про себя, что именно такие взрываются неожиданно и непредсказуемо.

— Ты хорошо запомнил момент, когда выстрелил в этого Кармайкла?

— Да, — кивнул Арт. — Безусловно. Я головы не терял. Этого со мной не бывает. Я даже знал в ту секунду, что это

конец всему. Но у меня было такое бешенство, я был готов на все...

— Гм, — усмехнулся Коломбо, — нельзя сказать, чтобы ты был очень логичен. С одной стороны, ты осознавал, что делаешь, с другой — был готов на все. Или ты действительно считаешь, что приставания пьяного стоят погубленной карьеры и риска для жизни?

«Первое впечатление, что он не врет, — подумал Коломбо. — Для лжи выбирают что-нибудь пологичнее. Впрочем, подождем пока с выводами».

Арт молча пожал плечами.

— Наверное, вы правы. Мне просто кажется, что я сознавал все... До этого я никогда не ссорился с Кармайклом. Ничего общего у нас не было.

— А ты знал, что эта девушка — Конни — его родственница?

— Понятия не имел.

— Хорошо. Расскажи мне теперь, как ты добрался из Уотерфолла до Скарборо и что случилось в «Башне»?

Арт рассказывал, а Коломбо думал о том, что уже начало второго, что давно уже пора спать, что завтра нужно кое-что проверить и лишь потом переходить к тому, ради чего он сидит в этой комнате перед этим угрюмым, вспыльчивым типом, который командовал налетом, во время которого он и его семья потеряла миллион двести тысяч НД плюс двадцать семь человек охраны. И хотя мысль о потерях была досадной, он не испытывал личной ненависти к этому Арту Фрисби. Его делом, делом Джо Коломбо, было благополучно доставить из Пейтона месячную прибыль его торговцев белым спадобьем, ростовщиков и букмекеров подпольных тотализаторов. Таков у него был приказ. И он его выполнил. Выполнил, надо сказать, здорово. И все же они никогда не смогли бы напасть на его конвой, если бы не шпион здесь, в Пайнхиллзе. Вот если бы удалось вытащить из этого парня хотя бы кончик ниточки, хоть какой-нибудь обрывок, он бы уж сумел распутать весь клубок. Но нет. Сначала нужно как следует проверить этого Фрисби. Кто знает, не подсадная ли он утка. Кальвино и особенно Папочка могут обвести вокруг пальца кого угодно. Пока им удастся даже обводить его, Джо Коломбо. Пока. Только пока.

— На сегодня хватит, — кивнул он. — Тебя, кстати, накормили?

Арт отрицательно покачал головой.

— Сейчас поешь. — Он вызвал по телефону сына и, когда тот вошел в комнату, сказал: — Во-первых, покорми человека. Стыдно, что семья Коломбо оказалась на этот раз не слишком гостеприимной. Проверь лично в «Башне», кто искал этого джентльмена и почему портье указал на его номер. Найди шофера такси — старенькое «шеви», — который вез этого джентльмена в ночь на шестнадцатое из Уотерфолла в Скарборо. Узнай, как и где похоронили в Уотерфолле некоего Кармайкла и видел ли кто-нибудь своими глазами его в гробу... Ты все понял?

— Да, отец, — кивнул профессорского вида худощавый человек в очках с толстой оправой. — Тебе пора спать.

— Я тоже так думаю, — тяжело вздохнул Джо Коломбо и поднялся из-за стола.

* * *

— Ну, Арт Фрисби, — сказал Джо Коломбо при следующей встрече, — продолжим наши беседы. Все, что ты пока мне рассказал, более или менее соответствует действительности. Меня, признаться, несколько удивляет, как это ты все-таки всплыл в баре... Ну допустим. Бывает. Вот что, сынок, ты теперь скажи мне, слышал ли ты когда-нибудь там, в Грин-Палисейде, разговоры о Скарборо, о Пайнхиллзе. Я имею в виду нашу организацию.

— Конечно, дон Коломбо. Половину времени только о вас там и говорят. Все-таки вы — главные конкуренты. Завидуют вам. У вас семья и богаче и больше.

— Это понятно, — еще раз вздохнул Джо Коломбо. Его меньше всего интересовали комплименты. — Я имею в виду разговоры, которые показывали бы, что они хорошо осведомлены о наших делах.

— Трудно сказать... Когда мы с Папочкой обсуждали детали засады против вашего конвоя, я, помню, спросил его, надежны ли сведения. Папочка весь засиял. Вам бы надо его видеть, когда он сияет. Прямо лоснится весь. «Надежны, — фыркает, — это не то слово. Надежнее надежного».

— И все?

— А что вы хотите, чтобы я спросил у него, кто именно тут у вас работает на нас? О таких вещах не спрашивают... Может быть, если бы я знал, что окажусь у вас, разве что тогда.

— Это ты верно говоришь, Арт Фрисби. Но все-таки напряги свою память, может быть, какое-нибудь имя, намек, обрывок фразы, что-нибудь...

— Я ж вам сказал, дон Коломбо, я все-таки был только лейтенантом...

— Ты знаком одиннадцать лет с Папочкой, а это кое-что да значит. Ты не рядовой лейтенант. Ты же говоришь, что тебе намекнули о месте советника...

— Да, дон Коломбо. Я бы рад вам помочь. Я ведь понимаю, что от этого зависит, может быть, моя жизнь, но я ничего не знаю. Я рассказал вам все. Если я вам больше не нужен...

— Не пузырись. Посиди спокойно, закрой глаза, покури не торопясь и вспоминай, вспоминай. Может быть, ты вспомнишь какие-нибудь слова, которые ты слышал от Папочки или Кальвино, которые ты просто не понял, которые казались тебе бессмысленными. Или неважными. Или просто болтовней, знаешь, такой бабьей болтовней, которую иногда ведут серьезные мужчины...

— Постойте, дон Коломбо, постойте. Вот вы сказали «бабьей»... Погодите... Ага, вспомнил. Как-то, совсем недавно, Папочка позвал меня к себе. Когда я входил, он разговаривал

с доном Кальвино. Босс его спрашивает: «А не слишком часто он бывает у этой бабы?» А Папочка смеется: «Он у нас человек не пылкий. Два раза в месяц как по расписанию». И я еще подумал, про кого они это, но тут же, конечно, выбросил из головы.

— Так, так, Арт Фрисби. Я вижу, с тобой можно разговаривать. Я было уже начал думать, что ты можешь только стрелять по конвоям и делать во лбу маленькие дырочки. Хорошо, Арт, иди пообедай, Марвин тебя проводит, а мне нужно подумать.

Джо Коломбо включил магнитофон и пересел со стула в глубокое кожаное кресло. Усталости не было и в помине. Так, так, так. Допустим, речь шла именно об их шпионе. Допустим, хотя, конечно, они могли говорить о ком угодно. Почему Кальвино могло интересовать, не слишком ли часто он бывает у какой-то женщины? Допустим, потому, что эта женщина тоже их агент и каждая лишняя встреча может представлять ненужную опасность. Она может быть связной. Хорошо, но не слишком вразумительно и убедительно.

Ладно. Весь мой штаб живет со своими семьями здесь, в Пайнхиллзе. Если шпион кто-нибудь из них, речь идет о его поездках в Скарборо. Два раза в месяц. Мало ли по каким делам туда ездят мои люди. Но он, конечно, к этой женщине ездил или ездит один, а это уже бывает не каждый день. Итак, надо проверить по журналу главных ворот, кто и сколько раз из штаба ездил в город один. Прекрасная идея, если речь шла о шпионе. Одно маленькое «если». Но пока не было других нитей, приходилось держаться даже и за этот кончик. Если семья в опасности, надо сделать все. Все, что возможно и невозможно.

Глава V

— Сюда, — сказал молчаливый провожатый и указал Клиффорду Марквуду на дверь без таблички. — Идите, босс ждет вас.

Марквуд толкнул дверь и очутился в скромном кабинете. За столом сидел седовласый человек лет шестидесяти с небольшим с темными живыми глазами.

— Садитесь, доктор Марквуд, — кивнул хозяин кабинета на кресло у его стола. — Позвольте представиться: меня зовут Джо Коломбо. Вам это имя что-нибудь говорит?

— Я, конечно, слышал это имя, — осторожно ответил Марквуд, — но... — Он замаялся и пожал плечами.

Коломбо быстро взглянул на него, будто уколол взглядом, и спросил:

— Вы догадываетесь о характере нашей организации? Вы ведь здесь уже больше месяца.

— Нет, — Марквуд хотел, чтобы его «нет» прозвучало естественно и убедительно. Он одновременно пожал плечами, покачал головой и изобразил на лице недоумение.

— Э, доктор, я начинаю в вас разочаровываться, — усмех-

нулся Коломбо. — Я предполагал, что человек с вашим образованием поймет, что самое лучшее для него — это откровенность. Своим «нет» вы меня просто оскорбляете, доктор Марквуд. Судите сами. Вам платят раза в два с половиной больше, чем обычно. При этом вы даже не имеете отношения к тому, чем, собственно, занимается машина. Те немногие, с кем вам приходится иметь дело, избегают каких-либо разговоров о характере работы фирмы. Плюс вся прискорбная история с доктором Карутти, которая вас настолько взволновала, что вы предприняли целое расследование. И после всего этого вы хотите меня убедить, что вы не догадываетесь о том, кто мы?

— Видите ли, мистер Коломбо, все, что вы говорите, прекрасно укладывается в рамки фирмы, которая выполняет сугубо секретные исследования для правительства. Так, во всяком случае, мне говорил мистер Мэрфи, когда предлагал работу.

— И вы ему поверили? Я еще раз предлагаю говорить со мной откровенно.

Марквуд взглянул на седовласого человека за письменным столом. «Что он хочет от меня? Что скрывается за этими настойчивыми призывами к откровенности? Он мне не верит. Он видит меня насквозь. Действительно, это идиотское отрицание умного человека может только раздражать. А этот Коломбо, по-видимому, человек далеко не глупый. Хорошо, допустим я буду с ним откровенен, что тогда? Не будет ли это означать, что в один прекрасный день я последую за Карутти? Может быть, на другом шоссе, но ведущем туда же, на тот свет. Но если он подозревает, что я догадываюсь, большая ли здесь разница? Не шоссе, так пуля, не пуля, так нож — господа, мало ли способов у мистера Коломбо перестать во мне сомневаться...»

— Хорошо, мистер Коломбо, — вздохнул Марквуд, — я буду с вами откровенен. Это действительно упрощает игру. А то вы знаете, что я вру. Я знаю, что вы знаете, что я вру. Вы знаете, что вы знаете, и так далее...

— Это уже лучше, — улыбнулся Коломбо. — Так что вы знаете и о чем догадываетесь?

— Видите ли, мистер Коломбо, все началось с письма, которое я получил от Карутти...

— Я знаю, — кивнул Коломбо, — я читал его.

— Значит, ко мне действительно приходили домой? Я так до конца и не был уверен. Мне казалось, что в комнате кто-то курил...

— Вы не ошиблись. Я должен был знать, что он написал вам. Наивный чудака. Он тоже не хотел быть со мной откровенным. Впрочем, в отличие от вас он действительно ничего не понимал почти до самого конца. Он все время возился с машиной, все время что-то изменял и усовершенствовал. Я до сих пор не понимал как, но он все-таки догадался. И бросился к вам, а не ко мне, хотя моя покойная жена его тетя. Но вы казались ему ближе. Вы дружили?

— Нет, просто учились вместе, некоторое время работали в одной лаборатории.

— Родство интеллектов?

— Карутти был намного талантливее меня. И отрешеннее.

— Последнее верно. За два года, что он провел у нас, он ни разу не подумал о том, что в коттедже у него могут быть микрофоны. Вы же в первый вечер постарались заткнуть чем-то микрофон в спальне. Чего вы боялись? Вы что, разговариваете во сне?

«Куда он клонит, — напряженно думал Марквуд. — Чего он петляет все кругом да около? Неужели он знает о машине? Но это же невозможно. Но тогда что все это значит?»

— Обычно нет, мистер Коломбо, — сказал Марквуд, — но согласитесь, что спать с микрофоном под боком не очень приятно. Даже оскорбительно...

— Может быть, хотя нормального человека этическая сторона электронного контроля уже давно не волнует. Он живет в окружении потайных и открытых микрофонов, он то и дело сует свою ладонь в определитель личности. Его просматривают, досматривают, осматривают, слушают, прослушивают, подслушивают. А вас оскорбляет микрофон за подушкой. Но мы с вами отвлеклись. Что же, по-вашему, мы делаем?

— Мне казалось, что ваша фирма...

— Смелее, доктор!

— Гмм... близка к мафии...

«Так, пожалуй, будет правильно, — подумал он. — Я догадываюсь, но я ничего конкретного не знаю. Да и не могу знать».

— А вы знаете, что такое мафия?

— Ну, в общих чертах...

— Это не так просто. Удивительно, как легко люди пользуются словами, значение которых они не знают. Мафия, мафия, только и слышишь со всех сторон о мафии, и хотя бы кто-нибудь задался вопросом: а что же это все-таки такое?

Так что же это все-таки такое? Когда-то в Сицилии слово «мафия» означало «убежище». Затем им стали называть тайную организацию, которая на протяжении веков защищала народ от самых разнообразных угнетателей. А их хватало всегда, и своих и чужих. И если сицилийский крестьянин когда-то и думал, что полиция может защитить его от несправедливости власть имущих, он быстро понял на своей шкуре, кому служат полиция и суд. И вот люди научились искать справедливости и защиты только у «мафиозо». Они были ближе им, они были одними из них. Выдать кого-нибудь полиции считалось самым страшным позором, который может пасть на семью. Закон «омерты» — молчания — стал править страной. Мать никогда не называла полиции имя убийцы ее сына, даже если знала его. Жена — убийц мужа. Брат — брата.

Постепенно, однако, мафия стала, в свою очередь, служить богатым. Так уж устроен мир, что раньше или позже богатые используют в своих целях все, что могут. Итак, доктор, мафия быстро стала самостоятельной силой. И, разумеется, не только в Сицилии. Она не служила ни бедным, ни богатым. Она служила сама себе, обогащая своих мафиозо. Когда можно было наживаться на бедняках, мафия наживалась и на них.

Подпольные тотализаторы, проституция, игорный бизнес и, самое главное, торговля наркотиками — вот заказы, которые

мафия быстро и охотно выполняла. Постепенно, с развитием наркомании мы становились огромной силой.

Вы, господин доктор, шокированы. Вы не можете верить ушам — возможно ли такое? И как этот человек может произнести такие слова? Как у него поворачивается язык? Поворачивается, как видите. Просто нужно перестать мыслить жалкими старомодными понятиями. Доброта, служение людям, благородство — все это прекрасные слова, великолепные слова. Но только слова. И так было всегда, и так будет всегда, потому что мы цивилизованные звери, живущие в цивилизованных джунглях. И мы отличаемся от обычных зверей лишь тем, что мы ненасытны. Ненасытны и жестоки. Наши дикие четвероногие родственники никогда не убивают ради удовольствия и никогда не убивают, когда соперники покорно подставляют шею в знак капитуляции. У нас это не проходит. Мы ненасытны и жестоки.

Но это одна сторона жизни. Другая же посложнее. Наркомания во многом заменяет процесс естественного отбора в обществе. К шприцу ведь тянутся самые слабые, самые непригодные к жизни, которые заранее обречены. Мы лишь заставляем их, погибая, обогащать нас. Мы первые, кто превратил естественный отбор в бизнес.

Я смотрю на вас, доктор, и вижу в ваших глазах вопрос: а полиция, суд, правительство, государство? Они существуют, и мы делаем все, чтобы обеспечить их существование. Нас устраивает то, что называют парламентской демократией. Именно этот строй позволяет нам быть той силой, которую мы собой представляем. И вы знаете, почему даже самые порядочные и благородные наши политические деятели в глубине души охотно мирятся с нами? Нет, я вовсе не имею в виду финансирование избирательных кампаний и прочее. Это просто и банально. Они знают, что мы, мафия, горой стоим за парламентскую демократию и сделаем все, чтобы защитить ее. Она нам нужна, ибо любой другой социальный строй и другая форма правления — страшная угроза для нас.

Конечно, прискорбно, что нам приходится эксплуатировать человеческие слабости, но ведь в принципе всякое общество потребления не только эксплуатирует человеческие слабости, но и создает их. Мы просто бизнесмены, доктор, стоящие формально вне закона. Но, повторяю, лишь формально. Фактически мы уже давно вписались в рамки закона, потому что закон создается тем же обществом, которое порождает и нас.

Марквуд сидел неподвижно, внимательно глядя на человека за письменным столом. Он видел благообразные черты спокойного, немолодого лица, совсем еще живые глаза, разделенные аккуратным пробором седые волосы, слышал тихий и спокойный голос человека, привыкшего, что его всегда слушают. Человек за письменным столом был реальностью. Он существовал, в этом не было никакого сомнения. И все же Марквуда не покидало ощущение какой-то призрачности, нереальности, смутности происходящего. Ему казалось, что стоит только крепче закрыть глаза, поддержать их закрытыми несколько секунд, а потом снова открыть, как мир мгновенно вернется в старое, доброе, привычное русло. Исчезнут эти молодые еще

глаза, и седые благообразные волосы, и этот письменный стол. Все исчезнет, развеется ночным дрянным кошмаром. Но он знал, что, сколько бы он ни закрывал глаза, хоть пластырем их заклеивай, Коломбо не уйдет в сон.

И дело было вовсе не в том, что Клиффорд Марквуд впервые в жизни узнал о существовании и размахе организованной преступности в их благословенной стране. Нет, его смятение было гораздо прозаичнее и эгоистичнее, ибо он знал, что теперь, после этого непрошеного признания, его жизнь уж никогда не будет прежней, если ему вообще суждено еще пожить. Но тут какой-то услужливый тоненький голосок подсказывал ему, что никакой особой угрозы его жизни нет, потому что ни один нормальный человек — а мистер Коломбо был более чем нормален — не станет рассказывать человеку такое только для того, чтобы отправить его к праотцам.

— Вы меня понимаете? — вдруг спросил Коломбо.

— В каком смысле? — растерянно пробормотал Марквуд.

— В прямом, — усмехнулся Коломбо.

— Д-да.

— Ну и прекрасно. Слава богу, цивилизация приучила нас понимать многое. Теперь послушайте внимательно, доктор. Мне нужен такой человек, как вы. Человек со стороны. Человек, который еще не пропитался духом Пайнхиллза. Далекий от его интриг. Практически не знающий здесь никого. Человек, для которого все здешние обитатели — абстрактные понятия, а не сплав симпатий и антипатий. Человек незаурядного ума, блестящий специалист... Вы, кстати, знаете, что ваш прежний босс, кажется его фамилия Харджис, никак не хотел увольнять вас? Пришлось его основательно припугнуть. Итак, мне нужен такой человек, как вы.

— Для чего? — спросил Марквуд. Он вдруг вспомнил паука Джимми, закатанные в его паутину жертвы. Марквуд сам был теперь мухой, и его спокойно, не спеша закатывают в паутинный кокон. И не вскрикнешь, не дернешься.

— О, я к этому как раз и собирался подвести разговор. Мне нужно, чтобы вы помогли мне определить, говорит ли правду один молодой человек из Уотерфолла. Вы знаете, как устроен детектор лжи?

— В общих чертах.

— Узнайте подробнее. Мы сегодня же закажем такой детектор, а завтра вы соберете его. Если вам нужна какая-нибудь справочная литература, звоните по телефону, который вам даст Мэрфи, и заказывайте все. Не думайте о цене. Все только самое лучшее... До свидания, доктор Марквуд...

— До свидания, мистер Коломбо.

— Доктор Марквуд... вы знаете, когда я понял, что вы будете сотрудничать со мной?

— Нет.

— Когда я узнал, что второй раз своему знакомому полицейскому Ройвену Хаскелу вы не позвонили. Вы ведь поняли, что он сообщил нам, когда вы пытались узнать подробности о гибели Карутти?

— Да.

— И не позвонили еще раз. Тогда я понял, что вы умеете

смотреть в лицо фактам. А это главное... И еще. Вы, наверное, думаете, зачем я потратил столько времени на вас, так витийствовал, когда речь идет всего-навсего о сборке детектора лжи. Так ведь? Признайтесь.

— Да.

— Вот видите. Я бы действительно мог вам просто приказать, и вы бы выполнили мое приказание. Но я хочу от вас не слепого послушания, а сотрудничества. Не потому, что вы мне понравились, боже упаси. Я не сентиментален. Но вы обладаете таким товаром — тренированным интеллектом, — которым лучше пользоваться в сотрудничестве с его владельцем.

Джо Коломбо улыбнулся, отчего его глаза еще больше помолодели и лучики морщинок возле них стали казаться нарисованными.

Глава VI

Марвин Коломбо никак еще не мог поверить удаче. Это даже было больше, чем удача. Это было неслыханным везением. Он приготовился было к многодневным поискам, но все оказалось настолько просто, что к торжеству примешивалось даже легкое разочарование. Часом раньше, разговаривая за ленчем с советником семьи Руфусом Гровером, он ловко перевел разговор на женщин. Он говорил на эту тему со всеми в последние дни, и многие, должно быть, пожимали плечами. Раньше он не отличался репутацией донжуана. Руфус Гровер сказал ему:

— Ты знаешь, Тэд Валенти болтает, что стоит ему пробить с женщиной минут пятнадцать, как ему уже страстно хочется, чтобы она провалилась в тартарары, а на ее месте появилась пара приятелей с колодой карт и бутылочкой виски. Я его спрашиваю, удается ли ему сбрасывать своих дам в преисподнюю. «Нет», — говорит он. — Я придумал более простой способ. Я просто бываю у своей приятельницы не чаще двух раз в месяц и не больше пятнадцати минут. И сам убираюсь во-свояси».

Марвин Коломбо вошел в кабинет к отцу. Старик, уже совсем старик. Шестьдесят пять лет. Впрочем, вместе со своими камнями в печени он может еще жить и жить.

— Отец, — сказал он, — Тэд Валенти бывает у своей любовницы два раза в месяц.

Джо Коломбо снял очки, отчего его глаза стали казаться меньше и злее, и начал массировать лицо ладонями. Он вздохнул несколько раз, снова надел очки и невидящими глазами посмотрел на сына.

— Так, — наконец сказал он, — Тэд Валенти... Значит, он.

— Пока это только слова Руфуса Гровера, тем более что Гровер не слишком долюбивает Валенти, как, впрочем, и наоборот.

— Да, Марв, конечно, но слишком уж велики совпадения.

— Но зачем бы Валенти, если он действительно шпионит для Кальвино, рассказывать Руфусу Гроверу о своей любовнице?

— А почему бы и нет? Элементарная мера предосторожно-

сти. Мало ли кто мог увидеть его в городе. А так пожалуйста, я и не скрывал. Рассказывал даже Гроверу, спросите у него. Хитрый пес... Найди ее, Марв, и обязательно привези ко мне сюда. Я бы хотел сам поговорить с ней.

— Хорошо, отец, найду.

* * *

Марвин Колсэмбо поднялся на лифте на третий этаж. Шофер Валенти сказал, что номера он не помнит, но как будто из лифта направо. Удивительное дело, но похоже, что Валенти вовсе не делал тайны из своего знакомства с этой дамой. Вот здесь. Квартира тридцать четыре.

Он нажал на кнопку звонка. Дверь не открывали. Он нажал еще раз, прислушался. Ему почудилось, что где-то внутри скрипнуло, затихло. После пятого звонка из-за двери послышался старушечий голос:

— Кого?

— Мне нужно видеть Бернис.

— Нет ее.

— Когда будет?

— Кто ее знает, будет или не будет.

— Вы можете мне открыть?

Из-за двери донесся слабый, но ехидный смешок.

— Чего захотел... Она тоже чужим открыла... вот что получилось...

Марвин почувствовал, как у него забилося сердце. Что-то случилось, кто-то уже опередил их. Неужели это дело рук самого Валенти? Но старуха говорит — чужие. Мало ли кого он мог послать... Почувствовал, что что-то не так...

— Уверю вас, бабуся, я с вами ничего не сделаю.

— Не-е, — донесся из-за двери еще один смешок, — не открою.

— Мне нужно просто поговорить с вами.

— Не-е, не открою. Она тоже чужим открыла... вона что стало.

Он вышел на улицу и не без труда нашел привратника. Дом был из сравнительно дорогих, и при нем еще сохранился привратник, оказавшийся угрюмым человеком средних лет с костяной отполированной лысиной.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал Марвин.

Привратник ничего не ответил, лишь метнул на Марвина сердитый и обиженный взгляд.

— Мне нужно поговорить с женщиной, которая живет в квартире тридцать четыре.

— Ну и говорите, — неожиданно громко рявкнул привратник, — мне-то что. Я ей не хозяин. Я вообще никому не хозяин, — с отвращением добавил он и повернулся к Марвину спиной. Марвин протянул ему пять НД, которые исчезли мгновенно, словно растворились в воздухе.

— И еще десять, — сказал Марвин, — если вы устроите мне свидание со старухой из тридцать четвертой квартиры.

— Ей же тыща лет, — привратник подозрительно посмотрел на Марвина, — ее же черт испугается.

— Я не черт. И мне с ней надо поговорить по делу.

Они снова поднялись на третий этаж. Привратник нажал на звонок и, не дожидаясь ответа, забарабанил по двери руками и ногами.

— Эй, ты что, оглохла, старая? — заорал он.

— Чего разорался, лысый пес? — донеслось из-за двери.

— Тут к тебе кавалер пришел.

— Сказала, не открою.

— Он тебе посулился пять НД дать.

— Бреешь ты все.

— Ей-богу. Сейчас он под дверь подсунет.

Марвин попытался было подсунуть купюру под дверь, но не смог — мешал наружный порожек.

— Ну видишь, — донеслось из-за двери, — я ж говорила, бреешь ты все.

— Да как же я подсуну, если не дает порожек? — сказал Марвин, подумал и добавил: — Вот что. Я оставляю вашему знакомому деньги и выхожу на улицу. Вы открываете дверь, берете деньги и выходите на улицу. Там мы и поговорим. Вы ж не боитесь выйти днем на улицу... Если вы выйдете, получите еще столько же.

— Ладно. Иди на улицу и жди там, — проворчала старуха из-за двери.

Марвин спустился вниз и вышел на улицу. Недавно прошел дождь, и лужицы быстро подсыхали на раскаленном асфальте. Около подъезда на складном стульчике сидел старик. Глаза его были устремлены вдаль с сосредоточенностью слепого.

— Мистер, — тихо сказал старик, — почему вы остановились около меня? Я не люблю, когда останавливаются около меня.

— Почему? — зачем-то спросил Марвин.

— Я боюсь людей, — вздохнул старик.

— Я жду человека.

— А... — протянул старик, и Марвину почудилось, что в голосе его прозвучало разочарование, — я тоже жду.

— Кого?

— Жду. Просто жду. Все равно кого или что.

Хлопнула дверь, и из подъезда выползла толстая старуха с морщинистым, словно печеное яблоко, лицом.

— Это вы, что ли? — подозрительно спросила она Марвина. — Чего вам нужно?

— Привратник передал вам деньги?

— Попробовал бы не передать... Говорите, чего вам, а то я здесь на улице торчать не люблю. Вон пусть он торчит. Ему хорошо, он слепой.

— Расскажите, что случилось с Бернис?

— А чего рассказывать? Звонят это поздно вечером, я уж и телевизор выключила в своей комнате. Она сама и открыла. Это все я из своей комнатки слышу. У нас вообще хозяйка так мне говорит: «Если, — говорит, — я сама знакомым открываю, нечего тебе твой старый нос совать». Это она мне. А что я, можно сказать, вынынчила ее, это ей без внимания.

— Я понимаю, — кротко сказал Марвин. — Значит, она открыла. Что случилось дальше?

— А чего дальше?

— Это я вас спрашиваю.

— Да, вот я и говорю. Открыла она, и я слышу, спрашивает: «Что-нибудь случилось с Тэдом?» Тэд — это у ней есть такой. Лысоватенький, но вообще самостоятельный мужчина.

— Это он? — спросил Марвин и показал старухе фотографию Тэда Валенти.

— Смотри, — удивилась старуха. — Он. Он как и есть он.

— Ну и что же случилось дальше?

— Дальше... Они заржали, а Бернис вскрикнула. То ли чего она увидела, то ли ударили ее — не знаю, врать не стану. Только замолчала она. «Ну, — думаю, — сейчас до меня очередь дойдет», — и шмыг под кровать. Вы не смотрите, я еще шустрая. И правда. Они там чего-то между собой поговорили и, я слышу, мою дверь открывают. Хорошо, я ее не заперла, а то они бы сразу поняли, что внутри кто-то есть. А так вошли они, покрутились. Я лежу ни жива ни мертва. Лежу, смотрю на ноги. Четыре ноги. В середине комнаты постояли, подошли к кровати. Один из них говорит: «Нет старухи, ушла, видно, к любовнику». Второй заржал и говорит: «Ладно, пошли, черт с ней». Я так и поняла, что это, значит, черт со мной. «И слава, — думаю, — богу». Смотрю — и вправду ноги к двери двинулись. Ну, потом я как услышала, что дверь входная хлопнула, вылезла. «Ну, — думаю, — сейчас я Бернис скажу, что больше я у ней работать не стану. Что хватит с меня. Что хоть я ее и выныячила, но терпеть такую жизнь не намерена. Не для того я до седых волос дожидка, чтобы как кошка от ейных знакомых под кровати шмыгать». Так ей и хотела сказать. А ее нет. Унесли ее.

— Как унесли? Откуда вы знаете, что унесли? Вы ж были в своей комнате, да еще под кроватью.

— А я и не видела. Я, молодой человек, слышала. Перед тем, как хлопнула входная дверь, один из них и говорит: «Ты смотри, маленькая, а тяжелая. Попробуй ее на себе волочь. Пусть, мол, подкинет полсотни за тяжесть».

— Кто подкинет?

— А я почем знаю, какое-то имя вроде он назвал, да я не помню. Вот и все. Вы мне еще обещали пятерку.

— Вот, держи. И когда это все случилось?

— Да позавчера. Я все жду хозяйку-то. Только ни слуху от нее ни духу. Ну ладно, я пойду, а то озябла я что-то. Да и Бернис вдруг позвонит.

— Значит, вы не помните, о ком они говорили, чье имя упоминали?

— Нет. Я б сразу сказала, чего таить-то?

— Хорошо. Я еще раз приеду к вам завтра. Постарайтесь вспомнить имя. Если вспомните, четвертной ваш.

— Врешь ты, — недоверчиво сказала старуха.

— Ей-богу, — улыбнулся Марвин.

— Ну приезжай, даст бог — вспомню.

Тэд Валенти подошел к двери комнаты босса, но путь ему преградил телохранитель Коломбо.

— Я очень сожалею, мистер Валенти, но есть приказ забирать оружие у всех, кто входит к боссу.

— А что случилось? — встревоженно спросил Валенти.

— Не знаю, у меня приказ.

Валенти протянул телохранителю пистолет, постоял, пока тот ловко не ощупал его, и спросил:

— Теперь можно?

— Идите, мистер Валенти, босс вас ждет.

Валенти вошел в комнату. Он взглянул на главу семьи и наклонил голову:

— Добрый день, дон Коломбо. Вы звали меня?

— Да, Тэд. Марвин и я хотели спросить у тебя, сколько тебе платит дон Кальвино. Нет, нет, Тэдди, не волнуйся. Мы же не налоговое управление. Просто любопытно. Может, это действительно выгодно — шпионить? Расскажи нам, Тэдди-бой.

Коломбо внимательно посмотрел на Валенти и заметил, как тот с трудом проглотил слюну и неуверенно, как бы на пробу, сложил лицо в улыбку. Но улыбка мгновенно исчезла, когда взгляды их встретились.

— Так тебе не хочется ничего рассказать нам? — мягко, почти ласково спросил Коломбо. В его вкрадчивой неторопливой манере было что-то от кошки, которая собиралась поиграть с жертвой.

— Я... я не понимаю, — пробормотал Валенти. — Я не могу понять, шутите ли вы, дон Коломбо...

— Ну, конечно, шутим. Шутим, почему же нам не шутить, когда у нас хорошее настроение, когда нам весело, когда, наконец, я знаю, кто предает и продает меня и всю семью. Согласись, это случается не каждый день, Тэдди, и не каждый день можно накинуть на шею бывшему другу, которого ты собственноручно вытащил из дерьма, хорошенькую удавочку. Можно было бы, конечно, и просто пустить пулю в лоб, но не надо забывать старых традиций.

— Нет, нет, нет! — слабо крикнул Валенти и упал на колени. — Богом клянусь...

— Ты же у нас атеист, — улыбнулся Коломбо.

— Клянусь всем, что вы сделали для меня, дон Коломбо...

— Так это я сделал, а не ты. Я тебя вытащил из джунглей, где ты под именем Эдди Макинтайра размешивал белое снабье молочным сахаром, чтобы трижды обокрасть и тех, кому ты толкал героин, и тех, кто тебя им снабжал. Ты и капитан Доул, я вас вытащил обоих, когда вас хотели наказать, чтоб другим было неповадно красть у тех, кто тебя кормит. Доул сегодня наш уважаемый сенатор, гордость Скарборо. Сенатор и уважаемый бизнесмен, у которого вложено в дело почти полмиллиона. Ты же, Тэд Валенти, дослужился до советника семьи. У тебя жена и двое детей, на которых ты получил лицензии. Ты уважаемый гражданин. Ты неплохо работал, потому что чем выше ты поднимался под моим крылом, тем больше, надо думать, тебе платил дон Кальвино.

— Го-осподи, го-ос-поди! — взывал Валенти и ударил головой об пол. — Это ложь, ложь, ложь! Слова здесь нет правды, дон Коломбо, клянусь вам. Детьми клянусь! Кто, кто мог вам нашептать такое? Почему вы так решили, почему вы отвернулись от меня? Жизнь моя вся прошла у вас на виду... — Он начал всхлипывать.

— Ты неплохой актер, — улыбнулся Коломбо и несколько раз хлопнул в ладоши. — Я аплодирую твоей игре, потому что я человек справедливый. Что хорошо, то хорошо. Я ничего не буду от тебя утаивать. К нам из Уотерфолла перебежал человек. Он рассказал, между прочим, о разговоре, который он случайно услышал и который вели между собой дон Кальвино и Папочка. Кальвино беспокоился, не слишком ли часто ездит один человек к своей даме, а Папочка успокоил его, человек этот не пылкий и ездит всего два раза в месяц. Этот человек ты.

— Дон Коломбо, — протянул руки Валенти. — Это вы говорите о Бернис? Так спросите ее, она вам подтвердит под пыткой, что ничего у меня и в мыслях не было.

— Она ничего не подтвердит.

— Почему, дон Коломбо? Почему? Сжальтесь надо мной, почему?

— Ее похитили. Ее нет.

— Кто похитил? Зачем?

— Это я как раз тебя хотел спросить.

— Найдите ее, богом вас заклинаю...
— Ты к ней так привязан? — улыбнулся Коломбо.
— Нет, чтобы она подтвердила мою невиновность.
— Хватит, ты становишься, смешон. Оставайся хоть муж-
чинной.

— Но я же не скрывал, что езжу к ней. Все знали об этом.
— И даже в Грин-Палисейд? Даже дон Кальвино знал?
— Господи, что же это? — Валенти на коленях добежал до кресла, в котором сидел Коломбо. — Господи, это же заговор врагов моих! Я знаю, дон Коломбо, это все чудовищные интриги Руфуса Гровера. Он ненавидит меня. Да, я ему говорил, что езжу к Бернис. Разве это преступление? Я сам предлагал познакомить его с ней.

— Хватит, Тэд Валенти, ты мне надоел. У меня все уши полны твоим визгом. Будь мужчиной. Ты ведь у нас атеист, так что тебе нечего беспокоиться из-за ада. Эй, — крикнул он, — возьмите его!

Дверь бесшумно распахнулась, и в комнату вошел телохранитель дона Коломбо. Он легко, словно ребенка, поднял Валенти с ковра и посмотрел на босса.

— Запри его пока в подвале.

О н о н ч а н и е в с л е д у ю щ е м в ы п у с к е

Операция „ЖЕМЧУЖИНА”

Фантастический рассказ

Коуп-Ридж львиной шкурой распластался по равнине, вытянув передние лапы вдоль шоссе. В левой был зажат столб со щитом, украшенным надписью:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШ УЮТНЫЙ КОУП-РИДЖ,
ГДЕ ЖИВУТ ДВАДЦАТЬ ДВЕ ТЫСЯЧИ ВЕСЕЛЫХ ЛЮДЕЙ
И ДВЕ СТАРЫЕ ГРЫМЗЫ!

Джеральд скользнул по щиту взглядом, сбавил скорость и еще раз сверился с планом. Теперь не пропустить бы четвертый поворот направо, по Ганновер-стрит, а потом вверх по Гринхилл-род — уже до самого места. Он стал считать повороты. Будь трижды неладны эти провинциальные городки! Насколько проще там, где существует единая адресная система и достаточно накрутить на диске автомедонта код, чтобы машина сама остановилась у нужных дверей, а затем сама же припарковалась на ближайшей стоянке... Ага! Он резко бросил свой «тан-дерсторм» вправо, отчего оба правых колеса на мгновение зависли. Джеральд покачал головой и еще сбросил скорость.

Его привела сюда одна из выдумок шефа, вечно озаряемого какими-нибудь гениальными идеями. «Вот что, Джеральд, — сказал он как-то раз. — Свяжитесь со всеми патентными бюро и под каким-нибудь более или менее благовидным предлогом выудите у них сведения о всяких сумасшедших изобретателях — из тех, что приносят заявки на антигравитацию и аппараты,

делающие все из ничего. Вдруг в этом навозе обнаружится жемчужное зерно? Ведь педанты из Патентного запросто могут его прохлопать...»

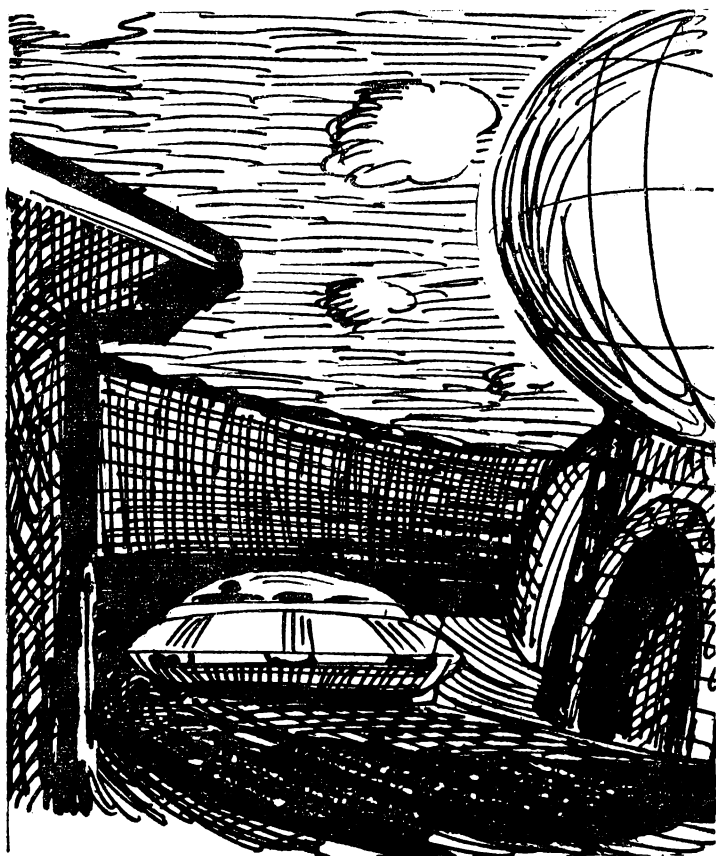
Так родилась «Операция «Жемчужина». За месяц составленный Джеральдом список достиг внушительных размеров. «Хватит, — сказал шеф. — Теперь прощупайте их, но осторожненько. Или нет, это будет слишком долго... Возьмите в помощь Джонсона и Брентлея».

Список они поделили на три части. Себе Джеральд оставил всех, кого считал хоть мало-мальски перспективными, скинув Бобу и Дорси Брентлею остальную мелочь. Увы, ни одному из них не удалось обнаружить пресловутой шефовой «жемчужины». И этот «mad scientist» из Коуп-Риджа был последней надеждой Джеральда. Впрочем, он не слишком обольщался. Надо сказать, идеи шефа редко оказывались плодотворными. Зато когда в них обнаружилось все же рациональное зерно, оно окупало все холостые ходы, вместе взятые. Потому, очевидно, шефа и ценили наверху. В ближайшем будущем он получит бригадного генерала и уйдет из Отдела перспективных разработок, а тогда... Чем черт не шутит! Во всяком случае, в отделе у Джеральда наибольшие шансы. Да и сам шеф, пожалуй, будет рекомендовать именно его.

По Гринхилл-род он вел машину медленно, всматриваясь в номера домов. Вот. Он проверил адрес. Все верно. Джеральд нажал кнопку на щитке, дверца беззвучно скользнула назад, а кресло — вбок, в открывшийся проем. Он встал на асфальт, разминая затекшие за три часа ноги.

Майкл У. Крафтон. Окончил Массачусетский политехнический. Работал в «Восточной электрической», затем в «Дженерал энергетик лимитед». Шесть лет назад оставил службу, хотя считался работником перспективным. И с тех пор тринадцать раз обращался в различные патентные бюро с заявкой на вечный двигатель. Естественно, его осмеивали. Прошел слух, что бедняга Крафтон... Что ж, пощупаем его.

Участок был окружен высокой живой изгородью, плотной и издали похожей на зеленую губку. Но в редких просветах пробивался кое-где серый тон, в котором опытный взгляд Джеральда без труда угадал скрытую за зеленью бетонную ограду. Над ней виднелись кроны растущих внутри деревьев и какой-то сферический купол, напоминающий не то газгольдер, не то кожух антенны радиотелескопа. Металлические ворота были плотно закрыты. Джеральд на мгновение остановился перед ними. Потом вдавил клавишу сигнала.

Рисунки Б. ДОЛЯ

— Слушаю, — раздалось из скрытого динамика.

— Джеральд Кремаски из Олдкрикского Патентного бюро.

— Долго же вы раскачивались, мистер Кремаски... Что ж, добро пожаловать, как сказано на щите, который вы, без сомнения, заметили. А одна из старых гримз, к вашему сведению, — это я.

Ворота провалились вниз, открыв проезд, достаточно широкий даже для армейского грузовика. В глубине виднелся дом-вилла из стекла и бетона в стиле Луиса Кана.

— Гараж за домом слева, — закончил голос. — Я сейчас выйду.

Джеральд вернулся в машину и медленно въехал на территорию виллы. В зеркало он заметил, как створки ворот поползли вверх, едва их миновала тяжелая корма «тандерсторма».

— Хороший зверь, — прозвучал неведомо откуда тот же голос. — Лошадей триста?

— Триста восемьдесят.

— Экий динозавр...

— Почему, собственно?

— Потому что скоро таких не будет. Как только пойдет в работу мой двигатель, они неизбежно отомрут. К тому же поддержка сенатской комиссии по охране среды гарантирована.

«Начинается, — подумал Джеральд. Ему стало тоскливо. — Надо отделаться от него побыстрее».

Черт возьми, но где же гараж? Салатная лента асфальта вела его на прямоугольную площадку, где могла разместиться максимум одна машина. Он резко затормозил. В тот же момент площадка провалилась вниз, и он очутился в подземном гараже, где стояли уже «лендровер-сафари» и машина незнакомой Джеральду марки — тупорылая, как автобус, микролитражка.

— Это и есть мое чадо, — сказал голос гулко; акустика в гараже была великолепная. — «Жучок». Как вы думаете, мистер Кремаски, сколько в нем сил?

— С полсотни. — Джеральд еще раз критически осмотрел машину.

— Вы ошиблись ровно в четыреста раз, — в голосе послышалось ехидство.

Бедняга Крафтон! Похоже, он действительно...

— У вас будет возможность самому убедиться в этом, мистер Кремаски, — пообещал голос с той же ехидной ноткой. — А пока загоните-ка своего динозавра в стойло.

— Благодарю, — сказал Джеральд. — Ну, тронулись, динозавр.

Поднявшись на поверхность, Джеральд увидел, наконец, самого Крафтона. Они поздоровались.

— Неужели эти тупицы из Патентного поняли, что со мной стоит поговорить всерьез? — поинтересовался Крафтон.

— Почти, — осторожно сказал Джеральд. — Скорее это моя частная инициатива. Я наткнулся в архиве на ваши заявки, выяснил, что аналогичные поступали и в другие патентные бюро, и ваша настойчивость заинтересовала меня, тем более что я немного знаю вас еще по «Дженерал энергетик».

— А вы честолобивы, мистер Кремаски... Наверное, утешаете себя мыслью, что и Эйнштейн некогда служил в Патентном бюро? Впрочем, это не самый страшный недостаток. Скорее

это даже достоинство. Только вот почему у вашего динозавра вашингтонский номер? И давно ли на службу в Патентное бюро стали поступать выпускники Вест-Пойнта?

Джеральд прикусил губу. И как он забыл сменить номерные знаки?!

— Так что давайте говорить всерьез, — продолжил Крафтон. — Правда, это лучше делать в более уютной обстановке. Вы согласны?

Тем временем они подошли к дому.

— Что вы предпочитаете? — спросил Крафтон, открывая бар.

— Дайкири, если не возражаете.

— Неплохой вкус, мистер Кремаски. Кстати, кто вы по званию?

— Майор. Майор Джеральд Кремаски из Отдела перспективных разработок.

— Примерно так я и думал. Прошу вас.

Джеральд опустился в низенькое кресло, вытянул ноги и отхлебнул глоток. Дайкири был в меру сухим и холодным, в выпивке, похоже, Крафтон толк знал. Хорошо, если б не только в выпивке: почему-то этот «mad scientist» вызвал у Джеральда невольную симпатию, и будет обидно, если и на сей раз невод вернется пустым.

— Скажите, мистер Крафтон, зачем вам понадобилось превращать свой дом в шедевр фортификации? Не удивлюсь, если в стене обнаружатся еще и замаскированные амбразуры.

— Видите ли, мистер Кремаски...

— Просто Джеральд, если не возражаете. Так, наверное, будет проще.

— Согласен. Но и вы называйте меня Майклом. Это так славно, истинно по-американски, правда? Так вот, о доме. Наши английские друзья говорят: мой дом — моя крепость. Я овеществил эту метафору. Преполезное занятие — овеществлять метафоры... Как-нибудь я расскажу вам подробнее, Джеральд. А пока давайте поговорим о деле. Как вы прекрасно понимаете, никогда и никаких вечных двигателей я не изобретал.

Джеральд вскинул на него глаза. Лицо Крафтона было серьезным, только в углах губ и мелких морщинках у глаз притаилась улыбочка, столь же ехидная, как недавняя интонация его голоса.

— Вы хотите сказать...

— ...что это был способ привлечь внимание. Если инженер, в определенных кругах пользующийся известностью, вдруг бросает службу, а затем рассылает чуть ли не во все патентные бюро заявки на вечный двигатель, первое, что о нем поду-

мают, — он свихнулся. Но кое-кого интересует, нет ли здесь чего-нибудь серьезного... Как, например, вас. Как видите, способ оказался достаточно действенным.

— Вынужден огорчить вас, Майкл. Мы обратили внимание не на одного Крафтона, а на всех... свихнувшихся.

— И?

— Об этом говорить пока рано.

— Понимаю. Вы, должно быть, очень секретный работник, майор?

— Очень. — Джеральд улыбнулся. Улыбка у него была обезоруживающе обаятельной, и он знал об этом.

— Хорошо. Надеюсь, от меня вы уйдете не с пустыми руками. Только вот... Согласитесь, я не мог ждать вашего визита. И подготовиться к какой бы то ни было демонстрации — тоже. Ну да ладно. Пойдемте для начала в святая святых, а там видно будет, вдруг да придет в голову какая-нибудь ослепительная идея... Вы верите в неожиданные озарения, Джеральд?

Вилла была двухэтажной, и Джеральд удивился, когда, пройдя по длинному коридору, они очутились перед лифтом. Крафтон нажал на щитке кнопку с цифрой 3. Джеральд ждал. Створки сомкнулись, и кабина провалилась вниз. Падение длилось секунды три — иначе, чем падением, этот спуск назвать было нельзя. Дверь распахнулась, открыв коридор с бетонными стенами. Под потолком неярко горели молочно-белые плафоны.

— Противоатомное убежище, — восхищенно протянул Джеральд.

— Шедевр фортификации, — в тон ему отозвался Крафтон. — Все это досталось мне по наследству. А вот и святая святых.

Джеральд ожидал увидеть машинный зал, аппаратную, лабораторию, но только не то, что предстало его глазам, настолько это показалось убогим и не соответствующим пышному наименованию. Комната не больше двадцати квадратных ярдов с такими же голыми бетонными стенами, как в коридоре. Вдоль левой стены — металлический стеллаж, уставленный ровными рядами черных кубов с ребром около фута. На глаз их было штук сорок-пятьдесят. Посредине на бетонном пьедестале стоял еще один такой же кубик. На верхней грани видна была пластмассовая ручка для переноски и две клеммы, от которых к небольшому распределительному щиту на правой стене тянулись толстые кабели.

— Вот они, мои цыплята, — сказал Крафтон. — Как они вам нравятся, майор?

— А что это такое, собственно?

— Хроноквантовые генераторы. Помните, я говорил о метафорах? Есть среди них и такая: время — деньги. Но что такое деньги, если не мерило ценности в нашем мире, такое же, как энергия? Время — энергия... Впрочем, я был далеко не первым, искавшим в этом направлении. Первым, насколько мне известно, был некий русский, Козырев. За ним — Ройтблат в Германии и Шеллингтон в Новой Зеландии. Мне же посчастливилось найти то, что они искали. Эти цыплятки превращают энергию времени в электрическую. Правда, я практик, и сам не могу объяснить, а порой даже понять, как именно это получается. Ну да это уже ваша забота: думаю, вы найдете целый полк теоретиков. Вот этот, — он указал на центральный куб, — снабжает энергией все мое хозяйство. Если хотите, справьтесь в «Восточной электрической», и вам скажут, что никаких кабельных вводов на мой участок нет. Впрочем, вы вольны мне не верить, я вас отнюдь не уговариваю. Причем должен сказать, я использую едва ли процент потенциальной мощности генератора. А этот выводок вполне смог бы удовлетворить энергетические потребности всех восточных штатов...

— Эти? — Джеральд кивнул на стеллаж.

— Я леплю их в среднем по штуке в неделю. С большими одному не управиться. Мне же этих вполне хватает. Один вы видите в работе, второй стоит в моем «Жучке». Куда еще? А теперь придется вам слегка поразмяться, майор, — мышцы у вас, наверное, малость одрябли от кабинетной жизни. Возьмите-ка один из них и пойдемте наверх...

— Куда бы мне вас затащить?.. — продолжал Крафтон, когда они вышли из лифта наверх. — Идея! Пошли.

Джеральд покорно последовал за ним. Ящик оказался неожиданно легким, не больше полустона. Они свернули направо, потом еще раз остановились перед дверью, которую Крафтон и распахнул широким жестом. Это была ванная.

— Что вы задумали, Майкл?

— Увидите. Ставьте его сюда, — Крафтон указал на фаянсовую раковину. — Не беспокойтесь, она выдержит. — Нагнувшись над ванной, он заткнул пробкой сток. — А теперь притащите-ка откуда-нибудь пару кресел, пока я тут вожусь. Найдете?

— Ориентироваться в чужих домах — одна из моих профессий, — откликнулся Джеральд. Его разбирал смех: уж очень нелепо все выглядело.

Кресла нашлись в гостиной. Они были легкие — алюминиевые трубки и поролон, — и он смог взять оба в один заход.

Когда он вернулся, Крафтон стоял над ванной, в которую из развернутого до отказа крана хлестала тугая струя, и сыпал в воду соль из пластикового пакета.

— Нужно примерно два процента, Джеральд, как в морской воде. Как вы думаете, полпачки хватит? Только учтите: одну я уже всыпал. А, ладно, пусть нам будет хуже, — с этими словами он решительно вытряхнул пакет. — А кресла поставьте здесь: слава богу, мой родитель любил комфорт, и места хватит на десятерых... Из вас вышел бы превосходный ассистент, клянусь! Может, подумаем впоследствии о таком варианте, когда я получу Нобелевскую премию, а армия не захочет выпустить меня из-под контроля? — Продолжая разглагольствовать в таком же тоне, Крафтон привинтил к клеммам генератора два провода, оканчивающихся металлическими пластинами примерно восемь на восемь дюймов, и опустил их в воду так, что между пластинами остался зазор дюйма в четыре. Ванна тем временем наполнилась, и он закрыл кран. Сразу стало тихо.

— А теперь садитесь, Джеральд. И давайте рассудим. Предположим, я вас надуваю, и это обычный аккумулятор, хотя вы могли убедиться в обратном по одному лишь весу. Но допустим. Какова на глаз его емкость?

— Примерно как у автомобильного. Сорок-пятьдесят ампер-часов.

— Прекрасно. Теперь предположим, что я гений — а это и в самом деле так — и сконструировал аккумулятор, с емкостью на единицу объема и веса вдесятеро больше нормальной, то есть четыреста ампер-часов.

Джеральд кивнул.

— Поскольку ничего больше солидного и впечатляющего я сразу придумать не могу, мы позабудемся на школьном уровне с водяным реостатом. Посчитайте, сколько воды испарит в час аккумулятор нормальный и десятикратный. А я пока принесу выпить. Договорились? Только не пытайтесь вскрыть генератор — это предусмотрено и к добру не приведет.

Джеральд улыбнулся. Когда минут через десять Крафтон вернулся с корзиной, ошетилившейся ежом бутылочных горлышек, он сказал:

— Подсчитал, Майкл. Соответственно семьдесят два и семьсот двадцать граммов. И если вы в самом деле создали такой аккумулятор... Только как мы найдем семьдесят два грамма в объеме ванны? И даже семьсот двадцать?

— Я создал хроноквантовый генератор, — внушительно произнес Крафтон. Он подошел к кубу и нажал не замеченную

Джеральдом кнопку под ручкой. Потом достал из корзины серебряный шейкер и бросил Джеральду на колени. — Сообразите пока что-нибудь по своему усмотрению, майор. — Сам же присел на край ванны и стал смотреть в воду.

— Глядите, — сказал он минут через пять.

Джеральд, с руками, занятыми шейкером, кое-как выкарабкался из низенького кресла и присвистнул: вода закипела, она бурлила между пластинами, крупные пузыри всплывали и лопались, покрывая поверхность рябью, а мелкие разбегались в стороны, как водяные жучки. Вверх потянулся столбик пара.

Через полчаса ванна была уже на четверть пуста, а помещение полно пара. Одежда отсырела и набрякла. Джеральд спустил галстук и расстегнул ворот.

— Уф, — сказал он, — ж-жарко, не могу! Пойдемте отсюда, Майкл. Считайте, что вы меня убедили.

— Э, нет! Лучше я принесу холодного пива, хотите? И вообще, пар костей не ломит, как говорят не то русские, не то финны, — словом, какой-то «банный» народ. Еще могу предложить вам раздеться...

Холодное пиво — это было замечательно. Но и несколько рискованно вместе с тем. На второй дюжине оба сидели в одних трусах, успев уже выяснить, что послужной список Джеральда намного богаче, чем у Крафтона, каковой исчерпывался участием в учениях национальной гвардии, но зато Крафтон знал гимн Хулиганского патруля, которого не знал Джеральд и который они стали разучивать под аккомпанемент банджо, неведь откуда выуженного Крафтоном, и вскоре они пели этот гимн довольно слаженно, хотя голоса вязли в парном тумане, как мухи в патоке. Время от времени Крафтон вставал, чтобы долить в ванну воду, досолить ее или принести еще несколько жестянок ледяного пива, и пар действительно не ломил костей, и Джеральд был уверен, что ему совершенно незачем связываться с руководством Отдела перспективных разработок, если открывается столь заманчивая перспектива стать ассистентом Майкла Крафтона, который умеет кипятить воду в ванне и варить в ней раков, которые так хорошо гармонируют с пивом, и он чувствовал себя совсем недавно рожденным, здоровым и сильным, как сборная Йельского университета по регби.

Когда полностью выкипела третья ванна, Джеральд решил, что испытания прошли донельзя удачно и что ему необходимо немедленно отправиться в Вашингтон и вытащить сюда шефа, чтобы поздравить с осуществлением его великолепной идеи и познакомить с Крафтоном, его генератором и финской парной

баней, в которой — Джеральд готов был поставить свои будущие погоны подполковника против десяти центов — шеф никогда не бывал. Крафтон уговаривал заночевать, но Джеральд был непреклонен, и они пошли туда, где уже стоял поднятый из гаража «тандерсторм», при виде хозяина услужливо распахнувший дверцу и выдвинувший кресло. Они обнялись на прощанье, и Джеральд сел было на водительское место, но проклятый динозавр — правильно обозвал его умница Майкл! — учуял-таки запах и успел убрать сиденье и захлопнуть дверцу, и Джеральд так и замер в весьма неудобной и не совсем приличной позе на корточках, благо еще не упав от неожиданности. Проклятые хеморецепторы! Он злобно пнул ногой баллон, но тут же скривился, только теперь осознав, что бос и гол, и тогда он поддался на уговоры Крафтона и решил заночевать, но перед сном стоило все же посидеть еще немного и выпить по последней порции... Потом в памяти зиял какой-то провал, за которым следовала картина: голый Крафтон, похожий на шеф-повара адской кухни, огромным черпаком на деревянной ручке помешивает в ванне жуткое варево, которое называет пуншем, и горстями сыплет туда корицу, гвоздику и еще какие-то специи, приговаривая:

— Сказано: по вкусу. Как ты думаешь, Джерри, хватит или еще немножко?..

* * *

Какой-то подлец умудрился засунуть ему в череп чугунное ядро, и при малейшем движении оно перекачивалось, сминая мозг и дробя кости. Полжизни за таблетку аспирина! Но аспирин не было. Постель плавно покачивалась. Как он попал на судно? И, если он в каюте, почему за окном видны деревья?.. Ах да, он на вилле у Майкла. Ясно. Но где же достать аспирин?

Он встал. Ядро перекатилось и замерло. Раз нет аспирина, надо по крайней мере принять холодный душ. Он направился в ванную. Но едва он раскрыл дверь, навстречу рванулось облако пара. Из крана хлестала вода, ванна бурлила и парила, в воздухе висел густой, отвратительно-пряный запах. Джеральд захлопнул дверь, с трудом удерживая в себе подкативший к горлу кисло-сладкий ком.

— Да когда же это кончится, черт побери? — вырвалось у него.

— Никогда. Ибо хроноквантовый генератор потребляет энергию вечности. — Сзади стоял Крафтон. Вид у него был значи-

тельно менее помятый, чем можно было ожидать. — Доброе утро, Джерри.

— У тебя есть аспирин, Майкл?

— Зачем тебе аспирин? Пошли.

В кухне Крафтон плеснул в стакан содовой и накапал туда нашатырного спирта. Джеральд выпил. Тошнотворно-свежая, отвратительная аммиачная струя ударила в мозг, вызвав в памяти Вест-Пойнт и внеочередные наряды на чистку клозетов. Но потом стало легче, и ядро выкатилось из черепа.

— А теперь завтракать. — Крафтон, взяв Джеральда под руку, повел его в столовую.

После яичницы с беконом и двух чашек крепчайшего ароматного кофе Джеральд почувствовал себя вполне приемлемо. На всякий случай sprysнув рот дезодором, он на этот раз без приключений сел в свой «тандерсторм» и, попрощавшись с Крафтоном и договорившись с ним о времени следующей встречи, выехал за ворота виллы.

Через десять минут он уже оставил позади Коуп-Ридж и по сто двадцать восьмой дороге мчался к Вашингтону, насвистывая «Стинки Стон» и думая, в каких выражениях лучше доложить обо всем шефу.

* * *

Проводив гостя, Крафтон выпил еще чашку кофе и растянулся в шезлонге на террасе. Голова была тяжелой, как это всегда бывает после обильных возлияний, нейтрализованных двумя таблетками алкаламида — одной до и одной после. Он закурил. Дым, поднимаясь тонкой, гибкой струйкой, голубоватым волокнистым облачком расплзался под тентом. И только теперь он отпустил поводья.

Наконец-то! Ключули!

Это была победа. Точнее, ее провозвестие, ибо еще не одна схватка ждет его впереди. Но первый бой выигран. Только до чего же это смешно, дико, мерзко и глупо: хитрить, изворачиваться и лгать, желая подарить людям бездны и бездны даровой энергии! Впрочем, на что еще можно рассчитывать в этой благословенной стране, где Джо Беллу некогда пришлось первую половину жизни доказывать, что такой простой аппарат, как телефон, может работать, а вторую — судиться, доказывая свой бесспорный приоритет...

Но его урок не пропал даром. И Крафтон действовал и впредь будет действовать намного осмотрительнее. Эти тупицы из Па-

тентного бюро осмеяли его: да, конечно, камни не могут падать с неба, вечный двигатель не может быть изобретен, а аппараты тяжелее воздуха не могут летать. Что ж, теперь им придется посчитаться с Крафтоном. Хроноквантовый генератор работает, и оспорить это невозможно. Теоретики начнут копать и строить гипотезы, объясняющие факт существования этого феномена, а уж он постарается подлить в огонь их полемики побольше масла, дающего густой и черный дым.

И пройдет не один год — не меньше, чем понадобилось ему создать этот агрегат, — прежде чем они, свыкшись уже с генератором, докопаются вдруг, что вся хроноквантовая техника — это бред, чушь, бессмысленная мешанина вокруг одного маленького и действительно работающего узла — пресловутого перпетуум мобиле, вечного двигателя.

На 1-й и 4-й страницах обложки — рисунок Н. ГРИШИНА.

На 2-й странице обложки — рисунок К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА к рассказу В. МИХАЙЛОВА «Адмирал» над поляной.

На 3-й странице обложки — рисунок Б. ДОЛЯ к рассказу А. Балабухи «Операция «Жемчужина».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

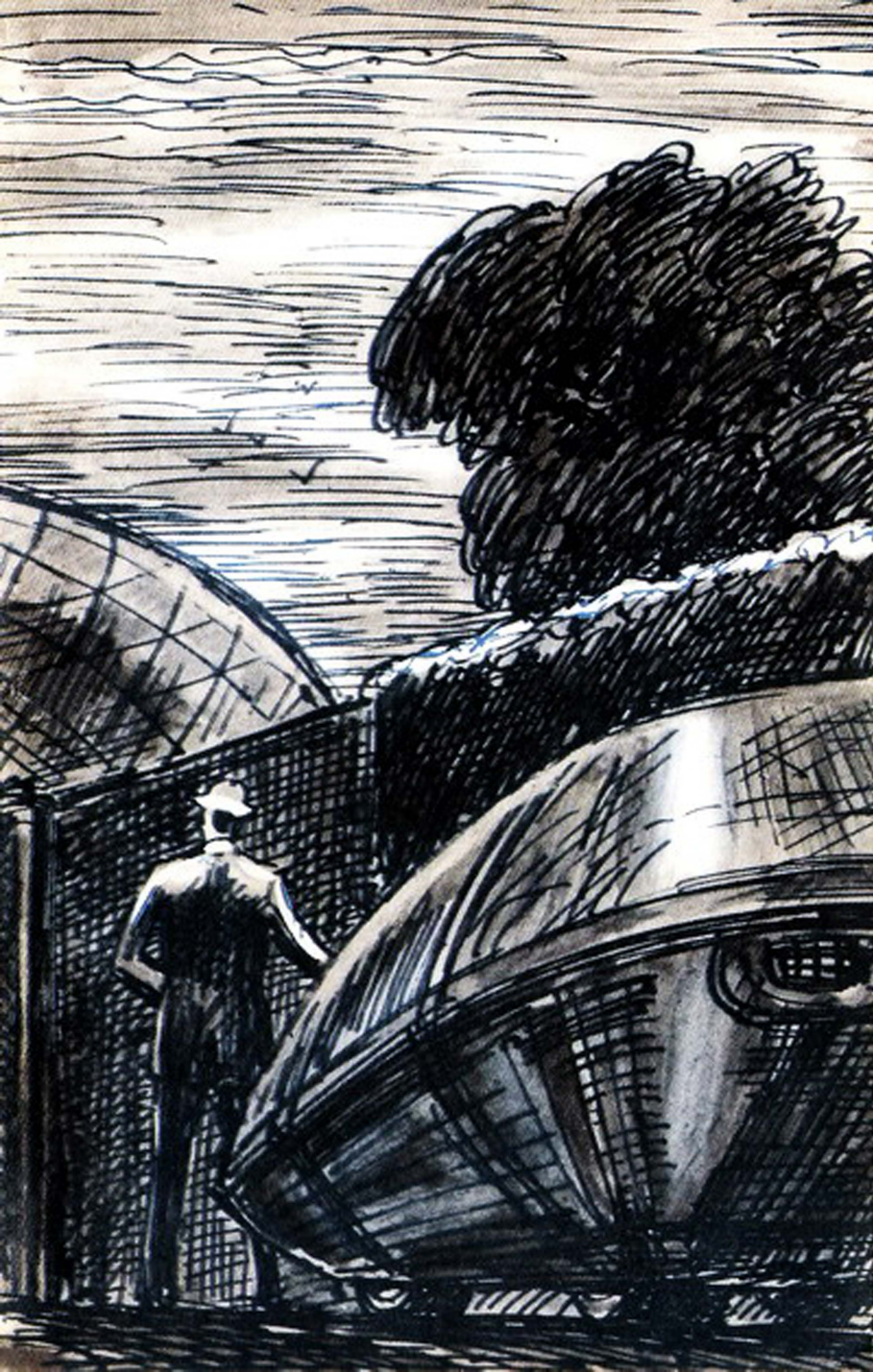
Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. МАЛОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА

Рукописи не возвращаются.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Сушевская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.

Сдано в набор 28/III 1973 г. Подп. к печ. 12/VII 1973 г. А00451.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 150 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1086.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сушевская, 21.

В. МИХАЙЛОВ — „Адмирал“ над поляной
Хэммонд ИННЕС — Крушение „Мэри Диар“
З. ЮРЬЕВ — Белое снадобье
А. БАЛАБУХА — Операция „Жемчужина“

Цена 20 коп.

